

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2022 with funding from
Duke University Libraries

**This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the
Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by
University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1965**

Михаил БАКУНИН: БАКУНИН

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ТОМ V.

— "ALIANC" I INTERNA
TSIONAL

„Альянс“ и Интернационал.

INTERNATSIONAL I MAZZINI

Интернационал и Мадззини.

С примечаниями
Дж. Гильома.

Перевод с французского
Л. Гогеляя.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГОЛОС ТРУДА“
ПЕТЕРБУРГ—МОСКВА.

1921.

335

B 169 AB

t. 5

Протест „Альянса“.

Протест „Альянса.“

... то, что они ¹⁾ думают и чего хотят, думают и хотят их секции, так что им даже нет нужды спрашивать их, как следует поступить и действовать в том или другом случае от их имени.

Эта иллюзия, эта фикция прискорбна во всех отношениях. Она очень прискорбна, во-первых, в отношении социальной нравственности самих вождей, поскольку она причает их смотреть на себя, как на неограниченных хозяев над известной группой людей, как на несменяемых, постоянных вождей, власть которых узаконена как теми услугами, которые они оказали, так и самим временем, впродолжение которого длилась эта власть. Лучшие люди легко разворачиваются, их легко становится подкупить, в особенности, если сама среда способствует этому, благодаря отсутствию серьезного контроля и постоянной оппозиции. В Интернационале не может быть речи о подкупе деньгами, потому что это сообщество еще слишком бедно, чтобы давать доходы или даже справедливое вознаграждение своим вождям. В противоположность тому, что происходит в буржуазном мире, корыстность и лихоимство в нем, стало быть, редки и бывают лишь в исключительных случаях. Но существует другой вид подкупа, которому, к сожалению, не чуждо Международное товарищество рабочих: это подкуп тщеславия и честолюбия.

¹⁾ В этом месте Бакунин, очевидно, говорил о комитетах и их государственных привычках; он объяснял, каким образом, совершенно естественно, комитеты стали подменять своею волею и своими мнениями волю и мысли управляемых ими секций.

Дж. Г.

Все люди обладают природным властническим инстинктом, который берет свое начало в том основном законе жизни, что ни один индивид не может обеспечить себе существование ни заставить уважать свои права иначе, как посредством борьбы. Эта борьба между людьми началась с людоедства; потом, продолжаясь в течение веков под различными религиозными лозунгами, она последовательно прошла, — и иногда даже как бы возвращаясь к своему первоначальному варварству, — через все формы рабства и крепостничества. В настоящее время она происходит двояким образом: в виде эксплуатации наемного труда капиталом и в виде политического, юридического, гражданского, военного, полицейского угнетения государством и государственною официальною церковью, продолжая вызывать всегда во всех личностях, рождающихся в обществе, желание, потребность, иногда необходимость повелевать другими и эксплуатировать их.

Мы видим, что инстинкт повелевать другим, в своей первоначальной сущности, плотоядный инстинкт, животный, инстинкт дикаря. Под влиянием умственного развития людей, он в некотором роде облагораживается, принимает менее грубые формы, являясь орудием разума и преданным слугою той абстракции или той политической фикции, которая называется общественным благом; но по существу он остается таким же зловредным, он даже становится вреднее по мере того как, благодаря применению науки, действие его расширяется и усиливается. Если есть дьявол во всей человеческой истории, так это этот властнический принцип. Он один, вместе с тупостью и невежеством масс, на чем он, впрочем, всегда основывается и без чего не мог бы существовать, он один породил все несчастья, все преступления и все постыдные факты истории.

И этот проклятый принцип неизбежно существует, как естественный инстинкт, в каждом человеке, не исключая самых лучших людей. Каждый носит в себе его зародыш, а известно, что каждый зародыш, в силу основного закона жизни, должен необходимо развиваться и расти, если только он находит в окружающей среде благоприятные условия для своего развития. Эти условия в человеческом обществе — тупость, невежество, безразличное ко всему отношение, апатия и рабские привычки масс; так что можно с полным правом сказать, что сами эти массы рожают этих эксплуататоров, угнетателей, деспотов, палачей чело-

вечества, чьими жертвами они являются. Когда они безмятежно спят и терпеливо переносят свое унижение и рабство, лучшие люди, рождающиеся в их среде, наиболее умные, наиболее энергичные, те, которые в иной среде могли бы оказать огромные услуги человечеству, становятся неизбежно деспотами. Они становятся ими, часто ошибаясь на свой собственный счет и думая, что работают на благо тем, кого они угнетают. Наоборот, в обществе сознательных людей, с живым умом, ревниво оберегающих свою свободу и готовых в каждый момент выступить на защиту своих прав, самые большие эгоисты, самые зложелательные личности, становятся хорошими. Такова власть общества, в тысячу раз более сильная, чем власть самых сильных личностей.

Итак, стало быть, ясно, что отсутствие постоянной оппозиции и контроля становится неизбежным источником нравственной испорченности для всех лиц, облеченных какой-нибудь общественной властью; и что те из них, которым дорого спасти свою личную нравственность, должны во-первых, стараться не оставаться слишком долго у власти, а во-вторых, пока у них находится в руках эта власть, стараться вызвать против себя эту оппозицию, подвергнуть себя этому спасительному контролю.

Этого-то обыкновенно и не делали члены женеvских комитетов, без сомнения, благодаря незнанию опасностей, каким они подвергались с точки зрения общественной нравственности. Посвящая себя всецело деятельности в комитетах, они приобрели приятную привычку командовать, и в силу некоторого рода галлюцинации естественной и почти неизбежной у всех людей, которые слишком долго держат власть в своих руках, они вообразили себя необходимыми людьми. Таким образом, незаметно образовалась в самих секциях строительных рабочих, ярко пропитанных народным духом, нечто вроде правящей аристократии. Мы увидим сейчас, какие губительные последствия вызвало это для организации Международного Товарищества в Женеве.

Нужно ли говорить, насколько такое положение вещей прискорбно для самих секций? Оно все более и более сводит их к нулю, превращает в состояние чисто фиктивных организаций, которые существуют только на бумаге. С возрастающей властью комитетов естественно развились

индифферентизм и невежество секций во всех вопросах, кроме вопроса стачек и членских взносов, которые к тому же производятся все с большими и большими затруднениями и очень нерегулярно. Это естественный результат умственной и нравственной апатии секций, а эта апатия является, в свою очередь, таким же необходимым следствием автоматического подчинения, до какого довел секции авторитарный дух комитетов.

Во всех других вопросах, за исключением стачек и членских взносов, строительные рабочие отказались от собственного суждения, от всякого участия в обсуждении их от всякого вмешательства; они во всем полагаются на решения своих комитетов. „Мы избрали комитет, он должен решать“. Вот, что строительные рабочие часто отвечают тем, кто старается узнать их мнение по какому нибудь вопросу. Они дошли до того, что не имеют больше никакого мнения, подобные белым листам бумаги, на которых их комитеты могут писать все, что хотят. Лишь бы только их комитеты не требовали у них слишком много денег и не торопили их слишком вносить то, что полагается, они могут не спрашивая их, решать и делать безнаказанно от их имени все, что им кажется нужным.

Это очень удобно для комитетов, но это отнюдь не благоприятствует общественному, умственному и нравственному развитию секций ни действительному развитию коллективного могущества Международного Товарищества. Так как реальными остаются только комитеты, которые, благодаря некоторого рода фикции, свойственной всем правительствам, выдают свою волю и свои мысли за волю и мысли своих секций, тогда как в действительности эти последние в большинстве обсуждаемых вопросов не имеют ни воли ни мыслей. Но комитеты, представляя только самих себя и имея за собой только невежественные и индифферентные массы, способны лишь образовать фиктивную силу, а не настоящую. Эта фиктивная сила, отвратительное и неизбежное последствие авторитарного принципа, проникнув в организацию секций Интернационала, чрезвычайно благоприятна для развития всякого рода интриг, тщеславия, честолюбия и личных интересов; она даже является превосходным средством, чтобы внушить пролетариату чувство детского самодовольства и уверенности, столь же смешной, как и роковой; она превосходна также, чтобы поразить воображение буржуа. Но она не принесет никакой пользы в борьбе на жизнь и

на смерть, какую должен вести теперь пролетариат всех стран против еще слишком реальной силы буржуазного мира.

Эта индифферентность по отношению к общим вопросам, которая все больше и больше проявляется у строительных рабочих; эта умственная лень, заставляющая их полагаться во всех вопросах на решения своих комитетов, и вытекающая отсюда, как естественное следствие, привычка к автоматическому и слепому подчинению, делают то, что в самих комитетах большинство входящих в состав их членов становятся бессознательным орудием мысли и воли трех или двух, иногда даже кого-нибудь одного из своих товарищей, более умного, более энергичного, более настойчивого и более активного, чем другие. Таким образом, большинство секций представляет лишь массы управляемых либо олигархией, либо даже совершенно личной диктатурой, скрывающей свою самодержавную власть под самой демократической формой в мире.

При таком положении дела, чтобы взять в свои руки управление всем Женевским Международным Товариществом, и именно группой строительных рабочих, нужно было сделать только одно: привлечь на свою сторону, всевозможными средствами, нескольких наиболее влиятельных вождей секции, — десятка два или три лиц самое большее. Залучив их и надлежащим образом подчинив их себе, вы имели все секции строительных рабочих в своих руках. Такое именно средство и употребили, с большим успехом, ловкие вожаки Женевской Фабрики 1).

Кульминационный пункт собственно женевской организации, это Женевский Центральный Комитет 2) Каждая секция посылает в этот комитет двух делегатов так что он должен собирать на своих заседаниях, теперь когда число секций Женевского Интернационала достигло 3)

1) Секции фабричных рабочих.

2) Называемый Кантональным Комитетом.

3) Бакунин оставил здесь и дальше, перед словом *членов*, пустое место; на полях он сделал следующую заметку, предназначенную для женевских друзей, которые должны были прочесть его рукопись: „Женевские друзья должны вписать настоящие цифры, я их не знаю. Во всяком случае, имеется больше тридцати секций и, следовательно, в центральном комитете больше шестидесяти делегатов“.

Эта цифра, шестьдесят членов, которая соответствовала бы существованию тридцати секций, преувеличена. Во время общего Брюссельского съезда, 5 сентября 1868 г., в Женевском кантоне было двадцать четыре секции (доклад делегата Гралья); во время основания романской федера-

считая по два делегата от каждой, ... членов. Очень редко бывает чтобы число делегатов, действительно собирающихся на регулярных заседаниях центрального комитета, достигало трети общего их числа.

Центральный Комитет является бесспорно высшей властью в Женевском Интернационале. Благодаря тем полномочиям, какими он облечен, и благодаря своим непосредственным сношениям со всеми секциями, чьим он, впрочем, считается прямым выразителем, представителем, и в некотором роде постоянным парламентом, центральный комитет обладает, разумеется, большей властью, чем сам федеральный комитет¹⁾. Этот последний является исключительным и высшим представителем коллективных интересов, стремлений, мысли и воли всех секций Романской Швейцарии, как по отношению к генеральному Совету Международного Товарищества Рабочих, так и по отношению к национальным организациям этого сообщества во всех других странах. В этом отношении, он находится в зависимости, во-первых от генерального совета,—против решений которого он, впрочем, всегда может апеллировать к общим съездам, — и затем, и более непосредственно, еще от федеральных съездов секций романской федерации, которые не только имеют право его контролировать и вменять ему в обязанность исполнение своих окончательных постановлений, но и лишиться его полномочий и заменить его другим федеральным комитетом.

Федеральный комитет, кроме того, является верховным руководителем газеты федерации. Редакция газеты, правда, назначается романским съездом, но газета выходит под наблюдением федерального комитета, который имеет неотъемлемое право придавать ей свой дух. Если только он умеет пользоваться этим оружием, оно обеспечивает ему большую власть, ибо газета, обращаясь непосредственно ко всем членам Интернационала, может сильно способствовать тому, чтобы выработать в них общее направление.

ции, в январе 1869 г., женевских секций было двадцать три (доклад романского федерального комитета на съезде в Шо-де-Фоне, в апреле 1870 г.); их было двадцать шесть в октябре 1869 г. („Интернационал“, т. I). Наконец, на основании газеты „Egalité“ от 23 апреля 1870 г. число женевских секций во время съезда в Шо-де-Фоне было двадцать восемь.

Дюс. Г.

¹⁾ Романский Федеральный Комитет был представителем романской Федерации, а женевская организация составляла лишь часть последней. Этот федеральный комитет, избранный на один год на съезде романской Федерации, заседал также в 1869 г.

Дюс. Г.

Таковы главные прерогативы федерального комитета. Нужно прибавить к ним еще очень важное право и обязанности брать в свои руки руководство стачками, когда эти последние, переступая за пределы данной местности, нуждаются в активном содействии или даже в материальной и моральной поддержке всех секций романской федерации, также как и секций других стран.

Помимо этих прав, впрочем весьма значительных, у него не остается других прав, кроме права надзора, арбитража и, в случае нужды, призыва к соблюдению основных принципов Международного Общества, каковые были формулированы на общих съездах, и других обязанностей, кроме обязанности регулярного посредника между Генеральным Советом и местными организациями. В местностях, где существует центральный комитет¹⁾, т. е. местный парламент секций, федеральный комитет не имеет права обращаться непосредственно к этим последним; он может это делать только при посредстве центрального комитета, который является естественным оберегателем свободы и местной автономии против притязаний власти. Федеральный комитет не может, следовательно, оказывать непосредственного влияния и непосредственного действия на секции: эта возможность принадлежит исключительно центральному комитету, которому она обеспечивает гораздо большую местную власть, чем власть федерального комитета.

Власть Центрального Комитета, находящегося, конечно, под контролем, скорее формальным, чем действительным, Федерального Комитета и, более серьезно, под контролем федерального органа, — если только Федеральный Комитет захочет в случае нужды воспользоваться против него этим последним, — не имеет других истинных границ в управлении внутренними местными делами, кроме тех, которые она встречает в автономном начале секций и в общих собраниях, являющихся некоторого рода местными съездами, не представительными, а настоящими народными съездами, в том смысле, что все наличные члены Интернационала принимают в них участие. Съезды эти, согласно статутам, принятым на первом романском съезде, происходившем в январе 1869 г. в Женеве, имеют право отменить все решения Центрального Комитета и даже предписать ему свою

¹⁾ Этот „центральный комитет“ правильно было бы называть „местным комитетом“.

волю, сохраняя за Центральным Комитетом право апелляции к федеральному и романскому съездам, апелляции, которая, впрочем, может иметь место только в тех случаях, когда решения, принятые общими собраниями, будут противоречить основным принципам Международного Товарищества Рабочих.

Там, где автономия секций действительно существует, она ставит очень серьезные границы произволу Центрального Комитета. Поэтому женевский Центральный Комитет всегда почтительно преклонялся перед правом секций Фабрики, солидная организация которых, как мы уже заметили¹⁾, не только предшествует существованию Международного Товарищества Рабочих, но даже, во многих отношениях чужда, чтобы не сказать совершенно противоречит, духу и самим принципам сообщества.

Совершенно иначе обстоит дело с секциями строительных рабочих, организация которых, слишком несовершенная и часто даже, как мы уже видели, сосредоточивающаяся исключительно в комитетах, не внушает такого же уважения к себе Центральному Комитету. Достаточно было бы этому последнему склонить на свою сторону комитет упорствующей в своем мнении секции, чтобы сломить оппозицию. Впрочем, до сих пор мы почти не имели примера такой оппозиции.

Оставалось, следовательно, только единственное средство для защиты независимости и прав строительных рабочих: это общие собрания. И, нужно сказать, ничто не было так антипатично Центральному Комитету, как эти действительно народные собрания, которые он всегда старался заменить собраниями комитетов всех секций, т. е. собранием правящей аристократии.

Мы вернемся к этому важному пункту. Теперь, мы должны выяснить, какой интерес Центральный Комитет, — который внешним образом является представителем не какой-нибудь партии, а всех секций, — мог иметь в том, чтобы заменить народные собрания этими правительственными собраниями. Не является ли сам Центральный Комитет чем то в роде народного парламента, избранного всеобщим голосованием всех секций? Юридически — да, но фактически —

¹⁾ В части рукописи, которая утеряна,

нет. Фиктивно он представляет всех, но в действительности, после нескольких месяцев борьбы, он теперь представляет только женевское владычество.

Итак, мы изложили теперь, насколько возможно короче, главные фазисы этой борьбы, которые покажут нам, каким образом Центральный Комитет, бывший прежде чисто народным и демократическим учреждением, превратился мало по малу в учреждение правительственное, женевское и аристократическое.

Так как в женевском Интернационале число секций строительных рабочих вместе с промежуточными секциями (типографы, портные, сапожники и т. д.) больше числа секций фабричных рабочих и каждая секция, каково бы ни было число ее членов, представлена в Центральном Комитете только двумя делегатами, то члены не женевцы в этом Комитете должны бы были быть в большинстве, а женевцы в меньшинстве. Однако, не всегда было так, по той простой причине, что несколько промежуточных секций и даже некоторые секции строительных рабочих, хотя большей частью состоящие из иностранцев, с самого начала взяли обыкновение посылать в Центральный Комитет делегатов из женевских товарищей, которые, повинаясь своим патриотическим внушениям, голосуют почти всегда вместе с фабрикой.

Но даже когда делегаты женевцы были численно в меньшинстве в Центральном Комитете, они всегда имели преобладающий голос, и это по многим причинам. Во-первых, женевские рабочие, взятые в массу, гораздо более развиты, имеют гораздо больше политического опыта и владеют несравненно лучше словом, чем строительные рабочие. Во-вторых, секции фабричных рабочих всегда имели делегатами в Центральном Комитете своих наиболее умных, наиболее видных членов, часто даже своих главных вождей, которым они вполне доверяли и которые, согласно налагаемой статутами на всех делегатов обязанности по отношению к своим секциям, регулярно отдавали отчет своим доверителям обо всем, что они предлагали и за что голосовали в Центральном Комитете, и требовали у них инструкций для своего дальнейшего поведения; так что секции фабричных рабочих могли и могут сказать, что они действительно представлены в Центральном Комитете, тогда

как большею частью представительство секций строительных рабочих в Центральном Комитете лишь простая Фикция.

Сила строительных рабочих, как мы уже сказали, заключается не в научном, политическом и умственном их развитии, а в правильности и глубине их инстинкта, также как в их природном здравом смысле, благодаря которому они почти всегда угадывают правильный путь, когда они не дают увлечь себя софизмами какого нибудь ратора и живыми речами злостных интриганов, что к сожалению случается слишком часто.

Они насчитывают в своей среде мало образованных вождей, привыкших публично говорить и которые имели бы организационный и административный опыт.

Они прибегают наиболее сметливых товарищей для своих секционных комитетов и отправляют часто делегатами в Центральный Комитет наименее смелых, наименее рьяных. Эти делегаты, плохо или совсем не понимая важности возложенной на них миссии, часто пропускают заседания Комитета и почти никогда не дают отчета своим секциям о решениях и постановлениях Комитета, в которых, даже когда они присутствуют, они чаще всего принимают лишь пассивное участие, как автоматы.

Понятно, что при таком большинстве, даже когда имеется большинство, собственно женевское меньшинство должно иметь перевес на своей стороне. Этот перевес, который к тому же все возрастает, сдерживал в продолжение некоторого времени один человек, товарищ Броссэ, слесарь.

Нам нет необходимости говорить, что представляет собою Броссэ ¹⁾. Соединяя в себе вместе с действительным добродушием и большой простотой манер энергичный, горячий и гордый темперамент; умный, талантливый и

¹⁾ Бакунин говорит так, потому что в 1871 г. всякий знал в секциях Интернационала романской Швейцарии этого рабочего слесаря, родом из Савойи, который в продолжении некоторого времени, казалось, воплощал в Женеве стремления и революционный дух строительных рабочих. Во время крупной апрельской стачки 1868 г. Франсуа Броссэ был главным „вожаком“. В январе 1869 г., при основании романской федерации, он был избран председателем романского федерального комитета и оставался им в продолжении семи месяцев. Потом ему надоело быть предметом постоянных нападок со стороны вождей Фабрики и, кроме того, он был сильно удручен смертью своей жены и оставил борьбу. — В другом месте читатель найдет другой портрет Броссэ.

угадывающий умом вещи, которых у него не было ни времени ни средств усвоить путем науки; страстно преданный делу пролетариата и до крайности ревниво оберегающий права народа; как таковой, отъявленный враг всех авторитарных претензий и стремлений, это настоящий народный трибун. Чрезвычайно уважаемый и любимый всеми строительными рабочими, он сделался в некотором роде их естественным вождем и, в качестве такового, он один, или почти один, как в Центральном Комитете и на собраниях правлений комитетов, так и на народных собраниях, выступал против Фабрики.

В продолжении нескольких месяцев, а именно с момента прекращения апрельской стачки 1868 г. до своего избрания председателем Федерального Комитета романской Швейцарии на первом романском съезде в январе 1869 г. ¹⁾, он оставался на посту. Это был героический период его деятельности в Интернационале. В Центральном Комитете, также как и на собраниях комитетов, он был действительно единственным человеком оппозиции, и очень часто, несмотря на сильную женевскую коалицию, поддерживаемую всеми реакционными элементами этих комитетов, он одерживал победу. Можно себе представить, как его ненавидели вожаки Фабрики.

Главным вопросом, вокруг которого возникли разногласия, был следующий: будет ли организовано Международное Товарищество в Женеве на истинных и широко международных началах этого сообщества, или же, сохраняя великое имя Интернационала, оно станет исключительно, узко женевским?—цель, к которой естественно всеми силами стремятся рабочие женевцы,—масса, разумеется, не отдавая себе в этом отчета, а вожди вполне сознательно, прекрасно зная, что в этом последнем случае Интернационал не замедлит сделаться в скором времени в их руках могучим средством победоносного вмешательства в местную политику Женевского кантона, в пользу не социализма, а радикальной партии.

Это было началом в женевском Интернационале вечного спора между буржуазным радикализмом и революционным

¹⁾ Не съезд назначил Броссе председателем, а Федеральный Комитет сам избрал для выполнения обязанностей председателя одного из своих членов.

социализмом пролетариата. Спор этот, тогда только что зарождавшийся и не имевший еще, разумеется, определенной формы, велся между двумя противоположными партиями под влиянием скорее инстинктивных стремлений, чем ввиду ясно осознанных ими целей, и вполне выяснился только позднее, в 1869 г., под влиянием газеты „Egalite“ и пропаганды секции Альянса.

Нам нет нужды объяснять вам, товарищи ¹⁾, насколько те, которые защищали сторону революционного социализма, были правы, и насколько те, которые хотели сделать Интернационал орудием буржуазного радикализма, ошибались, насколько этим самым последние, разумеется не зная и не желая этого, работали в пользу полного крушения духа, сути и самой будущности Международного Товарищества Рабочих.

Вы хорошо знаете, что этот же самый спор возобновился на последнем общем съезде Интернационала, имевшем место в Базеле в 1869 г., и что партия буржуазного радикализма, или скорее партия двусмысленного примирения рабочего социализма с политикой буржуазных радикалов, чтобы ни говорили наши политические противники, встретила молчаливое порицание со стороны большинства съезда.

Напрасно большинство делегатов немецкой Швейцарии и оба делегата фабричных секций Женевы ¹⁾, вместе со всеми почти германскими делегатами; старались, чтобы съезд поставил на обсуждение знаменитый вопрос о референдуме или прямом народном законодательстве. Внесенный в порядок дня, как последний вопрос, он не обсуждался за недостатком времени и потому что было очевидно, что большинство съезда было против.

Для вас, так и для нас ясно, что революционно-социалистическая часть пролетариата не может вступить в союз ни с какой фракцией, даже наиболее передовой, буржуазной политики, не став сейчас же, вопреки своей воле, орудием этой политики; и что программа социал-демократической партии в Германии, принятая съездом этой

¹⁾ Как мы увидим дальше, Бакунин обращается здесь к рабочим Юрских гор.

Дж. Г.

¹⁾ Бакунин имеет в виду здесь Анри Перрэ и Гросселена. В действительности, один только Анри Перрэ был делегатом от фабричных секций; Гросселен, также как Броссэ и Генг, был избран всеми секциями Женевы.

Дж. Г.

партии в августе 1869 г.,—программа, которую она, к счастью, в силу самой логики вещей, принуждена в настоящее время радикально изменить и которая, об'явив, что завоевание политических прав является *предварительным условием* освобождения пролетариата, становилась этим самым в жгучее противоречие с основными принципами Международного Товарищества Рабочих, делая буржуазную политику основой социализма (ибо всякая предварительная политика, т. е. политика, которая предшествует социализму и которая ведется, стало быть, вне его, т. е. против него, может быть исключительно буржуазной),—что эта¹ программа, говорим мы, могла лишь привести к тому, чтобы заставить социалистическое движение пролетариата тащиться в хвосте за буржуазным радикализмом.

Для вас, как и для нас, очевидно, что политический или буржуазный радикализм, каким бы красным, каким бы революционным он ни называл себя, или ни был им на самом деле, не может и никогда не будет в состоянии желать полного экономического освобождения пролетариата, так как противно самой природе вещей, чтобы какое нибудь реальное существо, индивид или коллектив, мог хотеть разрушения самих основ своего существования, что, следовательно, буржуазный радикализм, *no lens volens*¹⁾, сознательно или бессознательно, будет всегда обманывать рабочих, которые будут иметь глупость довериться искренности его социалистических стремлений или намерений. Радикалы ничего не будут иметь против, чтобы еще раз воспользоваться физической силой и голосами пролетариата для достижения своих исключительно политических целей, но никогда они не захотят и не смогут служить этому последнему орудием для завоевания им политических и социальных прав.

Мы одинаково убеждены,—не правда ли,—что пролетариат был бы вдвойне обманут, заключив союз с буржуазным радикализмом. Во-первых, потому что этот последний стремится к целям, не имеющим ничего общего с целью пролетариата и даже диаметрально-противоположным ей; а затем, потому что буржуазный радикализм не составляет даже силы. Он истощен, и его полное истощение проявляется слишком ярко во всех странах Европы в настоящее время, чтобы возможно было в этом ошибиться. Он не

¹⁾ Хочет он или нет.

верит больше в свои собственные принципы, он сомневается даже в своем собственном существовании, и он тысячу раз прав в том, что сомневается в этом, потому что, действительно, у него нет больше никакого права на существование. В настоящее время остаются лишь две реальные партии: партия прошлого и реакции, обнимающая все владеющие и привилегированные классы и стоящая ныне, с большей или меньшей откровенностью, под знаменем военной диктатуры и государственной власти; и партия будущего и полного освобождения человечества, партия революционного социализма, партия пролетариата.

Посредине — платонические вздыхатели, бледные призраки либерального и радикального республиканизма. Это жалкие блуждающие тени, которые хотели бы уцепиться за что-нибудь реальное, живое, чтобы найти себе какое-нибудь право на существование. Отброшенные реакцией в партию народа, они хотели бы управлять им, и они парализуют его, сбивают его с истинного пути и препятствуют его развитию, не принося ему взамен ни тени материального могущества ни даже какой-нибудь плодотворной идеи.

Социал-демократы Германии сделали опыт с ними. Чего только они не делали, начиная с 1867 г., чтобы заключить патристический, пангерманский, оборонительный и наступательный союз с знаменитой демократической, республиканской, радикальной и глубоко буржуазной партией, которая называлась народной партией (*Volkspartei*), одной из творцов и славных защитников не менее знаменитой Лиги Мира и Свободы, партией, которая, образовавшись на юге Германии в противовес прусско-германской политике Бисмарка, имела свой главный центр в столице этих добрых швабов, в Штутгарте. Не понимая, что эта партия была лишь бессильным призраком, германские социал-демократы сделали ей всевозможные и даже невозможные уступки, они настоящим образом кастрировали себя, чтобы спуститься до ее уровня и чтобы быть в состоянии оставаться в союзе с ней. Мы видим теперь, насколько все эти уступки были бесполезны и вредны: народная партия, рассеянная, как пыль, победами и прусско-германской грубостью императора Вильгельма, не существует больше, и социал-демократическая партия, которая не может быть ни рассеяна, ни уничтожена, потому что это не партия буржуазии, а партия германского пролетариата, должна переделать и расширить

свою программу, чтобы иметь идею, душу или цель, равные силе своего тела.

Оттого что мы энергично отвергли всякое соглашательство и союз с буржуазной политикой, даже наиболее радикальной, про нас глупо или клеветнически говорили, что, считаясь только с экономической или материальной стороной социального вопроса, мы индифферентны к великому вопросу свободы и что тем самым мы вступали в ряды реакции. Один германский делегат на Базельском съезде осмелился даже заявить, что тот, кто не признавал вместе с германской социал-демократией, что „завоевание политических прав есть предварительное условие социального освобождения“, или, иначе выражаясь, что для того, чтобы освободить пролетариат от капиталистической или буржуазной тирании, нужно сначала войти в союз с этой тиранией, чтобы либо провести реформу, либо совершить политическую революцию, — сознательно или бессознательно союзник цезарей.

Эти господа сильно ошибаются, — и, „сознательно или бессознательно“, стараются обмануть публику, — на наш счет. Мы любим свободу гораздо больше, чем они; мы любим ее настолько сильно, что хотим, чтобы она была полная; мы хотим, чтобы она была действительностью, а не фикцией; и потому-то мы решительно отвергаем всякий союз с буржуазией, убежденные, что всякая свобода, завоеванная при помощи буржуазной политики, буржуазными средствами и оружием, или благодаря союзу обманутых простаков с буржуазией, может быть вполне реальной и очень полезной для господ буржуа, но для народа будет всегда лишь фикцией.

Господа буржуа всех партий и даже самых передовых, какими бы космополитами они ни были, когда дело идет о том, чтобы заработать деньги все более и более широкой эксплуатацией народного труда, в политике также все горячие и фанатические патриоты своего государства, так как патриотизм в действительности, как прекрасно сказав знаменитый убийца парижского пролетариата и современный спаситель Франции, Тьер, есть не что иное, как культ национального государства. Но государство означает господство, а господство означает эксплуатацию, что показывает, что слово народное государство (Volkstaat), ставши и остающееся еще к сожалению и теперь лозунгом германской социал-демократической партии, есть смешное противоречие, фикция, ложь, без сомнения бессо-

знательная со стороны тех, кто его проповедует, и очень опасная ловушка для пролетариата. Государство, каким бы народным его не делали по форме, всегда останется институтом господства и эксплуатации и, следовательно, для народных масс вечным источником рабства и нищеты. Следовательно, нет другого средства освободить экономически и политически народы, дать им одновременно материальное благосостояние и свободу, как уничтожив государство, все государства, и убив тем самым раз навсегда то, что называли до сих пор политикой; так как политика есть не что иное, как механизм, проявление, внутреннее и внешнее, деятельности государства, т. е. практика, искусство и наука господствовать и эксплуатировать массы на пользу привилегированным классам.

Неверно, стало быть, утверждать, что нас не интересует политика. Мы не пренебрегаем политикой, раз мы хотим положительно ее убить. Вот существенный пункт, в котором мы расходимся решительным образом с политическими партиями и буржуазно-радикальными социалистами. Их политика состоит в использовании, в реформе и преобразовании политики и государства; тогда-как наша политика, единственная которую мы признаем, это полное уничтожение государства и политики, являющейся необходимым его проявлением.

И только потому, что мы хотим откровенно этого уничтожения, мы считаем себя в праве называться интернационалистами и революционными социалистами; ибо кто хочет заниматься политикой иначе, чем мы, кто не хочет вместе с нами уничтожения политики, тот должен необходимо творить государственную политику, патриотическую и буржуазную, т. е. отвергать фактически, во имя своего великого или малого национального государства, человеческую солидарность народов, также как и экономическое и социальное освобождение масс внутри страны.

Что касается отрицания человеческой солидарности во имя патриотических эгоизма и тщеславия, или, выражаясь более вежливо, во имя величия и национальной славы, мы видели печальный пример этого как раз в германской социал-демократической партии или, скорее, в программе и политике ее вождей. Перед последней войной эта партия, повидимому, совершенно приняла пангерманскую программу буржуазной радикальной и так называемой народной партии—*Volkspartei*.

Как и вожди этой партии, не китайских, а германских теней, вожди социал-демократической партии тоже отправились в Вену, чтобы развить сильнее националистический и пангерманский дух в пролетариате Австрии, по их мнению слишком космополитичном, слишком широком в своих социалистических стремлениях, и внушить ему идеи и стремления, более узко политические и патриотические, словом, чтобы дисциплинировать его и преобразовать в большую национальную, исключительно немецкую партию. Логика этой ложной позиции и этой очевидно политической и патриотической измены по отношению к принципу международного социализма, толкнула их даже на попытку сближения с партией, называемой в Австрии, немецкой партией, полу-либеральной, полу-радикальной, но в высшей степени буржуазной и официальной; с партией, которая хочет именно порабощения всех не немецких народностей Австрии, и в особенности славян, подчинив их исключительно господству немецкого меньшинства, посредством государства. И в то время как они упрекали, как видно с большим основанием, г. де-Швейцера в том, что он nepозволительным образом любезничает с кнута-германским пангерманизмом Бисмарка, сами они косвенным образом любезничали с пангерманизмом либеральных министров Австрии. Поэтому они были сильно удивлены и комично разгневаны, когда увидели, что эти либералы, эти радикалы и официальные патриоты Австрии преследовали рабочие ассоциации. Однако, логика была на стороне министров, а не на их стороне. Министры, как умные и верные служители государства, тысячу раз были правы сурово преследовать рабочих социалистов, и если было чтонибудь странное во всем этом, так это наивность вождей социал-демократической партии, которые до такой степени не знали условий существования государства, всякого государства, что могли возмущаться против этих неизбежных преследований и удивляться им.

Впрочем, все о чем мы говорим здесь, из области прошлого, это было давно. Огромные и ужасные события, которые развернулись с тех пор, как в Германии, так и за ее пределами, и которые изменили лицо Европы, вывели, нужно надеяться навсегда, социал-демократов Германии и от традиционной наивности и от их националистических, политических и патриотических возделений. Их достойное хвалы поведение во время и после войны,

энергичный протест против преступлений официальной Германии и против подлости буржуазной Германии, включая сюда и радикалов из народной партии, дань уважения, какую они отдали, обнаружив поистине геройскую смелость, революции и величественной смерти Парижской Коммуны, все это доказывает, что социал-демократическая партия, включающая в себя в настоящий момент громадное большинство пролетариата Германии, порвала, наконец, цепи, приковывавшие ее до того времени к буржуазно-патриотической политике государства, чтобы следовать отныне исключительно по великому пути международного освобождения, который один только может привести пролетариат к свободе и благоденствию.

Вот, чего так называемые социалисты из секции фабричных рабочих в Женеве еще не поняли. С самого начала они хотели вести женевскую политику в Интернационале и превратить последний в орудие этой политики. Это имело в женевском Интернационале еще меньше смысла, чем в социал-демократической партии Германии, потому что в Германии, по крайней мере, — мы не говорим об Австрии — все рабочие немцы, тогда как в женевском Интернационале большинство членов в это время были иностранцы, что придавало этой организации вдвойне международный характер, ибо она была не только международной по своим целям и своей программе, но международная также еще и по своему положению и фактически, так как большинство ее членов были вынуждены, благодаря тому, что они были другой национальности, оставаться совершенно в стороне от политики и всех местных интересов Женевы. Сделать из Интернационала орудие женевской политики, значило принудить массу рабочих французов, итальянцев, савояр или даже швейцарцев других кантонов ¹⁾ играть смешную роль солдат, работников в деле, которое им совершенно чуждо, в исключительную пользу и под непосредственным начальством более или менее честолюбивых вождей секций рабочих-граждан Женевы.

Этот решающий аргумент и был выставлен против

¹⁾ Члены Интернационала немцы и немецкие швейцарцы с самого начала составляли совершенно особую организацию и имели администрацию, независимую даже от Центрального Женевского Комитета и Федерального Комитета романской Швейцарии. (Прим. Бакунина).

них. Им сказали: „Так как вы женевские граждане, займитесь сколько вам угодно женевской политикой вне Интернационала: это ваше право, это, может быть, ваш долг; во всяком случае, это нас не касается. Но мы не признаем за вами права переносить вашу борьбу и местные интриги в наше Международное Товарищество, которое, как одно его название показывает, должно преследовать гораздо более интересные и великие цели, чем вся эта патриотическая выставка личных честолюбий буржуазного радикализма“.

Впрочем, нужно сказать, что в эту эпоху, т. е. во вторую половину 1868 года, после того как крупная стачка строительных рабочих показала женевским буржуа политикам, что Интернационал мог и должен был стать великой силой, радикальная партия еще не забрала его в свои руки. Наоборот, рабочие—граждане Женевы, ставши членами Интернационала, под влиянием товарищей Ф. Беккера, Серно - Соловьевича, Шарля Перрона, образовали новую социально - демократическую партию под председательством Адольфа Каталана, молодого человека достаточно честолюбивого, чтобы легко переменить в случае надобности программу, и который, отвергнутый радикальной партией, одно время надеялся, что зарождающееся могущество Интернационала, в который он даже не входил и против которого он только что перестал бороться, даст ему возможность составить себе карьеру. В этом случае он обнаружил как свою беспринципность, так и легкомыслие в своих расчетах, которые факты, конечно, разрушили. Молодая женевская социал-демократическая партия, программа которой содержала, впрочем, прекрасные вещи, но которая не осуществима, пока будет существовать господство буржуазии, т. е. пока будут государства, показала свою нежизнеспособность; просуществовав какихнибудь два или три месяца, она умерла, задушенная и погребенная оппозицией или, скорее, почти единодушным равнодушным избирателями женевского кантона. Она оказала, однако, большую услугу умеренной консервативной партии, называемой иначе „независимой“, продолжив ее господство на два года. С этого времени рабочие — граждане женевского Интернационала после колебаний, длившихся несколько месяцев, стали выступать под знаменем радикальной партии. Что касается г-на Каталана, он искал новых путей для своего молодого честолюбия, стараясь создать новую консервативно - социалистиче-

скую партию, в роде той, в какой погряз у вас ¹⁾ знаменитый гражданин Кульбери.

Другой пункт разногласия между обеими партиями в Женевском Интернационале касался вопроса о кооперативном труде. Вы знаете, что существует два рода кооперации: буржуазная кооперация, которая стремится создать привилегированный класс, нечто в роде новой буржуазии, организованную в акционерное общество; и социалистическая кооперация, кооперация будущего, которая по этой самой причине почти неосуществима в настоящем. Понятно, что главные ораторы собственно Женевских секций горячо защищали первую.

Наконец, был еще третий вопрос, очень важный с точки зрения практической организации Интернационала и борьбы пролетариата против произвола хозяев и капиталистов: это кассы сопротивления. Как они должны быть организованы? Каждая секция должна была иметь свою особую кассу и все кассы должны были федерироваться между собою? Или же должна была существовать для всех секций романской Швейцарии „одна общая и неразделимая касса сопротивления“, так чтобы „ни один член, ни одна секция, которые захотели бы выйти потом из Интернационала, не могли требовать возвращения своих взносов“?

Мы цитировали собственные выражения „проекта статуты касс сопротивления, выработанного комиссией, назначенной центральной секцией“; проект этот разработан был главным образом, можно даже сказать исключительно, товарищами Серно-Соловьевичем, Броссэ и Перроном ²⁾, бывшими в то время главными борцами, главными защитниками истинных принципов, истинных интересов Международного Товарищества Рабочих против слишком патристического партикуляризма и исключительности Женевских граждан.

Этот проект был очень простой и в то же время очень практичный, очень серьезный. Если бы он был принят в то время, как он предлагался, в несколько месяцев создана бы была очень внушительная и солидная „касса сопротив-

¹⁾ В Невшателе.

²⁾ Мне кажется (примечание сделанное Бакуиным на полях).—Перрон умер в 1909 г., и я не мог проверить, был ли он действительно членом этой комиссии.

ления". Каждый член Международного Товарищества в Женеве должен был вносить в эту общую, единую и неразделимую кассу, через посредство комитета своей секции, ежемесячно двадцать пять сантимов, т. е. три франка в год, что, считая число членов Интернационала в женевском кантоне только в четыре тысячи, дало бы в течение года значительную сумму в 12 тысяч франков. Этой кассой должны были заведовать комитет, в который каждая секция должна была делегировать своего представителя, и бюро, избираемое этим комитетом из своей среды. Комитет и бюро должны были меняться и находиться под постоянным контролем специального совета и в особенности под контролем общих собраний; проект главным образом опирался на суверенные права этих последних.

При более близком изучении этого проекта мы видим в нем две цели, впрочем, неразрывно связанные одна с другой. Первая, это избавить женевский Интернационал от двух опасностей, которые наиболее угрожали ему: *primo*, от сильного и разлагающего яда женевской политики и *secundo*, от снотворного яда буржуазной кооперации, возвращая Интернационалу его истинную основу: организацию экономической борьбы против эксплуатации хозяев и капиталистов, женевцев или не женевцев. Вторая цель, являвшаяся необходимым следствием первой, это заменить Центральный Комитет, который уже принял авторитарный и скрытый характер олигархического правительства, комитетом кассы сопротивления, вынужденным по своей конструкции быть совершенно прозрачным и вполне подчиненным воле суверенного народа в лице его общего собрания. Это было прямой атакой против женевской олигархии, которая, завладев одним за другим всеми комитетами секций, готовилась основать свое господство в женевском Международном Товариществе. Понятно, почему этому проекту, после того как он был напечатан, не была даже оказана честь серьезного обсуждения его.

В дебатах, вызванных вопросом о кассах сопротивления, было замечательно то, что вначале секции фабричных рабочих стояли за систему обособленных касс, тогда как представители идеи и практической деятельности Интернационала, принятых в серьез, защищали против этих секций систему единой кассы. Но позднее, и именно в июле и августе 1869 г., когда этот вопрос, согласно программе, предложенной лондонским Генеральным Советом для базель-

ского с'езда, снова подвергся изучению, оказалось, что, наоборот, серьезные представители дела международного пролетариата стали сторонниками свободной федерации отдельных касс всех секций, тогда как главные вожак фабричных рабочих поддерживали против них организацию единой кассы. Что же произошло, что вызвало такую полную перемену во взглядах в каждой из двух сторон? Произошло то, что сторонники автономии и истинного равенства всех секций Интернационала, видя, что женевская клика, несмотря на их усилия, завладела всем правлением Международного Товарищества, поняли, что если будет создана централизованная и единая касса, то высшее заведывание этой кассой, исключительное управление этим боевым орудием, которым объединенные рабочие могут пользоваться для борьбы со своими хозяевами, и, следовательно, вся сила Интернационала необходимо перейдет в руки этой клики, этой правящей олигархии, уже и без того слишком торжествующей. По той же самой причине вожди чисто женевских секций естественно желали создания единой кассы.

Спешим прибавить, что в этом желании не было никакой узко-корыстной задней мысли. Наоборот, мы с удовольствием отмечаем, что фабричные рабочие никогда не обнаруживали скупости и всегда охотно и широко поддерживали своим кошельком рабочие ассоциации, как женевские и швейцарские, так и иностранные, которые, вынужденные объявить стачку, обращались к их моральной и материальной поддержке. Мы их упрекаем, стало быть, не в скупости, а в узости и часто даже грубости их женевского тщеславия, в стремлении к исключительному господству; мы упрекаем их, что они вошли в Интернационал не для того, чтобы потопить там свой патриотический партикуляризм в широкой человеческой солидарности, но чтобы придать ему, напротив, исключительно женевский характер; чтобы подчинить громадную толпу рабочих иностранцев, которые входят в его состав и были даже первыми его основателями в Женеве, самодержавному управлению своих вождей, и через их посредство, управлению своей радикальной буржуазии, для которой они сами более или менее служат лишь слепым орудием.

Все эти вопросы обсуждались в тайне, как полагается правительственным совещаниям, в женевском Центральном Комитете, и чернь, масса, составляющая Интернационал,

была всегда очень неполно информирована о борьбе, которая велась в этой Высшей Палате сенаторов. Однако, борьба эта воспроизводилась, разумеется, далеко не в полном виде, а отдельными эпизодами и в более или менее замаскированном виде, как на общих собраниях, так и на ежемесячных заседаниях центральной секции¹⁾. Как здесь, так и там горячий защитник истинных принципов Интернационала, независимости и достоинства строительных рабочих и суверенных прав „народной черни“, угрожаемых растущим честолюбием и захватническими стремлениями господ сенаторов из комитетов, товарищ Боссэ, нашел могучую поддержку со стороны Серно-Соловьевича, Перрона, Ф. Беккера, Гета, Моншала, Линдегера и еще некоторых других, среди которых не надо забывать г-на Анри Перрэ, вечного главного секретаря женевого Интернационала, который с тактом, свойственным государственным мужам, во всех публичных дискуссиях, каковы бы, впрочем, ни были его личные мнения, устраивается всегда таким образом, чтобы казаться разделяющим мнение большинства²⁾.

На больших публичных собраниях самые широкое идеи, смелые мысли всегда, конечно, одерживали верх. В большинстве случаев, когда сознание народных масс не извращалось в продолжение долгого времени заинтересован-

1) „Кроме профессиональных секций, в Женеве существовала так называемая центральная секция, которая была начальной секцией Интернационала и в которой строительные рабочие были вначале в большинстве. Позднее, когда образовались новые ремесленные секции, строительные рабочие удалились из центральной секции, которая стала тогда маленьким синаклином, в котором господствовали реакция и интриги Фабрики“ („Записки Юрской Федерации“).

2) „Двусмысленная и неопределенная позиция рабочих фабричной секции, полу-буржуа, взвинченных было борьбой (большая апрельская стачка 1868 г.), но склонившихся в сторону сближения с буржуазией, имела превосходного представителя в лице секретаря женевого центрального комитета (ставшего в 1869 г. секретарем романского федерального комитета), Анри Перрэ, рабочего гравера, который вначале поддался влиянию Бросса, Перрона и Бакунина и проявлял себя ярым революционером, пока ему казалось, что народная волна шла в этом направлении; и который потом, когда главы Фабрики взяли верх и стали давать тон в Женеве, быстро переменял язык, отрекся от своих прежних друзей и принципов, которые он так открыто аффишировал, и стал послушным орудием реакции и марксистской интриги“. („Записки Юрской Федерации“). Позднее Анри Перрэ стал секретарем женевого рабочего политического союза и, наконец, в 1877 г., в вознаграждение за оказанные услуги, он был назначен секретарем полицейского комиссара с жалованием в 2,400 франков.

ным и ловким распространением клеветы и лжи, устанавливается на народных собраниях нечто вроде коллективного инстинкта, который непреодолимо толкает их в сторону справедливости и истины и который настолько могуч, что даже наиболее упорные личности поддаются ему. Интриганы, ловкие, всемогущие на закрытых, более или менее тайных заседаниях комитетов, теряют обыкновенно большую дозу своей уверенности перед этими большими собраниями, на которых народный здравый смысл, опирающийся на этот инстинкт, расправляется с их софизмами. Истина и справедливость до такой степени заразительны здесь, что случалось очень часто, что на общих собраниях всех секций, даже рабочая масса фабричных секций, — простой народ входящий в женевские секции, — увлеченная общим энтузиазмом, голосовала за резолюции, противные идеям и мероприятиям предлагаемым ее вождями.

Поэтому, как мы, впрочем, уже заметили, эти общие собрания никогда не пользовались сочувствием этих последних, которые всегда предпочитали им собрания комитетов всех секций. Правительственные и тайные собрания, происходившие почти всегда при закрытых дверях, недоступны рабочим массам Интернационала. Только члены, более или менее постоянные и неизменные, комитетов секций имеют право участвовать на них. Сходясь на частном и закрытом собрании, они составляют вместе настоящую, правящую аристократию Интернационала. Это истина, много раз отмеченная, что достаточно человеку, даже наиболее либеральному и самому популярному, войти в состав какого-нибудь правительства, чтобы он совершенно изменился качественно; если он не погружается очень часто в народные низы, если он не вынужден действовать постоянно открыто на глазах у всех, если он не подвергается спасительному режиму постоянного контроля и народной критики, которые должны постоянно напоминать ему, что он не хозяин над массами ни даже их опекун, а только их поверенный или избранный и в каждую минуту могущий быть смененным служащий, он подвергается неминуемо риску испортиться, имея дело исключительно с такими же аристократами, как он, и стать претенциозным и тщеславным глупцом, напыщенным сознанием своей важности.

Вот, на какую участь обрекли себя члены комитетов женевского Интернационала, отказав народу в доступе на свои собрания. На этих собраниях необходимо должен был

господствовать совершенно другой дух, противоположный духу, господствовавшему на народных собраниях: насколько на последних проявлялись широта взглядов и великодушие, настолько первые отличались узостью. Здесь не могло быть инстинкта великих идей и великих дел, здесь был инстинкт фальшивой мудрости, жалких расчетов, мелочной ловкости. Одним словом, здесь господствовал авторитарный и правительственный дух: не дух широких масс, примыкающих к Интернационалу, а дух главарей женевской Фабрики.

Понятно, что эти господа очень любят эти собрания комитетов. Это очень благоприятная почва для полного проявления их женевской ловкости; они там хозяева и они широко использовали эти собрания, чтобы настроить и дисциплинировать в желательном для них смысле и, если можно так выразиться, чтобы „оженевить“ всех главных членов комитетов иностранных секций, чтобы мало по малу заставить проникнуть в их ум и сердце правительственные и буржуазные инстинкты, которые всегда воодушевляли их самих. В самом деле, эти собрания комитетов секций имели то преимущество, что давали им возможность лично знать наиболее выдающихся и наиболее влиятельных членов этих секций, и достаточно им было склонить на сторону своей политики этих членов, чтобы стать абсолютными хозяевами всех секций.

Поэтому мы видели, что до января 1869 г., когда новые статуты, принятые первым романским съездом, вошли в силу, не общие собрания, а собрания комитетов считались партией женевской реакции как высшая законная инстанция женевского Интернационала. Общие собрания, впрочем, не были ни регулярными ни частыми. Их созывали только в исключительных случаях, и тогда их порядок дня, установленный заранее, был так переполнен, что оставалось лишь очень мало времени на обсуждение принципиальных вопросов.

Но было другое место, где эти вопросы могли обсуждаться с гораздо большей свободой: это ежемесячные и иногда даже экстрординарные собрания Центральной Секции.

Центральная Секция, как мы сказали, была зародышем, первой клеткой, Международного Товарищества в Женеве; она должна бы была оставаться его душой, вдохновительницей и его вечным центром пропаганды. В этом смысле, вероятно, ее часто называли „инициативной Секцией“. Она

создала. Интернационал в Женеве, она должна была сохранить и развивать его дух. Все другие секции—корпоративные, и рабочие объединены и организованы в них не благодаря идейной связи, но благодаря факту и самой необходимости их общей работы. Этот экономический факт, специальная индустрия и особые условия эксплуатации этой индустрии капиталом, внутренняя и совершенно особая солидарность интересов, нужд, страданий, положения и стремлений, которая существует между всеми рабочими, входящими в состав одной и той же корпоративной секции, все это составляет реальную основу их союза. Идея приходит после, как объяснение или как выражение развития и коллективного сознания этого факта.

Рабочий не нуждается в большой умственной подготовке, чтобы стать членом корпоративной секции, представляющей его ремесло. Он является ее членом совершенно естественно, даже прежде, чем он это знает. Ему нужно знать прежде всего, что он изнемогает от работы и что эта работа, которая убивает его, едва достаточная, чтобы прокормить его семью и скудно возобновить его расходуемые силы, обогащает его хозяина и что, следовательно, этот последний является его безжалостным эксплуататором, его неутомимым угнетателем, его врагом, господином, по отношению к которому он должен питать только ненависть раба и должен восставать против него, с тем чтобы потом, когда он окажется победителем, проявить по отношению к нему чувства справедливости и братства свободного человека.

Он должен также знать, и это нетрудно понять, что один он бессилен против своего хозяина, и чтобы не дать ему раздавить себя, он должен объединиться сначала со своими товарищами по мастерской, быть им верным, несмотря ни на что, во всякой борьбе, поднимающейся в мастерской против хозяина.

Он должен еще знать, что объединение рабочих одной и той же мастерской недостаточно, что нужно чтобы все рабочие одного и того же ремесла, работающие в данной местности, объединились между собою. Когда он это знает,—и, если только он не слишком глуп, повседневный опыт скоро научает его этому,—он сознательно становится преданным членом своей корпоративной секции. Эта последняя уже существует фактически, но она не обладает еще международным сознанием, она является еще только совершенно

местным фактом. Тот же опыт, на этот раз коллективный, в непродолжительном времени преодолевает в сознании даже наименее умственно развитого рабочего узость этой исключительно местной солидарности. Наступает кризис, стачка. Рабочие одной и той же профессии выступают за общее дело, требуют от своих хозяев увеличения заработной платы или уменьшения рабочего дня. Хозяева не хотят удовлетворить их требования, и так как они не могут обойтись без рабочих, они приглашают на место стачечников рабочих из других местностей, провинций или даже других стран. Но в этих странах рабочие работают больше за меньшую плату; хозяева могут, стало быть, продавать свои продукты дешевле и этим самым, составляя конкуренцию продуктам страны, где рабочие зарабатывают больше при меньшем труде, они заставляют хозяев этой страны понижать заработную плату и увеличивать длину рабочего дня для своих рабочих; отсюда вытекает, что в конечном счете сравнительно сносное положение рабочих в одной стране может держаться только при условии, чтобы оно было также сносным во всех других странах. Все эти явления повторяются слишком часто, чтобы они могли остаться незамеченными самыми простыми рабочими. Тогда они начинают понимать, что для предохранения себя от постоянно возрастающей эксплуатации хозяев им недостаточно организовать местную солидарность, что нужно, чтобы эта солидарность обняла всех рабочих одного и того же ремесла, работающих не только в одной и той же провинции или в одной и той же стране, но во всех странах и в особенности в тех, которые особенным образом связаны между собою в торговом и промышленном отношении. Тогда образуется организация, не местная, ни даже только национальная, но настоящая международная организация данного ремесленного цеха.

Но это еще не организация рабочих вообще, это еще только международная организация одного только ремесленного цеха. Для того чтобы, необразованный рабочий признал действительную солидарность, которая необходимо существует между всеми этими ремесленными цехами во всех странах мира, нужно чтобы другие рабочие умственно более развитые и обладающие некоторыми познаниями в области экономической науки, пришли к нему на помощь. Не то чтобы ему не хватало повседневного опыта в этом отношении, а экономические явления, которыми проявляется

эта несомненная солидарность, бесконечно более сложна, так что их истинный смысл может ускользнуть и действительно ускользает очень часто от менее развитых рабочих.

Если предположить, что международная солидарность вполне установлена в одном каком нибудь ремесленном цехе и отсутствует в других, то необходимо последует, что в этой промышленности заработная плата рабочих будет выше и рабочий день короче, чем во всех других промышленности. А так как было доказано, что вследствие конкуренции капиталистов и хозяев между собою, источником настоящей прибыли тех и других является лишь сравнительно низкая заработная плата и наивозможно более длинный рабочий день, то ясно, что в промышленности, между рабочими которой существует международная солидарность, капиталисты и хозяева будут зарабатывать меньше, чем во всех других промышленности; вследствие чего, мало-помалу, капиталисты перенесут свои капиталы и хозяева свой кредит и свою эксплуататорскую деятельность в менее или совсем неорганизованные отрасли промышленности. Но неизбежным следствием этого будет уменьшение в промышленности, международно организованной, спроса на рабочие руки и это естественным образом ухудшит положение рабочих данной промышленности, которые будут вынуждены, чтобы не умереть с голоду, работать и довольствоваться меньшей заработной платой. Отсюда следует, что условия труда не могут ни улучшиться ни ухудшиться в какой нибудь отрасли промышленности без того, чтобы это не отразилось в скором времени на рабочих всех других отраслей, и что все ремесленные цехи во всех странах мира действительно и неразрывно солидарны между собой.

Эта солидарность доказывается как наукой, так и опытом, — наука, впрочем, есть не что иное, как универсальный опыт, рельефно выраженный, систематизированный и надлежащим образом разъясненный. Но солидарность проявляется в рабочем мире во взаимной, глубокой и горячей симпатии, которая, по мере того как развиваются экономические факторы и их политические и социальные последствия, все тяжелее и тяжелее отражающиеся на рабочих всех ремесл, дают себя больше чувствовать, растет и становится более интенсивной в сердце всего пролетариата. Рабочие каждого ремесла и каждой страны, с одной стороны, благодаря материальной и моральной поддержке, которую они в периоды борьбы находят у рабочих всех

других ремесел и всех других стран и, с другой стороны, благодаря осуждению и систематической и злобной оппозиции, которые они встречают не только со стороны своих собственных хозяев, но также и хозяев наиболее чуждых им отраслей промышленности, со стороны всей буржуазии, приходят к полному сознанию своего положения и главных условий своего освобождения. Они видят, что социальный мир в действительности разделен на три главные категории: 1. бесчисленные миллионы эксплуатируемых рабочих; 2. несколько сот тысяч эксплуататоров второго и даже третьего разряда; и 3. несколько тысяч или самое большее несколько десятков тысяч крупных хищников, разжиревших капиталистов, которые, эксплуатируя непосредственно вторую категорию и косвенным образом, посредством последней, первую категорию, загибают в свои огромные карманы, по крайней мере, половину прибыли, получаемой от коллективного труда всего человечества.

Как только рабочий заметил этот специальный и постоянный факт, как бы мало он ни был развит умственно, он не может не понять вскоре, что, если существует для него какое нибудь средство спасения, то этим средством может быть только установление и организация самой тесной практической солидарности между пролетариями всего мира, без различия ремесл и стран, в борьбе против эксплуатирующей буржуазии.

Вот, стало быть, вполне готовая основа Международного Товарищества Рабочих. Она была нам дана не теорией, родившейся в голове одного или нескольких глубоких мыслителей, но действительным развитием экономических фактов, тяжелыми испытаниями, каким эти факты подвергают рабочие массы, и размышлением, мыслями, какие они совершенно естественно вызывают в последних.

Для основания этого сообщества необходимо было, чтобы все необходимые элементы, составляющие его: экономический фактор, опыт, стремления и мысли пролетариата были уже развиты в достаточно сильной степени, чтобы положить ему прочную основу. Необходимо было, чтобы в самих недрах пролетариата находились уже, рассеянные во всех странах, группы или союзы достаточно передовых рабочих, которые могли бы взять на себя инициативу великого движения освобождения пролетариата. Затем появляется, разумеется, личная инициатива нескольких умных и преданных народному делу личностей.

Мы пользуемся случаем, чтобы отдать дань уважения знаменитым вождям германской коммунистической партии, в особенности гражданам Марксу и Энгельсу, а также гражданину Ф. Беккеру, — нашему бывшему другу, теперь ставшему нашим беспощадным противником, — которые были, насколько отдельным личностям дано создавать что-либо, настоящими творцами Интернационала. Мы это делаем с тем большим удовольствием, что скоро мы вынуждены будем бороться против них. Наше уважение к ним искреннее и глубокое, но оно не идет до боготворения, и мы никогда не будем играть по отношению к ним роль рабов. И продолжая отдавать полную справедливость огромным заслугам, какие они оказали, и даже теперь еще оказывают Международному Товариществу Рабочих, мы всеми силами будем бороться против их ложных авторитарных теорий, их диктаторских вожделений и маньи тайных интриг, тщеславной злобы, жалкой личной вражды, низких оскорблений и гнусной клеветы, которые характеризуют, впрочем, политическую борьбу почти всех немцев, и которые они, к сожалению, внесли с собой в Интернационал¹⁾.

Недостаточно, чтобы рабочие массы поняли, что если существует какое-нибудь средство для их освобождения, то этим средством может быть только международная солидарность пролетариата; нужно еще, чтобы они верили в реальную, безусловную действительность этого средства спасения, чтобы они верили в возможность своего близкого освобождения. Эта вера — дело темперамента и коллективного душевного и умственного состояния. Темперамент дан различным народам от природы, но он исторически развивается. Коллективное духовное состояние пролетариата всегда является двойным продуктом во-первых, всех предшествовавших событий, а затем, и в особенности, его настоящего экономического и социального положения.

В 1863 и 1864 гг., эпоху основания Интернационала, во всех почти странах Европы и в особенности в тех, где современная промышленность наиболее развита, в Англии, Франции, Бельгии, Германии и Швейцарии, произошли два факта, которые облегчили и почти сделали необходимым его создание. Первый, это одновременное пробуждение рабочего сознания, смелости, темперамента, после двенадцати или

¹⁾ Переписка Маркса, Энгельса и Беккера с Зорге, изданная в 1906 г., вполне подтверждает данное суждение Бакунина. *Д.ж. I.*

даже пятнадцатилетнего упадочного состояния, которое было результатом ужасного разгрома 1851 и 1848 гг. Второй факт, это поразительное развитие богатства буржуазии и, как необходимого его спутника, нищеты рабочих во всех этих странах. Это было двигателем, а пробуждение сознания и темперамента дало веру.

Но, как это часто бывает, это возрождение веры не проявилось сразу во всей массе пролетариата. Среди всех европейских стран, оно появилось сначала только в двух, затем, в трех и четырех, затем в пяти; даже в этих привилегированных странах, разумеется, не вся рабочая масса, но лишь небольшое число рабочих союзов, чрезвычайно разбросанных, почувствовали пробуждение достаточной веры, чтобы снова начать борьбу; и даже в этих союзах сначала некоторые редкие личности, наиболее умные, наиболее энергичные, наиболее преданные, и в большинстве случаев уже испытанные в предыдущей борьбе, полные надежды и веры, отдаваясь вновь общему делу, решились взять на себя инициативу нового движения.

Эти личности, случайно собравшиеся в Лондоне в 1864 г., по польскому вопросу, политическому вопросу высочайшей важности, но совершенно постороннему вопросу международной солидарности труда и трудящихся, образовали, под непосредственным влиянием первых основателей Интернационала, первое ядро этого великого сообщества. Потом, вернувшись к себе, во Францию, Бельгию, Германию и Швейцарию, они образовали, каждый в своей стране, соответствующие ячейки¹⁾. Таким образом были созданы во всех странах первые Центральные Секции.

Центральные Секции не представляют специально никакой индустрии, так как в них входят наиболее передовые рабочие всевозможных индустрий. Что же они представляют? Они представляют самую идею Интернационала. Какова их миссия? Развитие и пропаганда этой идеи. А какая это идея? Освобождение не только рабочих такой-то промышленности или такой-то страны, но всех рабочих всевозмож-

¹⁾ Бакунин здесь ошибается. На митинге в Лондоне, в зале Сэн-Мартэн, 28 сентября 1864 г. не было представителей Бельгии, Германии и Швейцарии, которые бы „вернулись потом к себе“, чтобы основать секции. Немцы и швейцарцы, присутствовавшие на митинге, Эккартус, Лесснер, Юнг (бельгийцев, как нам кажется, не было), жили в Лондоне. Только парижские рабочие послали на этот митинг делегатов, гравера Толэна, Перрамона, басонщика А. Лимузена.

ных отраслей промышленности и всех стран мира; это всеобщее освобождение всех тех, кто, тяжело зарабатывая себе мизерное дневное пропитание каким-нибудь производительным трудом, эксплуатируется экономически и поработается политически капиталом или, скорее, собственниками и привелигированными посредниками капитала. Такова отрицательная, боевая или революционная сила этой идеи. А положительная сила? Основание нового социального мира, покоящегося исключительно на освобожденном труде, и который создастся на развалинах старого мира, путем организации и свободной федерации рабочих союзов, освобожденных от ига, как экономического, так и политического, привелигированных классов.

Эти две стороны одного и того же вопроса, одна отрицательная, другая положительная, нераздельно связаны друг с другом. Никто не может стремиться к разрушению, не имея, по крайней мере, отдаленного представления, правильного или ложного, • новом строе, который должен будет по его мнению последовать за тем, который существует в настоящее время; и чем живее представляет себе человек картину будущего, тем могучее становится его разрушительная сила; и чем больше это представление о будущем приближается к истине, т. е. чем больше оно соответствует необходимому развитию современного социального мира, тем спасительнее и полезнее становится результат его разрушительного действия. Ибо разрушительное действие всегда обусловлено, не только в своей сущности и в степени своей интенсивности, но и в своих способах, путях и средствах, положительным идеалом, который составляет его душу, дало ему первый толчок.

Замечателен тот факт, который, впрочем, много раз наблюдался и отмечался многими писателями различных направлений, что в данный момент один только пролетариат обладает положительным идеалом, к которому он стремится со всей своей почти еще девственной страстью, всем своим существом; он видит перед собой звезду, светило, которое светит ему, уже согревает его, по крайней мере в его воображении, в его вере, и которое показывает ему с определенной ясностью путь, по которому он должен следовать, тогда как все привилегированные и так называемые просвещенные классы окружает ужасная беспросветная тьма. Они ничего больше не видят перед собой, ни во что не верят, ни к чему больше не стремятся и хотят только, чтобы

вечно сохранялось *statu quo*, признавая в то же время, что *statu quo*, никуда не годится. Нет другого лучшего доказательства тому, что эти классы осуждены на смерть и что будущее принадлежит пролетариату. В настоящее время „варвары“ (пролетарии) являются носителями веры в судьбы человечества и представляют будущее цивилизации, тогда как „цивилизованные“ видят свое спасение лишь в варварстве: в избиении коммунаров и возвращении к папе. Таковы два последние слова привилегированной цивилизации.

Центральные секции являются активными и живыми центрами, в которых сохраняется, развивается и разъясняется новая вера. Никто не входит туда, как специальный рабочий того или иного ремесла, ввиду частной организации этого ремесла; все входит туда, лишь как работники вообще, с целью освобождения и общей организации труда и нового социального мира, основанного на труде, во всех странах. Рабочие, которые входят в состав этих секций, оставляя за порогом свои качества специальных или „действительных“ рабочих, в смысле своей специальности, являются туда, как работники „вообще“. Работники чего? Работники идеи, пропаганды и организации как экономической, так и боевой мощи Интернационала; работники социальной Революции.

Мы видим, что центральные секции представляют совершенно иной характер, чем характер профессиональных секций, и даже диаметрально ему противоположный. Тогда как эти последние, следуя по пути естественного развития, начинают с факта, чтобы придти к идее, центральные секции, следуя, наоборот, по пути развития идеи или абстрактного развития, начинают с идеи, чтобы придти к факту. Ясно, что в противоположность вполне реалистическому или позитивному методу профессиональных секций, метод центральных секций является искусственным или абстрактным методом. Этот способ следовать от идеи к факту является именно тем способом, которым пользовались идеалисты всех школ, теологи и метафизики, и конечное бессилие которых отмечено историей. Тайна этого бессилия заключается в абсолютной невозможности, исходя из абстрактной идеи, придти к реальному и конкретному факту.

Если бы в Международном Товариществе Рабочих были только центральные секции, нет никакого сомнения, что оно не достигло бы и сотой доли той внушительной силы, какой оно гордится теперь. Центральные секции

были бы рабочими академиями, в которых бы вечно обсуждались все социальные вопросы, включая сюда, конечно, и вопрос об организации труда, но без малейшей серьезной попытки и даже без всякой возможности осуществления их; и это по той очень простой причине, что труд „вообще“ — лишь отвлеченная идея, получающая свою „реальность“ только в огромном разнообразии специальных производств, из которых каждое имеет свой собственный характер, свои собственные условия, которые не могут быть угаданы и тем более определены отвлеченной мыслью, но которые, проявляясь лишь благодаря своему реальному развитию, могут одни только определить свое равновесие, свои отношения и свое место в общей организации труда, — организации, которая, как все имеющее общий характер, должна быть равнодействующей, постоянно воспроизводимой живым и реальным сочетанием всех отдельных производств, а не отвлеченным принципом их, насильственно и доктринерски навязанным, как хотели бы этого немецкие коммунисты, сторонники народного государства.

Если бы в Интернационале были только центральные секции, им, вероятно, удавалось бы еще устраивать народные заговоры для ниспровержения существующего порядка вещей, заговоры слишком бессильные, чтобы достигнуть цели, потому что они могли бы привлечь лишь очень небольшое число наиболее сознательных, наиболее энергичных, убежденных и преданных рабочих. Громадное большинство, миллионы пролетариев оставались бы в стороне, а чтобы ниспровергнуть и разрушить политический и социальный строй, который давит нас, нужно участие этих миллионов.

Только отдельные личности, и только очень небольшое число могут действовать под влиянием чистой, отвлеченной „идеи“. Миллионы, массы, не только в среде пролетариата, но и в просвещенных и привилегированных классах, поддаются только силе и логике „фактов“, понимая и имея в виду в большинстве случаев только свои непосредственные интересы, или движимые страстью, всегда более или менее слепой. Чтобы вовлечь, стало быть, весь пролетариат в дело Интернационала, нужно подойти к нему не с общими и отвлеченными идеями, а с действительным и живым пониманием его действительных зол; его повседневные бедствия, хотя имеющие для мыслителя общий характер и хотя в действительности являющиеся частными следствиями общих

и постоянных причин, бесконечно разнообразны, принимают массу различных видов, производимые массой переходящих и частных причин. Такова повседневная действительность этих бедствий. Но пролетарская масса, вынужденная жить изо дня в день и едва находящая свободную минуту, чтобы подумать о завтрашнем дне, воспринимает бедствия, от которых она страдает и вечной жертвой которых она является, именно в этой действительности их, и никогда, или почти никогда, в их общей причинности.

Стало быть, для того чтобы затронуть душу безграмотного пролетария,—а к сожалению громадное большинство пролетариата еще таково,—чтобы завоевать его доверие, согласие, содействие, привлечь его к общему делу, нужно говорить с ним не об общих страданиях всего международного пролетариата, не об общих причинах, которые порождают их, а о его частных повседневных, совершенно личных невзгодах. Нужно ему говорить о его собственном ремесле и об условиях его труда в той именно местности, где он живет; о тяжести его повседневной работы и слишком длинном рабочем дне, о его низкой заработной плате, о недоброте его хозяина, о дороговизне естественных припасов и невозможности для него как следует кормить и воспитывать своих детей. II, предлагая ему средства борьбы против его бедствий и за улучшение его положения, не нужно ему вначале говорить об общих, революционных средствах, которые составляют теперь программу деятельности Международного Товарищества Рабочих, каковы уничтожение личной наследственной собственности и обобществление собственности; уничтожение юридического права и государства и замена их организацией и вольной федерацией производительных товариществ. По всей вероятности, он ничего не поймет во всех этих средствах, и, возможно даже, что, находясь под влиянием религиозных, социальных и политических идей, какие правительство и духовенство старались внушать ему, он с недоверием и гневом оттолкнет неосторожного пропагандиста, который захотел бы обратить его своими аргументами. Нет, сначала нужно предлагать ему только такие средства, которые его естественный здравый смысл и повседневный опыт не могут отвергнуть, пользу которых он не может не признать. Эти первые средства, мы уже говорили, установление полной солидарности со всеми товарищами по мастерской в борьбе против общего хозяина или начальства; и затем рас-

пространение этой солидарности на всех рабочих против всех хозяев одной и той же профессии в данной местности, т. е. формальное вхождение, в качестве солидарного и активного члена, в секцию своего цеха, секцию, входящую в состав Международного Товарищества Рабочих.

Войдя в секцию, новообращенный рабочий узнает в ней многое. Ему объясняют, что такая же солидарность, какая существует между всеми членами секции, установлена также между всеми различными секциями или всеми цехами одной и той же местности; что более широкая организация этой солидарности, обнимающая безразлично рабочих всех ремесл, стала необходимой, потому что хозяева всех отраслей производства объединяются между собою, чтобы все более и более ухудшать условия людей, вынужденных зарабатывать себе средства к жизни своим трудом. Ему объясняют, наконец, что эта двойная солидарность сначала рабочих одного и того же ремесла, потом рабочих всех ремесл или всех цехов, организованных в различные секции, не ограничивается одной только данной местностью, но, распространяясь дальше за пределы страны, обнимает весь рабочий мир, пролетариат всех стран, могущественно организованный для своей защиты, для войны против эксплуатации буржуазии.

Ставши членом секции Интернационала, он лучше чем из словесных объяснений своих товарищей, узнает скоро все это по своему личному опыту, отныне ставшему нераздельным и солидарным с опытом всех других членов секции. Его цех, выведенный из терпения алчностью и жестокостью хозяев, объявляет стачку. Но каждая стачка для рабочих, которые живут только на свою заработанную плату, является чрезвычайно тяжелым испытанием. Они ничего не зарабатывают, но их семьи, дети, собственные желудки продолжают требовать свой хлеб насущный, а запасов у них никаких нет. Касса сопротивления, которую им с большим трудом удалось образовать, недостаточна, чтобы содержать всех их в продолжение целого ряда дней, а иногда даже недель. Они умрут с голоду или вынуждены будут подчиниться самым тяжелым условиям, какие вздумают навязать им алчность и нахальство их хозяев, если они не получают помощи извне. Но кто им предложит эту помощь? Разумеется, не буржуа, объединившиеся все против рабочих; помощь может прийти только от рабочих других ремесл и других стран. И, действительно, эта по-

мощь приходит, приносимая или присылаемая другими секциями Интернационала, как местными, так и заграничными. Такой опыт, повторяющийся много раз, показывает лучше, чем все слова, благотворную силу международной солидарности рабочего мира.

У рабочего, который входит в секцию, чтобы воспользоваться выгодами этой солидарности, не спрашивают, какие его политические или религиозные принципы. У него спрашивают только одно: Хочет ли он вместе с благодеяниями объединения принять свою долю всех его последствий, иногда тяжелых, и все обязанности? Хочет ли он, несмотря ни на что, остаться верным секции во всех перипетиях борьбы, сначала исключительно экономической, и сообразовать отныне все свои поступки с решениями большинства, поскольку эти решения будут иметь прямое или косвенное отношение к этой самой борьбе против хозяев? Одним словом, единственная солидарность, какую ему предлагают, как преимущество, и какую ему вменяют в то же время в обязанность, как долг, это экономическая солидарность в самом широком смысле этого слова. Но раз эта солидарность серьезно принята и установлена, она производит все остальное, — так как все самые высокие и самые разрушительные принципы Интернационала, наиболее подрывающие основы религии, юридического права и государства, власти, как божеской так и человеческой, наиболее революционные одним словом с социалистической точки зрения, являются лишь естественным, необходимым развитием этой экономической солидарности. И огромное практическое преимущество профессиональных секций перед центральными секциями состоит именно в том, что это развитие, эти принципы доказываются рабочим не теоретическими рассуждениями, а живым и трагическим опытом борьбы, которая становится с каждым днем все шире, глубже и ужаснее: так что наименее развитой рабочий, наименее подготовленный, наиболее мягкий, толкаемый постоянно вперед самими последствиями этой борьбы, начинает признавать себя революционером, анархистом и атеистом, часто не зная сам, как он им сделался.

Ясно, что только одни профессиональные секции могут дать это практическое воспитание своим членам и что, следовательно, одни они только могут привлечь в Интернационал пролетарскую массу, эту массу, без могучего содей-

ствия которой, как мы сказали, торжество социальной революции никогда не будет возможно.

Если бы в Интернационале были одни только центральные секции, это были бы, стало быть, души без тела, чудные мечты, но без возможности осуществления их.

К счастью, центральные секции, отделения главного центра, который образовался в Лондоне, были основаны не буржуа, не профессиональными учеными, не политическими деятелями, а рабочими социалистами. Рабочие, и в этом их огромное преимущество перед буржуазией, благодаря своему экономическому положению, благодаря тому, что их миновало до настоящего времени доктринерское, классическое, идеалистическое и метафизическое образование, которое отравляет буржуазную молодежь, одарены в высшей степени практическим и положительным умом. Они не довольствуются идеями, им нужны факты, и они верят идеям лишь постольку эти последние опираются на факты. Это счастливое обстоятельство позволило им избегнуть двух подводных камней, на которые наталкиваются все революционные попытки буржуа: академических споров и политического заговора. Впрочем, программа Международного Товарищества Рабочих, выработанная в Лондоне и окончательно принятая на Женевском Съезде (1866 г.), провозгласив, что экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой должно быть подчинено, как простое средство, всякое политическое движение¹⁾, и что все усилия, сделанные до сих пор, окончились неудачей, благодаря отсутствию солидарности между рабочими различных профессий в каждой стране и братского союза между рабочими различных стран,

¹⁾ Бакунин цитирует эту предпосылку в главных статутах не по тексту французского перевода, опубликованному в 1865 г. и принятому затем на Женевском съезде в 1866 г., но по исправленному тексту, напечатанному в Париже в марте 1870 г. стараниями Поля Робена и Поля Лафарга. Когда Робен просматривал корректуру этого нового французского издания, Лафарг обратил его внимание на разницу между французским текстом 1865—1866 гг. и английским текстом, и после замечания Лафарга и были вставлены в этой предпосылке три слова, как простое средство, перевод английских слов *as a means*. Во французском тексте 1865—1866 гг. этот пункт был редактирован: „Экономическое освобождение рабочих есть великая цель, которой должно быть подчинено всякое политическое движение“. Как видно отсюда, Бакунин не придавал тогда никакого значения этой разнице между двумя текстами и, вероятно, не заметил даже ее.

указывала им ясно единственный путь, по которому они могли и должны были следовать.

Прежде всего они должны были обращаться к массам во имя экономического освобождения, а не во имя политической революции; во имя их материальных интересов сначала, чтобы потом прийти к их моральным интересам, так как вторые, как интересы коллективные, являются всегда лишь выражением и логическим следствием первых. Они не могли ждать, чтобы массы пришли к ним, они должны были, стало быть, идти к ним туда, где они находятся в их повседневной действительности, а эта действительность — повседневный труд, специализированный и разделенный по цехам. Они должны были, стало быть, обращаться к различным цехам, уже более или менее организованным, благодаря necessities коллективного труда, в каждой отдельной отрасли производства, чтобы привлечь их к общей деятельности великого Товарищества Рабочих всех стран, его экономической цели; чтобы присоединить их, одним словом, к общей организации Интернационала, оставив неприкосновенными их частные организации, не посягая на автономию их. Это значит, что первое, что они должны были сделать, и что они действительно сделали, это организовать вокруг каждой центральной секции столько профессиональных секций, сколько было различных отраслей производства.

Таким образом, центральные секции, которые в каждой стране представляют душу Интернационала, облеклись в телесную оболочку, стали действительными и могучими организациями. Многие придерживаются того мнения, что, выполнив эту миссию, центральные секции должны были распасться, оставив существовать одни только профессиональные секции. По нашему это большая ошибка. Ибо, если бы центральные секции одни, не окруженные ¹⁾...

Великая задача, взятая на себя Международным Товариществом Рабочих, задача окончательного и полного освобождения рабочих и народного труда от ига всех эксплоа-

¹⁾ Следующая страница рукописи (123-я) утеряна в типографии в конце 1871 г., после того как страницы 123—129 были набраны для *Almanach du Peuple* за 1872 г., где они были потом напечатаны под заглавием „Организация Интернационала“. Первые двадцать пять строк „Организации Интернационала“ находились как раз на 123-й странице, и мы их воспроизводим здесь по „Альманаху“. Таким образом, почти весь текст этой страницы сохранился, недостает только трех-четырех строк, конца начатой в конце 122-й страницы фразы.

таторов этого труда, — хозяев, владельцев сырья и орудий производства, словом, всех представителей капитала, — не только экономическая или чисто материальная, она является в то же время и в такой же степени задачей социальной, философской и моральной; она также, если хотите, в высшей степени политическая задача но только в смысле уничтожения всякой политики посредством разрушения государств.

Мы не думаем, чтобы понадобилось доказывать, что при современной политической, юридической, религиозной и социальной организации наиболее цивилизованных стран экономическое освобождение рабочих невозможно и что, следовательно, для достижения и полного осуществления его необходимо разрушить все современные институты: Государство, Церковь, Юридический Форум, Банк, Университет, Администрацию, Армию и Полицию, которые на самом деле не что иное как крепости, воздвигнутые привилегированными против пролетариата. И недостаточно разрушить их в одной стране, их надо разрушить во всех странах, потому что со времени образования современных государств в семнадцатом и восемнадцатом веке между всеми этими учреждениями существует постоянно возрастающая международная солидарность и очень сильный международный союз.

Стало быть, задача, взятая на себя Международным Товариществом Рабочих, есть полная ликвидация ныне существующего политического, религиозного, юридического и социального мира и замена его новым экономическим, философским и социальным миром. Но такое гигантское предприятие не могло бы никогда осуществиться, если бы в распоряжении Интернационала не было двух одинаково могучих, одинаково гигантских, друг друга дополняющих рычагов; один, это постоянно возрастающая сила потребностей, страданий и экономических требований масс; другой — новая социальная философия, философия в высшей степени реалистическая и народная, покоящаяся теоретически только на действительной науке, т. е. в одно и то же время экспериментальной и рациональной, и не признающей других основ, кроме принципов человеческих — выражение вечных, неизменных инстинктов масс, — принципов равенства, свободы и всемирной солидарности.

Побуждаемый своими потребностями, во имя этих принципов народ должен победить. Ему не чужды эти прин-

цыпы, они даже не повы для него, в том смысле, что он, как мы только что сказали, во все времена носил их инстинктивно в своей груди. Он всегда стремился к освобождению от всех видов гнета, лежащего на нем; и так как он, работник, кормилец общества, творец цивилизации и всех богатств—последний раб, раб из рабов; так как он не может освободиться, не освободив вместе с собой весь мир, он всегда стремился к освобождению всего мира, т. е. к всемирной свободе. Он всегда страстно любил равенство, которое является высшим условием его свободы; и, несчастный, вечно побеждаемый в личном существовании каждого из своих детей, он всегда искал свое спасение в солидарности. Так как до сих пор взаимное счастье было неизвестно, или, во всяком случае мало известно, и жить счастливо означало быть эгоистом, жить чужим трудом, эксплуатируя и поработав других, то только несчастные и, следовательно, больше, чем кто либо другой, народные массы знали и практиковали братство.

Социальная наука, стало быть, как нравственная доктрина, только развивает и формулирует народные инстинкты. Но между этими инстинктами и этой наукой существует, однако, пропасть, которую надлежит заполнить. Ибо, если бы достаточно было одних верных инстинктов для освобождения народов, они давно бы уже были освобождены. Эти инстинкты не помешали массам признавать, в течение всей их столь печальной и трагической истории, все религиозные, политические, экономические и социальные нелепости и быть их вечными жертвами.

Правда, тяжелые испытания, через которые должны были пройти массы, не были для них совершенно потерянными. Эти испытания создали в их недрах нечто в роде исторического сознания и как бы практическую, основанную на традициях науку, которая очень часто заменяет им теоретическую науку. Так, например, можно быть теперь уверенным, что ни один западно-европейский народ не даст больше себя увлечь ни какому-нибудь религиозному шарлатану, ни новому Мессии, ни какому-нибудь политическому прејдохе. Можно также с уверенностью сказать, что потребность экономической и социальной революции сильно чувствуется в настоящий момент народными массами Европы, даже наименее цивилизованными, и это именно и дает нам веру в близкое торжество социальной революции; ибо, если бы народный инстинкт не проявил себя так ярко, глубоко и

решительно в этом смысле, то никакие социалисты в мире, будь то даже величайшие гении, не были бы в состоянии поднять массы.

Народ готов, он сильно страдает и, что важнее, он начинает понимать, что он вовсе не обязан страдать; ему надоело вечно обращать взоры к небу и он не расположен больше проявлять долготерпение на земле. Одним словом, массы, даже независимо от всякой пропаганды, стали сознательно социалистичными. Всеобщее и глубокое сочувствие, какое встретила Парижская Коммуна со стороны пролетариата всех стран, служит тому доказательством.

Но массы, это сила или, по крайней мере, существенный элемент всякой силы. Чего же недостает им, чтобы свергнуть ненавистный им общественный строй? Им недостает двух вещей: организации и науки, которые как раз обе составляют в данный момент, и всегда составляли, силу всех правительств.

Итак, прежде всего организация, которая, впрочем, невозможна без помощи науки. Благодаря военной организации, один батальон, тысяча вооруженных человек могут нагнать страх, и на самом деле нагоняют, на миллионную толпу народа, тоже вооруженного, но дезорганизованного. Благодаря бюрократической организации, государство, при помощи нескольких сотен тысяч чиновников, держит в подчинении огромные страны. Следовательно, чтобы создать народную силу, способную раздавить военную и гражданскую силу государства, надо организовать пролетариат.

Это именно и делает Международное Товарищество Рабочих, и когда оно будет обнимать половину, треть, четверть или только десятую часть европейского пролетариата, государства перестанут существовать. Организация Интернационала, имеющая целью не создание новых государств или новых форм деспотизма, а коренное разрушение всякого господства, должна существенно различаться от государственной организации. Насколько последняя искусственна, насильственна, основана на принципах власти, чуждая и враждебная естественному развитию народных интересов и инстинктов, настолько организация Интернационала должна быть свободной, естественной и отвечать во всех отношениях этим интересам и этим инстинктам. Но что представляет эта естественная организация масс? Это организация, основанная на различных проявлениях их действительной повседневной жизни, на различных видах труда, организация по

ремеслам или профессиям. С того момента, когда все виды промышленности будут представлены в Интернационале, включая сюда и различные виды земледельческого труда, его организация, организация народных масс будет закончена.

Ибо достаточно, в самом деле, чтобы один рабочий на десять серьезно и с полным знанием дела входил в Интернационал, чтобы девять десятых, остающихся вне его организации, подверглись его невидимому влиянию и в критические моменты, сами того не подозревая, подчинялись его руководству, поскольку это необходимо для спасения пролетариата.

Нам могут возразить, что этот способ организовать влияние Интернационала на народные массы как бы хочет установить на развалинах прежней власти и существующих правительств новую систему власти и новое правительство. Но это было бы глубоким заблуждением.

Правительство Интернационала, если тут есть правительство, или, скорее, его организованное действие на массы всегда будет отличаться от всех государств тем существенным свойством, что оно всегда будет только организацией воздействия — не официального и не облеченного властью или какой-нибудь политической силой, но совершенно естественного — более или менее многочисленной группы лиц, вдохновленных общей идеей и стремящихся к общей цели, сначала на мнение масс и только потом, посредством этого мнения, более или менее измененного под влиянием пропаганды Интернационала, на их волю, на их акты. Тогда как правительства, вооруженные властью и материальной силой, которые одни, по их утверждению, имеют от бога, другие, благодаря их умственному превосходству, третьи, наконец — самую волю народной, выраженной и выявленной путем ловкого фокуса, который называют всеобщим голосованием, насильственно навязывают себя массам, принуждают их повиноваться им, исполнять их декреты, в большинстве случаев не стараясь даже хотя бы внешним образом осведомиться о их чувствах, потребностях и воле. Между государственной силой и силой Интернационала такая же разница, какая существует между официальной деятельностью государства и естественной деятельностью какого-нибудь клуба. Интернационал не имеет и никогда не будет иметь другой силы, кроме великой силы убеждения и останется всегда лишь организацией естественного воздействия личностей на массы. Государство же и все государ-

ственные учреждения: церковь, университет, юридический форум, бюрократия, финансовая наука, полиция и армия, развращая, разумеется, по возможности мнения и волю подданных государства, требуют от них пассивного повиновения, не сообразуясь с этими мнениями и волей и чаще всего вопреки им, конечно, все это в мере, всегда очень растяжимой, признанной и определенной законами.

Государство, это власть, господство и организованная сила владеющих и так называемых просвещенных классов над массами; Интернационал, это—освобождение масс. Государство никогда не ищет и не может искать ничего другого, кроме порабощения масс, и потому оно призывает их к повиновению. Интернационал, желая только их полного освобождения, призывает их к бунту. Но чтобы сделать этот бунт могучим в свою очередь и способным свергнуть господство государства и привилегированных классов, которых исключительно и представляет государство, Интернационал должен был организоваться. Для достижения этой цели он употребляет только два средства, которые хотя далеко не всегда легальны, — так как легальность, во всех странах, большей частью есть лишь юридическое освящение привилегии, т. е. несправедливости, — с точки зрения человеческого права оба одинаково законны. Эти два средства, как мы уже сказали, во-первых пропаганда идей Интернационала, организация естественного воздействия его членов на массы.

Тому, кто стал бы утверждать, что деятельность, организованная таким образом, является всетаки покушением на свободу масс, попыткой создать новую власть, мы ответим, что он или софист, или глупец. Тем хуже для тех, кто до такой степени не знаком с естественным и социальным законом человеческой солидарности, что воображает, что абсолютная взаимная независимость личностей и масс возможная или даже желательная вещь. Желать ее, это значит, хотеть уничтожения общества, так как вся общественная жизнь есть не что иное, как эта постоянная взаимная зависимость друг от друга личностей и масс. Все индивиды, даже наиболее умные, наиболее сильные, и в особенности умные и сильные, в каждую минуту своей жизни являются производителями и продуктами воли и деятельности масс. Сама свобода каждой личности есть постоянно меняющаяся равнодействующая этой массы физических, умственных и нравственных влияний, которые окружающие ее другие личности,

общество, в котором она рождается, живет и умирает, оказывают на нее. Хотеть избежать этого влияния, во имя какой то трансцендентальной, божественной, абсолютно эгоистической и самодовлеющей свободы, это осудить себя на не-бытие; хотеть отказаться от этого влияния на другого, это отказаться от всякого социального действия, от выражения даже своей мысли и чувств, т. е. тоже придти к не-бытию. Следовательно, эта независимость, столь восхваляемая идеалистами и метафизиками, и личная свобода, понятая в таком смысле, это не-бытие.

В природе, как и в человеческом обществе, которое не что иное, как сама эта природа, все живущее живет только при этом высшем условии самого положительного вмешательства и настолько энергичного, насколько это позволяет натура индивида, в жизнь другого. Уничтожение этого взаимного влияния было бы, стало быть, смертью. И когда мы требуем свободы масс, мы не претендуем уничтожить ни одного из этих естественных влияний на них ни одной личности, ни одной группы лиц. Мы хотим уничтожения искусственных, привилегированных, законных, официальных влияний. Если бы церковь и государство могли быть учреждениями, мы бы, конечно, были их противниками, но мы бы не протестовали против их права на существование. Но мы протестуем против них, потому, что, будучи, разумеется, частными учреждениями, в том смысле, что они на самом деле существуют только для частных интересов привилегированных классов, они тем не менее пользуются организованной с этой целью коллективной силой масс, для того чтобы насильственно, официально, властнически навязать себя массам. Если бы Интернационал мог организовать в государство, мы, его убежденные и страстные сторонники, превратились бы в его отъявленных врагов.

Но в том то и дело, что Интернационал не может организовать в государство; он не может этого сделать уже по тому одному, что, как само имя это указывает, он уничтожает все границы; а нет государства без границ, так как исторически доказано, что осуществление всемирного государства, о котором мечтали народы-завоеватели и самые великие деспоты мира, невозможно. Государство, необходимо означает несколько государств,—угнетающих и эксплуатирующих внутри, завоевывающих или по крайней мере, взаимно враждующих друг с другом за своими пределами,—означает отрицание человечества. Всемирное государство,

или народное государство, о каком говорят немецкие коммунисты, может, стало быть, означать лишь одно: уничтожение государства.

Международное Товарищество Рабочих не имело бы никакого смысла, если бы оно не стремилось к уничтожению государства. Оно организует народные массы только в виду этого уничтожения. Как же оно организует их? Не сверху вниз, навязывая общественному разнообразию, продукту разнообразия труда в массах, или естественной жизни масс, искусственные единство и порядок, как это делают государства; а наоборот, снизу вверх, беря за отправную точку общественное существование масс, их действительные стремления, и призывая их группироваться, гармонически согласовать свои силы, сообразно этому естественному разнообразию занятий и положений, и помогая им в этом. Такова собственная цель организации цеховых секций.

Мы говорили, что, для того чтобы организовать массы, чтобы установить прочным образом благотворное действие на них Международного Товарищества Рабочих в сущности, достаточно было бы, чтобы один рабочий на десять из каждого цеха входил в соответствующую Секцию. Это понятно, В моменты великих политических и экономических кризисов, когда возбужденные до крайности массы инстинктивно понимают все счастливые начинания, когда эти человеческие стада рабов, задавленных, поработанных, но непокорившихся, поднимаются, наконец, чтобы сбросить с себя свое ярмо, но чувствуют себя растерянными и бессильными, потому что они совершенно дезорганизованы, десять, двадцать или тридцать человек, хорошо сговорившихся между собою и хорошо организованных, и знающих куда они идут и чего хотят, легко увлекут за собою сто, двести, триста человек или даже больше. Мы это видели недавно на примере Парижской Коммуны. Серьезная организация, едва начавшая свою жизнь во время осады, не была ни совершенной ни очень сильной; и, однако, она была достаточна, чтобы создать колоссальную силу сопротивления.

Что же будет, когда Международное Товарищество Рабочих будет лучше организовано, когда оно будет насчитывать в своей среде гораздо большее число секций, в особенности большое число земледельческих секций, и в каждой секции вдвое или втрое больше членов, чем теперь? Что будет в особенности, когда каждый из его членов будет лучше знать, чем теперь, конечную цель и истинные

принципы Интернационала, также как и способ их осуществления? Интернационал станет непреодолимой силой.

Но для того, чтобы Интернационал действительно мог приобрести эту силу, для того чтобы десятая часть пролетариата, организованная этим Товариществом, могла увлечь за собою остальные девять десятых, необходимо чтобы каждый член в каждой секции, гораздо глубже был проникнут принципами Интернационала, чем теперь. Только при этом условии, во времена мира и затишья он может действительным образом выполнять миссию пропагандиста и проповедника, и во времена борьбы миссию революционного вождя.

Говоря о принципах Интернационала, мы подразумеваем только те, которые содержатся в наших общих статутах, принятых Женевским Съездом (1866 г.) Они так немногочисленны, что мы просим позволения привести их здесь:

1) Освобождение труда должно быть делом самих рабочих;

2. Усилия рабочих завоевать свое освобождение не должны стремиться к установлению новых привилегий, но к установлению для всех (людей живущих на земле) равных прав и обязанностей и к уничтожению классового господства;

3. Экономическое порабощение рабочего владельцем сырья и орудий производства есть источник рабства во всех его видах: социального, умственного и политического;

4. Поэтому экономическое освобождение рабочих классов есть великая цель, которой должно быть подчинено, как простое средство, всякое политическое движение;

5. Освобождение рабочих не является проблемой чисто местной или национальной; напротив, проблема эта касается всех цивилизованных наций, так как решение ее необходимо зависит от их теоретического и практического содействия;

6. Международное Товарищество Рабочих, так же как и все его члены, признают, что Истина, Справедливость, Нравственность должны лежать в основе их поведения по отношению ко всем людям, без различия цвета кожи, верований или национальности;

7. Наконец, оно считает своим долгом требовать прав человека и гражданина не только для своих членов, но и для каждого, кто исполняет свои обязанности: „Нет обязанностей без прав, нет прав без обязанностей“.¹⁾

Мы знаем теперь, что эта программа, столь простая, столь справедливая и выражающая простым языком самые законные и самые человеческие требования пролетариата, именно потому, что эта программа исключительно человеческая, содержит в себе все зачатки огромной социальной революции: свержение всего существующего и создание нового мира.

Вот, что должно теперь разъяснять всем членам Интернационала и стать для них совершенно ясным. Эта программа несет с собой новое общество, новую социальную философию, которая должна заменить все прежние религии, и совершенно новую политику, политику международную, которая, спешим заявить это, как таковая, не может иметь иной цели, кроме разрушения всех государств. Для того, чтобы все члены Интернационала могли сознательно выполнить свою двойную обязанность пропагандистов и естественных вождей масс в Революции, необходимо, чтобы каждый из них был сам проникнут, насколько возможно глубже, этой наукой, этой философией и этой политикой. Недостаточно, чтобы они знали и говорили, что они хотят экономического освобождения рабочих, полного пользования продуктом своего труда для каждого, уничтожения классов и политического порабощения, осуществления полноты человеческих прав и полного равенства прав и обязанностей для каждого,—одним словом, осуществления братства людей. Все это, разумеется, очень хорошо и весьма справедливо, но, если рабочие Интернационала останутся на этих великих истинах, не углубляя их условия, последствия и смысл, и если они будут довольствоваться их постоянным повторением в этой общей форме, они сильно рискуют превратить их скоро в пустые и бесплодные слова, в общие непонятые места.

Но, скажут нам, все рабочие, даже когда они члены Интернационала, не могут стать учеными; и недостаточно ли, чтобы в среде этого общества нашлась группа людей,

¹⁾ Этот текст не является точным воспроизведением статута; это резюме, сделанное по французскому переводу, напечатанному в Париже в 1870 г. Прим. Дж. Г.

обладающих вполне, насколько это возможно в наше время, наукой, философией и политикой социализма, чтобы большинство, чтобы рабочие массы Интернационала, доверчиво подчиняясь их руководству и их братскому командованию (стиль Гамбетты, якобинца—диктатора по преимуществу), могли быть уверены, что они не свернутся с пути, который должен привести их к окончательному освобождению пролетариата?

Вот рассуждение, которое мы довольно часто слышали от авторитарной партии, ныне торжествующей в Женевском Интернационале, не открыто высказываемое,—для этого у нее нет ни достаточно искренности ни достаточно смелости,—а потихоньку, со всякого рода более или менее искусными умалчиваниями и комплиментами по адресу высшей мудрости и всемогущества суверенного народа. Мы всегда горячо выступали против него, потому что мы уверены,—и вы, конечно, вместе с нами, товарищи,—что когда Международное Товарищество Рабочих разделится на две группы: одна, заключающая в себе большинство и состоящая из членов, вся наука которых будет состоять в слепой вере в теоретическую и практическую мудрость ее вождей, и другая, состоящая только из нескольких десятков руководителей, эта организация, которая должна освободить человечество, превратится сама в некоторого рода олигархическое государство, худшее из всех государств; и больше того, это прозорливое меньшинство, ученое и искусное, которое возьмет на себя, вместе со всею ответственностью, все права самодержавного правительства, тем более деспотического, что деспотизм его тщательно скрывается под внешностью услужливого уважения к воле и решениям суверенного народа, решениям, всегда инспирированным самим правительством этой так называемой народной воле; это меньшинство, говорим мы, повинувшись необходимым и условиям своего привилегированного положения и подвергаясь судьбе всех правительств, будет становиться все более и более деспотичным, зловредным и реакционным. Это именно и случилось в данный момент с Женевским Интернационалом.

Международное Товарищество Рабочих может стать орудием освобождения человечества только в том случае, если оно сначала само освободиться, а оно будет свободно только когда, перестанет делиться на две группы, большинство-слепых орудий, и меньшинство-ученых машинистов, и

когда сознание каждого его члена будет проникнуто наукой, философией и политикой социализма.

Социальная наука лишь ветвь единой науки, всей науки, как само человеческое общество есть лишь последняя известная нам степень развития того бесконечного целого реального мира, которое мы называем природой. Социальная наука, предметом которой являются общие законы исторического развития человеческих обществ,—развитие, столь же неизбежное, как развитие всех других явлений в природе,—есть венец естественной науки. Следовательно, она предполагает предварительное знание всех других позитивных наук, что вначале повидимому, должно ее сделать совершенно недоступной неразвитому уму пролетариата.

Или надо будет ждать дня, когда правительства, вдруг почувствовав сильную любовь к эксплуатируемым массам, учредят серьезные научные школы для детей народа, школы, в которых, вместо суеверия, столь благоприятного интересам привилегированных классов и господству государства, будет царствовать разум, освободитель народов, и в которых каждодневный катехизис будет заменен естественными науками? Это значило бы осудить себя на очень долгое ожидание. И даже если для народа откроются школы, действительно достойные этого имени, он не в состоянии будет обучать в них своих детей в продолжении всего времени, какое требуется для серьезного научного образования. Где он возьмет достаточно средств для того, чтобы содержать их там в продолжении десяти, восьми или даже только шести лет? В самых демократических странах громадное большинство детей народа посещает школы едва лишь в продолжение двух лет, или самое большое трех лет; после чего они должны зарабатывать себе на жизнь, а известно, что значат эти слова: зарабатывать себе на жизнь, для детей народа! Вступив в условия наемного труда, пролетарий должен неизбежно отказаться от науки.

И, однако, в крупных населенных центрах, в Англии, Франции, Бельгии, Германии, просвещенные и искренние друзья рабочего класса открыли вечерние школы для народа, в которые масса рабочих усердно ходит, забыв свою дневную усталость, чтобы получить в них первые сведения позитивных наук. Эти школы драгоценны не по количеству знаний, какие они могут дать посещающим их, а благодаря настоящему научному методу, в который они вводят мало по малу эти девственные умы, стыдящиеся своего невеже-

ства и жаждущие знаний. Научный или позитивный метод, который не признает никакого синтеза, который бы не был предварительно проверен опытом и тщательным анализом фактов, разумный рабочий усвоив его себе, становится в его руках могучим орудием научного исследования, при помощи которого он живо справляется со всеми религиозными, метафизическими, юридическими и политическими софизмами, которыми заботливо старались отравить его ум, воображение и сердце с его самого раннего детства.

Но эти школы едва достаточны для того, чтобы дать рабочему приблизительное знание некоторых главных фактов очень небольшого числа наук. Столь несовершенное знание естественных наук не может служить основой социальной науке, в которой он, следовательно, принужден попрежнему оставаться невежественным...

(Рукопись осталась неоконченной)

Ответ одного интернационалиста Мадзини.

Ответ одного интернационалиста Мадзини.

Если есть человек, всеми уважаемый в Европе, и который своей сорокалетней деятельностью, исключительно посвященной великому делу, действительно заслужил это уважение, так это Мадзини. Он бесспорно является одною из самых благородных и самых чистых личностей нашего века, я сказал бы даже, самую великую, если бы величие было совместно с упорным культом заблуждения.

К сожалению, в самой основе революционной программы итальянского патриота заложен был с самого начала существенно ложный принцип, который парализовал и сделал бесплодными его самые героические усилия и самые гениальные комбинации, и рано или поздно должен был увлечь его в ряды реакции. Это принцип какого то в одно и тоже время метафизического и мистического идеализма, соединенного с патриотическим честолюбием государственного деятеля. Это культ Бога, культ божеской и человеческой власти, это вера в мессианское предназначение Италии, царицы наций, вместе с Римом, столицей мира это политическая страсть к величию и славе государства, необходимо основанных на нищете народов. Это, наконец, религия всех догматических и абсолютных умов, страсть к единообразию, которое они называют единством и которое является могилой свободы.

Мадзини—последний великий жрец религиозного метафизического и политического идеализма, доживающего свои дни.

Мадзини упрекает нас в том, что мы не веруем в Бога. Мы, наоборот; упрекаем его в том, что он верует в него, или, скорее, мы даже не упрекаем его в этом, мы жалеем только, что он верует в него. Мы бесконечно жалеем, что, благодаря этому вторжению мистических идей и чувств в его сознание,

его деятельность и жизнь, он принужден был выступить против нас со всеми врагами освобождения народных масс.

Ибо невозможно больше ошибаться на этот счет. Кто теперь выступает под знаменем Бога? От Наполеона III до Бисмарка, от императрицы Евгении до королевы Изабеллы и между ними папа с своей мистической розой, которую он галантно преподносит по очереди то той, то другой, все императоры, все короли, весь официальный, официозный и дворянский мир и все привилегированные Европы, тщательно переименованные в календаре Гота, все пивявки промышленного, торгового и банковского мира, патентованные профессора и все государственные чиновники: высшая и низшая полиция, жандармы, тюремщики, палачи и вместе с ними попы, составляющие ныне черную полицию душ, работающую в пользу государства: все генералы, эти гуманные защитники общественного порядка, и редактора продажной прессы, такие чистые представители всех официальных добродетелей. Вот армия Бога.

Вот знамя, под которым становится ныне Мадзини, помню своей воли, конечно, увлеченный логикой своих убеждений, которые принуждают его, если не благославлять все, что они благославляют, то, по крайней мере, проклинать все, что они проклинают.

А кто находится в противоположном лагере? Революция, смелые отрицатели Бога, божественного порядка и принципа власти и, наоборот, и по этому именно, верующие в человечество, в человеческий порядок и человеческую свободу.

Мадзини, в молодости своей, разделяя оба противоположные течения, был в одно и тоже время жрецом и революционером. Но с течением времени, чувства жреца, как и должно было ожидать, заглушили в нем инстинкты революционера; и теперь все, что он думает, все, что он говорит и делает, дышит самой чистой реакцией. Это вызывает великую радость в лагере наших врагов и печаль в нашем.

Но не будем горевать, у нас есть другое дело; все наше время принадлежит борьбе. Мадзини бросил нам перчатку; наш долг поднять ее, чтобы не могли сказать, что из уважения к прошлым великим заслугам человека мы склонили голову перед ложью.

Не с радостным сердцем можно выступить против такого человека, как Мадзини, которого вынужден глубоко уважать и любить, даже борясь против него, ибо никто не может сомневаться в глубоком бескорыстии, в огромной

искренности и не менее огромной любви к добру этого человека, несравненная чистота которого сияет во всем своем блеске среди развращенности нашего века. Но почитательность, как бы законна она не была, никогда не должна превращаться в обожание; есть вещь более священная, чем величайший человек в мире, это истина, справедливость, обязанность защищать святое дело человечества.

Не в первый раз Мадзини бросает обвинения, чтобы не сказать оскорбления и клеветы, против нас. В прошлом году, в письме, адресованном своему другу, идеалисту и жрецу,*) как и он, знаменитому Кинэ, он едко порицал материалистические и атеистические тенденции современной молодежи. Это было его право, следствие его образа мышления. Он имел несчастье всегда связывать свои самые благородные стремления с вымышленным существованием абсолютного Существа, зловредного и нелепого призрака, созданного детским воображением первобытных народов, и который постепенно видоизмененный творческой фантазией поэтов, ставший более красочным, и позднее получивший строгое определение и послуживший началом системы, созданной абстрактным мышлением теслогов и метафизиков, теперь рассеивается, как настоящий призрак, каким он является на самом деле, под могучим напором народного сознания, созревшего под влиянием исторического опыта, и благодаря еще более беспощадному анализу действительной науки. И так как знаменитый итальянский патриот, с самого начала своей долгой карьеры, имел несчастье вверить все свои помыслы и свои самые революционные действия под защиту этого вымышленного Существа и сковать с ним всю свою жизнь, принеся ему в жертву даже действительное освобождение своей дорогой Италии, то можно ли удивляться, что он негодует теперь против нового поколения, которое, воодушевляясь другими принципами, другой моралью и другой любовью, чем его, отворачивается от его Бога?

Горечь и гнев Мадзини естественны. Быть в продолжение больше чем тридцати лет во главе революционного движения Европы и чувствовать теперь, что от него ускользает это руководство; видеть, что это движение начинает идти по пути, по которому его закоснелые убеждения не

*) „Жрец“ во всем *Ответе* фигуральное выражение. Может быть, не бесполезно будет указать на это читателям, которые не знают ни Мадзини ни Эдгара Кинэ.

позволяют ему не только управлять им, но даже следовать за ним; остаться одиноким, покинутым, непонятым и отныне неспособным понять самому ничего из того, что происходит перед его глазами! Для такой великой души, гордого ума, огромного честолюбия, какими обладает Мадзини, и под конец долгой карьеры, это трагическое и тяжелое положение.

Поэтому, когда с высоты своего духовного одиночества, святой старец пустил в нас свои первые стрелы, мы ничего или почти ничего не ответили. Мы уважали этот бессильный, но скорбный гнев. Однако, у нас не было бы недостатка в аргументах не только чтобы отвергнуть его упреки, но и повернуть их против него.

Он говорит, что мы материалисты атеисты. На это мы ничего не можем ответить, ибо мы являемся ими на самом деле, и мы гордимся этим, поскольку позволено иметь чувство гордости жалким личностям, которые, подобно волнам, поднимаются, чтобы потом исчезнуть в огромном океане коллективной жизни человеческого общества; мы гордимся этим, потому что атеизм и материализм, это—истина, или, скорее, действительная основа всякой истины и потому что, не заботясь о практических последствиях, мы хотим истину прежде всего, и только истину. Кроме того, мы верим, что, несмотря на все видимости противного, несмотря на все трусливые внушения политики осторожности и скептицизма, одна только истина может создать практическое благо для людей

Таков первый догмат нашей веры; и мы принудим вас признать, что у нас тоже есть вера, славный учитель! Только она никогда не смотрит назад, но всегда вперед.

Вы не довольствуетесь, однако, указанием на наш атеизм и материализм, вы выводите отсюда заключение, что мы не можем иметь ни любви к людям ни уважения к их достоинствам; что все великое, что во все времена заставляло биться наиболее благородные сердца: свобода, справедливость, человечество, красота, истина, должно быть нам совершенно чуждо и, что, влача бесцельно свое жалкое существование, скорее ползая, чем ступая ногами по земле, мы не знаем других забот, кроме удовлетворения своих чувственных и грубых appetitов.

Если бы это говорил ктонибудь другой, а не вы, мы назвали бы его бесстыдным клеветником. Вам, уважаемый и несправедливый учитель, мы скажем, что это прискорбное заблуждение с вашей стороны. Хотите знать, до какой сте-

пени мы любим все эти великие и прекрасные вещи, в знании которых и любви к которым вы отказываете нам? Знайте же, что мы любим их так сильно, что нам надоело и опротивело видеть их вечно висящими на вашем небе, похитившем их у земли, как символы и никогда неосуществимые обещания! Мы не довольствуемся больше фикцией этих прекрасных вещей, мы хотим их в действительности.

А вот второй догмат нашей веры, славный учитель. Мы верим в возможность, в необходимость этого осуществления на земле; в то же время мы убеждены, что все эти вещи, которые вы обожаете, как небесные надежды, став человеческими и земными реальностями, необходимо потеряют свой мистический и божественный характер.

Назвав нас материалистами, вы думаете, что этим все сказано. Вам кажется, что вы нас окончательно осудили, раздавили. Но знаете, откуда у вас эти заблуждения? То, что вы и мы называем материей, две различные вещи, два совершенно различных понятия. Ваша материя вымышленное Существо, как ваш Бог, как ваш Сатана, как ваша бессмертная душа. Ваша материя, это низшая, косная грубость, явление невозможное, как невозможен чистый, бесплотный, абсолютный дух, и которое, как и последний существовало лишь в абстрактной фантазии теологов и метафизиков, этих единственных творцов как того, так и другого. История философии, раскрыла нам теперь способ, впрочем весьма простой, бессознательного создания этой фикции, происхождения этого рокового исторического заблуждения, которое впродолжение длинного ряда веков тяготело, как ужасный кошмар, над придавленным умом человеческих поколений.

Первые мыслители, которые неизбежно были теологами и метафизиками, так как ум человеческий устроен так, что он всегда начинает с массы глупостей, со лжи, заблуждения, чтобы придти к частице истины, что не очень то рекомендует святые традиции прошлого; первые мыслители, говоря я, взяли у всей суммы известных им реальных существ, включая, разумеется, и себя, все, что, казалось им, составляло силу, движение, жизнь, ум, и назвали это общим именем дух; всему остальному, бесформенной, безжизненной массе, которая должна была по их мнению оставаться после этой отвлеченной операции, бессознательно произведенной над действительным миром их собственным умом, они дали название материи. После этого они удивились, что эта материя, которая, так же как и этот дух, существовала

лишь в их воображении, столь бездейственна, столь глупа по сравнению с их Богом, чистым духом.

Что касается нас, мы откровенно сознаемся, что мы не знаем вашего Бога, но мы не знаем также и вашей материи; или, скорее, мы знаем, что как то, так и другое, одинаково не существуют и созданы а priori витающей в области абстрактного фантазией наивных мыслителей прошлых веков. Под этими словами материя и материальный мы подразумеваем всю сумму, всю лестницу действительных существ, начиная с самых простых органических тел и кончая строением и деятельностью мозга величайшего гения: самые возвышенные чувства, величайшие мысли, героические акты, акты самоотвержения, обязанности, как и права, добровольный отказ от своего блага, как и эгоизм, все включительно до трансцендентальных и мистических заблуждений Мадзини, также как и проявления органической жизни, химические свойства и действия, электричество, свет, теплота, естественное притяжение тел составляют на наш взгляд, отдельные, разумеется различные, но тесно связанные между собою, проявления действительного мира, который мы называем материей.

И заметьте, что мы не считаем этот действительный мир явлений какой то абсолютной и вечно творящей субстанцией, как это делают пантеисты, но вечной, постоянно меняющейся равнодействующей бесконечного ряда всякого рода действий и противодействий или непрерывного ряда трансформаций реальных существ, которые рождаются и умирают в его недрах.

Резюмирую сказанное, чтобы не затягивать этих метафизических рассуждений: мы называем материальным все, что есть, все, что происходит в действительном мире, как в человеке, так и вне его, и мы применяем слово идеальный исключительно к продуктам деятельности человеческого мозга; но так как наш мозг есть вполне материальное образование и что, следовательно, вся деятельность его также материальная, как и деятельность всех других материальных существ, вместе взятых, то отсюда следует что то, что мы называем материей или материальным миром, несколько не исключает, а, напротив, обнимает собою неминуемо и мир идеальный.

Есть факт, достойный, чтобы над ним подумали наши платонические противники; каким образом происходит, что обыкновенно теоретики материалисты обнаруживают себя

гораздо большими идеалистами на практике, чем они сами? В сущности, это вполне логично и естественно. Ведь, всякое развитие заключает в себе в некотором роде отрицание отправной точки; теоретики материалисты исходят из концепции материи, чтобы придти к чему? К идее. Тогда как идеалисты, беря за отправную точку чистую, абсолютную идею и постоянно повторяя старую басню о первородном грехе, которая есть лишь символическое выражение их печальной судьбы, вечно попадают в область материи, из которой им никак не удастся выкарабкаться, и какой материи? грубой, гнусной, глупой, созданной их собственным воображением, как *alter ego*, или как отражение их идеального я.

Точно также, материалисты, сообразуя всегда свои социальные теории с действительным ходом истории, рассматривают животную стадию, людоедство, рабство, как первые отправные пункты эволюции общества; но к чему они стремятся, чего хотят? Они хотят освобождения, полного человеческого общества; тогда как идеалисты, которые берут за основу своих абстрактных теорий бессмертную душу и свободу воли, неизбежно приходят к культу общественного порядка, как Тьер, и к культу власти, как Мадзини, т. е. к освящению и установлению вечного рабства. Отсюда ясно следует, что теоретический материализм имеет необходимым следствием практический идеализм, и, наоборот, идеалистические теории находят свое возможное существование лишь в самом грубом практическом материализме.

Вчера, на наших глазах, где были материалисты и атеисты? В Парижской Коммуне. А где были идеалисты, верующие в Бога? В Версальском Национальном Собрании. Чего хотели парижские революционеры? Они хотели окончательного освобождения человечества, посредством освобождения труда. А чего хочет теперь победоносное Версальское Собрание? Окончательного падения человечества под двойным игом духовной и светской власти. Материалисты, полные веры и презирающие страдания, опасность и смерть, хотят идти вперед, потому что они видят перед собой торжество человечества; а идеалисты, задыхаясь, не видя ничего перед собой, кроме кровавых призраков, хотят во что бы то ни стало опять толкнуть его в тину, откуда ему так трудно выбраться. Пусть сравнивают и судят!

Мадзини утверждает своим доктринерским, не терпящим возражений тоном, свойственным всем основателям новых религий, что материалисты не способны любить и посвящать

свою жизнь служению великим идеалам. Говоря это, он только доказывает, что, как последовательный идеалист и презирающий человечество во имя своего Бога, очень серьезно считая себя его пророком, он не имеет никакого понятия ни о человеческой природе ни об историческом развитии общества, и что, если он не совсем невежда в истории, то он ее понимает странным образом.

Он рассуждает, как все теологи. Если бы не было Бога творца, говорит он, мир со всеми своими удивительными законами не мог бы существовать или представлял бы лишь ужасный хаос, в котором все не управлялось бы божьим промыслом, а было бы предоставлено на волю судьбы и беспорядочному действию слепых сил. Не было бы никакой цели в жизни; все было бы только материальным, грубым и случайным. Ибо без Бога нет гармонии в физическом мире, и нет нравственного закона в человеческом обществе; а без нравственного закона нет долга, нет права, нет добровольной жертвы, нет любви, нет человечества, нет отечества, нет Рима и нет Италии; ибо, если Италия существует, как нация, то только потому, что она должна выполнить мировую миссию; а она могла получить эту миссию только от Бога, отеческая заботливость которого об этой царице наций дошла до того, что он своим собственным божественным перстом начертал ее границы, угаданные и описанные пророческим гением Данте.

В следующих статьях я постараюсь доказать против Мадзини:

1. Что если бы существовал Бог творец, не могло бы существовать мира;

2. Что если бы Бог был законодателем естественного мира,—который по нашему понятию заключает в себе весь мир в собственном смысле этого слова, как физический мир, так и мир человеческий и социальный,—то то, что мы называем естественными законами, как законы физические, так и социальные, тоже не могли бы существовать. Как все политические государства, управляемые сверху вниз самовластными законодателями, мир представлял бы тогда зрелище возмутительного хаоса. Он не мог бы существовать.

3. Что нравственный закон, существование которого мы, материалисты и атеисты, представляем себе более реально, чем это могут сделать идеалисты какой бы то ни было школы, мадзинисты или нео-мадзинисты, является действительно нравственным законом, законом, который дол-

жен восторжествовать над заговорами всех идеалистов мира, только потому что он вытекает из самой природы человеческого общества, действительные основы которой надо искать не в Боге, а в животном мире;

4. Что идея Бога, далеко не необходимая для установления этого закона, внесла в него лишь путаницу и извратила его;

5. Что все Боги, прошлые и настоящие, обязаны своим существованием человеческой фантазии, едва освободившейся от пелены своей первобытной животности; что вера в сверхестественный или божественный мир является лишь исторически неизбежным заблуждением в прошлых стадиях развития нашего ума, и что, употребляя выражение Прудона, люди, обманутые известного рода оптической иллюзией, всегда поклонялись в своих Богах только собственному образу, чудовищным образом преувеличенному;

6. Что божество после того, как оно воссело на свой небесный трон, сделалось бичем человечества, союзником всех тиранов, всех шарлатанов, всех мучителей и эксплуататоров народных масс;

7. Что, наконец, исчезновение божественных призраков, необходимое условие торжества человечества, будет одним из неизбежных последствий освобождения пролетариата.

Пока Мадзини довольствовался оскорблением учащейся молодежи, которая одна только в среде глубоко развращенной и так низко павшей современной буржуазии проявляет еще немного энтузиазма по отношению к великим идеям, истине и справедливости; пока он ограничивался нападками на немецких профессоров, на Молешоттов, Шиффов и других, которые совершают ужасное преступление, преподают истинную науку в итальянских университетах, и пока он забавлялся тем, что доносил на них итальянскому правительству, как на распространителей вредных идей в отечестве Галлея и Джордано Бруно, мы могли хранить молчание, диктуемое нам чувством уважения и жалости к нему. Молодежь достаточно энергична и профессора достаточно учены, чтобы самим защищаться.

Но теперь Мадзини переступил границы. По прежнему оставаясь добросовестным и попрежнему вдохновляемый своим идеализмом, фанатическим и искренним, он совершил два преступления, которые, на наш взгляд, на взгляд всей социалистической демократии Европы, непростительны.

В тот самый момент, когда геройское население Па-

рижа, самоотверженнее, чем когда либо, десятками тысяч, с женщинами и детьми, шло на смерть, защищая самое человеческое, самое справедливое, самое великое дело, когда либо происходившее в истории, дело освобождения трудящихся всего мира; когда ужасная коалиция всех гнусных столпов реакции, которые праздную теперь свою победную оргию в Версале, не довольствуясь массовыми избиениями и заключением в тюрьмы наших братьев и сестер Парижской Коммуны, выливает на них потоки грязи и клевет, какие могут возникнуть только в мозгу людей, потерявших всякий стыд. Мадзини, великий, чистый демократ Мадзини, отворачиваясь от пролетарского дела и помня только свою миссию пророка и жреца, тоже бросает против них оскорбления! Он осмеливается отрицать не только справедливость их дела, но и их геройское, величайшее самоотвержение, выставая их, пожервовавших собой для освобождения всего мира, грубыми существами, не знающими никаких нравственных законов и повинующихся лишь эгоистическим и диким порывам.

Не в первый раз Мадзини оскорбляет и клеветает на парижский народ. В 1848 г., после достопамятных июньских дней, которые открыли в Европе эру пролетарской борьбы и социалистического движения в собственном смысле слова, Мадзини выпустил гневный манифест, предающий проклятию и парижских рабочих и социализм. Против рабочих 1848 г., самоотверженных, геройских, как их сыновья 1871 г., и, как и эти последние, массами избиваемых, сажаемых в тюрьмы, ссылаемых на каторжные работы буржуазной республикой, Мадзини повторял все клеветы, пущенные в ход Ледрю-Ролленом и его друзьями, так называемыми красными республиканцами Франции, чтобы извинить в глазах мира и, может быть, своих собственных свое смешное и постыдное бессилие.

Мадзини проклинает социализм: как жрец или как делегат, посланный всевышним господом, он должен проклинать его, так как социализм, рассматриваемый с нравственной точки зрения, это уважение человека, приходящее на смену божественному культу; и рассматриваемый с научной практической точки зрения, провозглашение великого принципа, который, вошедши отныне в сознание народов, стал единственным отправным пунктом как исследований и развития позитивной науки, так и революционного движения пролетариата.

Этот принцип, во всей своей простоте, следующий:

„Как в мире, называемом материальном, неорганическая материя (механическая, физическая, химическая) есть определяющая основа органической материи (растительной, животной, умственной или мозговой), точно также и в мире социальном, который, впрочем, может рассматриваться лишь как последняя известная нам ступень развития материального мира, развитие экономических вопросов всегда было и продолжает еще быть определяющей основой всякого развития религиозного, философского, политического, и социального“.

Мы видим, что этот принцип приносит с собой ни более ни менее как самое смелое низвержение всех теорий, как научных так и нравственных, всех религиозных, метафизических, политических, и юридических идей, которые все вместе составляют верование всех идеалистов прошлых и настоящих. Это революция, в тысячу раз более грозная, чем революция, которая начиная с эпохи Возрождения и особенно с семнадцатого века, ниспровергла схоластические доктрины, этот оплот церкви, неограниченной монархии и феодального дворянства, чтобы заменить их метафизическим догматизмом так называемого чистого разума, столь благоприятного для господства последнего привилегированного класса, т. е. буржуазии.

Если низвержение схоластического варварства вызвало такое страшное волнение в свое время, то понятно, какой переполох должно вызвать в наши дни свержение доктринерского идеализма, этого последнего убежища всех привилегированных угнетателей и эксплуататоров человечества.

Эксплуататоры идеалистических верований чувствуют угрозу своим самым дорогим интересам, а бескорыстные, фанатические и искренние сторонники умирающего идеализма, как Мадзини, видят, что одним ударом уничтожается вся религия, вся иллюзия их жизни.

С самого начала своей деятельности Мадзини не переставал повторять пролетариату Италии и всей Европы следующие слова, которые резюмируют его религиозный и политический катехизис: „Будьте нравственными, поклоняйтесь Богу, примите нравственный закон, который я приношу вам его именем, помогите мне воздвигнуть республику, основанную на сочетании (невозможном) разума и веры, божественной власти и человеческой свободы, и вы бу-

дете иметь славу, могущество и, кроме того, благоденствие, свободу и равенство“.

Социализм говорит ему, наоборот, устами Интернационала:

„Что экономическое порабощение рабочего владельцем сырья и орудий производства есть источник рабства во всех его видах: социального, умственного и политического;—и

„Что поэтому экономическое освобождение рабочих классов есть великая цель, которой политическое движение должно быть подчинено, как простое средство“.

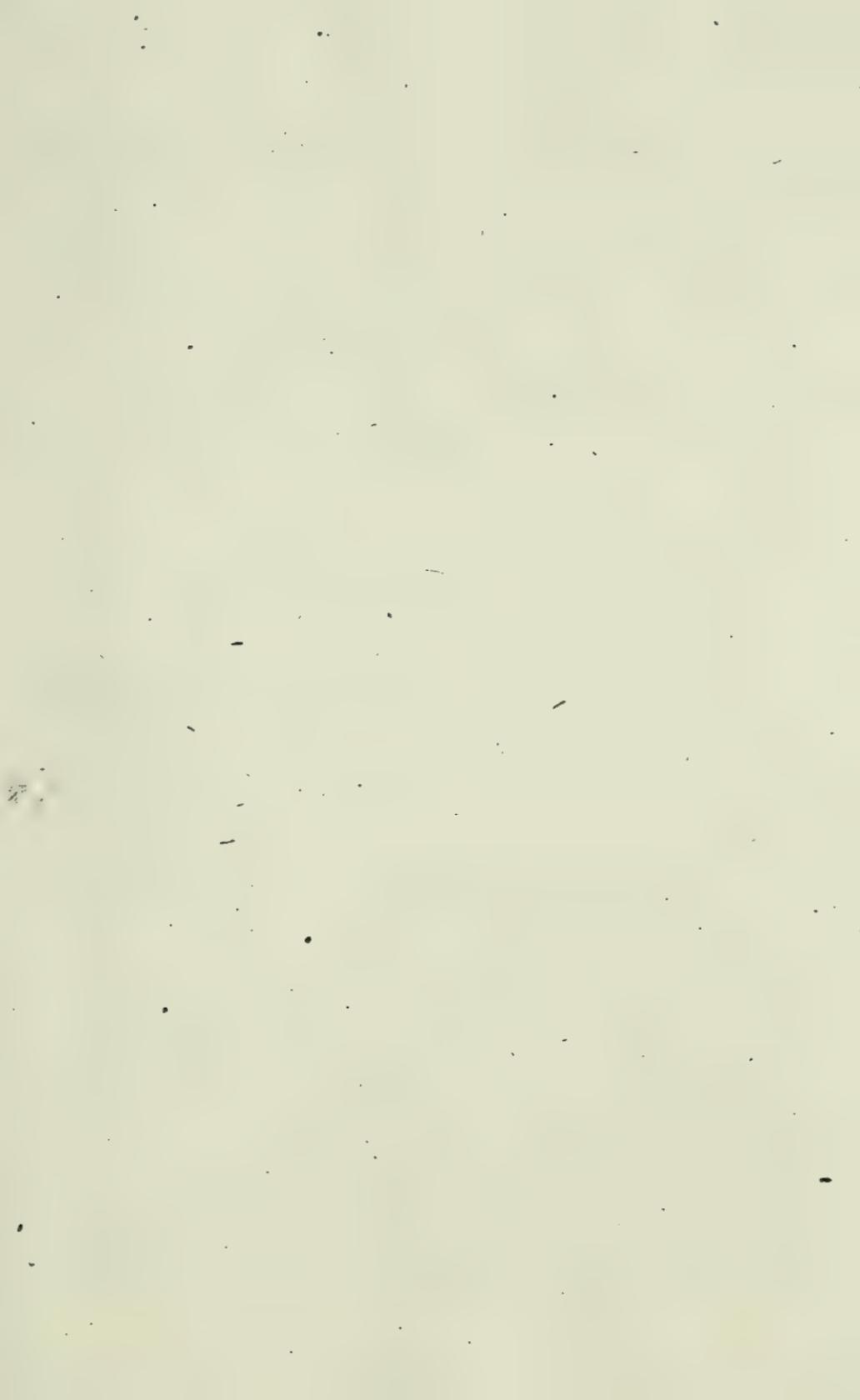
Такова в своей простоте основная мысль Международного Товарищества Рабочих.

Понятно, что Мадзини должен был его проклинать; и это второе преступление, в котором мы его упрекаем, признавая, впрочем, что в своем проклятии он повиновался своему внутреннему сознанию пророка и жреца.

Но отдавая справедливость его бесспорной искренности, мы должны отметить, что присовокупляя свои оскорбительные нападки к ругательствам и поношениям всех реакционеров Европы против наших несчастных братьев-героических защитников и мучеников Парижской Коммуны и свои проклятия к проклятиям Национального Собрания и папы против законных требований и международной организации рабочих всего мира, Мадзини окончательно порвал с революцией и занял место в международной реакции.

В следующих статьях, рассматривая одно за другим все его обвинения против нашего великого Товарищества Рабочих, я постараюсь показать всю нищету религиозных и политических доктрин пророка.

Письмо Бакунина Секции Женевского
Альянса.

Письмо Бакунина Секции Женевского Альянса.

6-го Августа 1871 г. Локарно.

Друзьям Секции Женевского Альянса.

Друзья и братья!

Наш друг Джемс пишет мне, что он послал вам письмо Робена (письмо, которое я прошу переслать мне как можно скорее, о чем, я полагаю, он писал вам), который извещает его, что ужасная гроза, давно подготавливаемая нашими гнусными женевскими врагами, совместно с авторитарными коммунистами Германии, собирается разразиться не только над Альянсом, но и над всей Юрской Федерацией, и что дело идет ни больше ни меньше, как об исключении этой Федерации, единственной представительницы духа Интернационала, из международного союза рабочих.

Совершенно справедливо встревоженный этим сообщением, друг Джемс, который одновременно с письмом послал вам акт Генерального Совета, признающий законность существования нашей Секции, дал вам совет воспользоваться этим новым заявлением Генерального Совета, чтобы произвести, как он выражается, ловкий маневр, который на мой взгляд был бы лишь проявлением слабости. Он советует вам добровольно распустить себя и потребовать за это великодушное самоубийство принятия в центральную секцию.

Он, вероятно, воображает, что весь спор между вами и вашими женевскими врагами идет из за организационного вопроса, тогда как на самом деле все принципы и все организации служат для них лишь предлогом для того чтобы

скрыть свою невероятную ненависть, честолюбие, свои личные интересы и тщеславие. Ваше заявление Федеральному комитету о роспуске вашей секции, разумеется, доставило бы им большое удовольствие и было бы принято ими, как публичное признание с вашей стороны своей мнимой ошибки и как порицание нашему принципу¹⁾, и на ваше заявление о желании войти в центральную Секцию неминуемо последовал бы, клянусь вам своей головой, следующий ответ: „Мы соглашаемся великодушно принять в нашу паству всех наших заблудших и раскаявшихся братьев из Альянса, за исключением Перрона, Бакунина и Сутерланда, которые были исключены из центральной Секции за различные проступки правильно установленным судом“. В случае нужды, чего я не думаю, они могли бы согласиться даровать нам амнистию,— они не сделают это, я в этом уверен, они слишком нас ненавидят для этого и слишком боятся нас,— но, предположим даже что они даруют нам амнистию, что касается меня, то я заявляю вам, что я не приму ее—их интриги и клеветы, направленные против нас, этот гнусный, смешной суд и вынесенный приговор о нашем исключении, это подлость, и я никогда не соглашусь поставить себя в положение получающего прощение, когда, наоборот, должен прощать я.

Я не согласен, что я должен принести жертву ради мира, ради блага Интернационала. Никогда не может полу-

¹⁾ Я держался, напротив той точки зрения, что Секция Альянса могла добровольно распустить себя, далеко не выражая этим „призвания“ или „порицания“, и что никто не усмотрел бы в этом поражения или отступления, так как Генеральный Совет был принужден публично признать правильность положения этой Секции. Порицание было Марксу, Энгельсу, и их агентам, которые осмелились утверждать в марте 1871 г., что никогда Секция Альянса не была принята Генеральным Советом; и как скоро это порицание было бы высказано и должным образом отмечено, Секции Альянса оставалось бы только исчезнуть, ее роль в Женеве была давно уже исчерпана. Мое мнение о бесполезности существования Секции Альянса было хорошо известно Бакунину, Перрону и Жуковскому. В письме к этому последнему от 4 июня 1870 г. я писал: „Нас спрашивают со всех сторон: Что же делает Жуковский, Перрон, Броссэ? Они не подают признака жизни; об Альянсе нет больше ни слуху ни духу (тем лучше!)“. Это вырвавшееся у меня тем лучше, вероятно, повторяли большинство членов Юрской Федерации, когда они узнали в августе 1871 г., что Секция Альянса, удовлетворившись тем, что Маркс „был уличен во лжи и что его поступок был достоверно установлен“ (Робен), удалилось с поля битвы и что о ней больше ничего не услышат.

чтятся блага из подлости. Мы не имеем права унижаться перед ними, потому что, унижаясь, мы унижаем наш принцип и, спасая внешность, ложь Интернационала, мы пожертвовали бы его истиной, его действительностью.

Я думаю, вообще, что не политикою трусливых уступок и христианского унижения, а только твердо отстаивая свое право, мы можем победить наших врагов для блага Интернационала. Наше право достаточно ясно. Мы терпели больше года всевозможные нападки, клеветы, интриги, не защищаясь и даже не отвечая на них. Нам же молчание было большой ошибкой, роспуск нашей Секции был бы постыдным самоубийством.

Вот план, который я предлагаю вам в противовес плану Гильома:

1. Пошлем оправдательную записку в федеральный комитет Сэнт-Имье, единственный, который мы можем признать,¹⁾ — я уже послал первую часть проекта записки Джемсу, на днях я пошлю ему конец; она очень длинная, но содержит в себе все элементы нашей защиты, и комунибудь, Жуку, Перрону или Джемсу, легко будет сделать из нее очень короткую записку; — и, установив фактами справедливость нашего дела, наше право, заявите, если вы найдете это нужным и решите это единогласно (хотя, право, я не вижу в этом никакой необходимости), заявите, что для блага Интернационала (что было бы всетаки неясно выраженным признанием, что вы были его злом) вы хотите распустить секцию, но не раньше, чем будут признаны, на съезде ли или на лондонской конференции, ваше право, несправедливость нападков, направленных против вас, и благородное величие вашего решения добровольно распустить себя.

2. Может ли и должна ли Юрская Федерация принести такую же жертву? Должна ли она также распустить себя, чтобы подчиниться деспотизму Женевского Федерального Комитета, склонить свое знамя перед Утиным, Перре, Бекером и компания? Мне кажется, что поставить этот вопрос, значит, решить его. Это все равно, что спросить: Нужно ли, под предлогом создать внешнее единство в Интернационале романской Швейцарии, пожертвовать его духом и убить единственное тело, построенное сообразно его духу?

¹⁾ Федеральный комитет юрских секций, находившийся в Шо-де-Фоне в первый год, был перенесен в Сэнт-Имье в мае 1871 г.

Я повторяю вам то, что я писал Гильому. Подобная жертва была бы лишней, совершенно ненужной подлостью.

Наконец, дорогие друзья, неужели вы действительно думаете, что Интернационал в Европе опустился так низко, что в нем нельзя больше жить, дышать и действовать как только благодаря целому ряду унижительных, но дипломатических поступков, подлости, интриг? Если бы было так, то Интернационал не стоил бы больше ни копейки, нужно было бы его распустить, как учреждение буржуазное или пропитанное буржуазным духом. Но не будем наносить ему такого оскорбления. Не он сделался плохим, а мы стали трусливыми и слабыми. Запершись в сознании своего права, мы молчали, как осторожные мученики, тогда как надо было вывести на свежую воду наших клеветников и ответить им как следует на все их нападки.*) Мы не сделали этого, потому что внутри нас не было единства, и в критический момент каждый как бы хотел выпутаться из неприятного дела и удалиться в свой шатер, как Ахиллес. Я не хочу никого задеть в данном случае, я только описываю, как обстояло дело. И враги прекрасно воспользовались нашими раздорами и нашим молчанием. То же самое было и с Юрской Федерацией, не потому чтобы в ней были раздоры, — к счастью она была и остается дружной и спаянной, как одна семья, — но потому что она имела несчастье избрать политику Господа Нашего Иисуса Христа, политику терпения, добровольного унижения и прощения обид. И что же, тронуло это наших врагов? Нисколько. Они только воспользовались этим, чтобы еще больше оклеветать нас и облить грязью. Это доказывает, что надо покончить с христианской политикой, с политикой кретингов! Что же надо делать? Одно только: возобновить открыто нашу борьбу. Не бойтесь убить этим Интернационал. Если чтонибудь может его убить, так это именно дипломатия и интриги, это закулисная борьба, которая составляет теперь всю тактику наших врагов, не только женевских, но и лондонских также. Открытая борьба вернет Интернационалу жизнь и силу, тем более что открытая борьба не может быть борьбой личностей, она необходимо станет воликой борьбой двух принципов: принципа

*) Бакунин говорит здесь лишь о том, что произошло в Женеве, о странном поведении членов Альянса, Бросса, Перрона и Жуковского, которые упорно молчали после раскола 1870 г.

авторитарного коммунизма и принципа революционного социализма.

Я предлагаю, стало быть, чтобы федеральный комитет в Сэнт-Имье, получив вашу Записку, составил в свою очередь тоже записку, в которой он, рассказав все факты, происшедшие на с'езде в Шо-де-Фоне и после него, докажет победоносно право Юрской Федерации.

а) Записку эту нужно адресовать в Лондон и послать копии в Бельгию, Италию, Испанию, Францию,—или, скорее, французской эмиграции,— и также в Германию;

б) Федеральный Комитет в Сэнт-Имье должен обратиться к бельгийскому Интернационалу и просить его взять на себя роль арбитра в этом споре;

в) Наконец, так как в Лондоне исподтишка собирается конференция, нечто в роде анонимного с'езда, и в миниатюре, необходимо чтобы Юрская Федерация непременно послала туда своего делегата, и этим делегатом, по моему, должен быть никто иной, как Джемс Гильом.¹⁾ Сколько это может стоить? Четыреста франков? Я постараюсь достать, по крайней мере, двести франков. Я уже написал об этом нашим итальянским и русским друзьям. Вы тоже сможете собрать скольконибудь. Но мне кажется необходимым, чтобы Гильом поехал. Он поедет через Брюссель, где он предварительно повидается с бельгийцами. Я убежден, дорогие друзья, что если Гильом явится в Лондоне, он одержит блестящую победу в пользу нашей Юрской организации, также как и Алльянса. Наши враги будут буквально раздавлены, ибо справедливость на нашей стороне, и их интриги зловредны только во тьме, а не при большом свете.

Наконец, еще одно последнее слово: перестанем стыдиться самих себя, своего права, своего принципа; не будем иметь вид, что мы просим извинить нас за то, что мы существуем; не будем больше делать подлости под пред-

¹⁾ Я категорически отказался принять на себя подобную миссию. Я предчувствовал, что в Лондоне я оказался бы перед лицом предубежденного большинства, твердо решившего оставаться глухим ко всякой защите; мое положение, как представителя Секций Юрской Федерации, было бы положением обвиняемого, явившегося перед судьями, которых он считает компетентными и принимает их приговор. Так как мы заранее были осуждены, то не лучше ли было, чтобы не могли воспользоваться тем обстоятельством, что адвокат нашего дела выступил с подобием напрасной защиты, а чтобы, наоборот, было бы хорошо известно, что нас осудили, не выслушав?

логом спасения единства в Интернационале; не будем убивать душу этого последнего под предлогом поддержать жизнь его тела. Не будем искать своей силы в ловкости и дипломатии, где мы всегда будем наиболее слабыми, потому что мы не мошенники. Будем бороться и победим во имя нашего принципа.

Ваш друг и брат

М. Бакунин.

Доклад об Алльянсе.

Доклад об Алльянсе.

Первой была следующая причина:*) наиболее влиятельные члены, вожаки или вожди Секций фабричных рабочих, относились к нашей пропаганде и нашей новой организации, одни равнодушно, другие даже с некоторой благосклонностью, пока они смотрели на Алльянс как на некоторого рода академию, в которой должны были дебатироваться чисто теоретические вопросы. Но когда они увидели, что группа Алльянса, не намереваясь терять попустому время на теоретические разговоры, поставила себе главной целью изучение принципов и организации Интернационала, в котором, по ее мнению, заключалась вся практика социализма; и в особенности, когда они увидели, что Алльянс, оказывая совершенно исключительное влияние на строительных рабочих, старался дать им идею иной организации, чем они имели до сего времени, организации, всецело основанной на принципах Интернационала, проникнутой всецело его духом и неизбежно сделавшей бы их более проникательными и независимыми, во-первых по отношению к своим комитетам, которые все больше и больше начинали проявлять чрезмерную властность, затем по отношению к главарям фабрики, которые, не довольствуясь образованием внутри этой последней некоторого рода правительственной партии, упорно старались распространить свое господство на секции строительных рабочих, посредством комитетов этих секций, тогда они начали подозрительно относиться к столь законной и к тому же совершенно открытой деятельности группы Алльянса.

*) Речь идет как будет видно ниже, о причинах вызвавших враждебность Секций Фабрики и главарей комитетов по отношению к Секции Алльянса.

Вся деятельность Алльянса сводилась к следующему: он давал широким массам строительных рабочих способ определить и понять свои инстинкты, оформить их и выразить словами. В клубе* и на общих собраниях Интернационала это стало невозможным, благодаря организованному преобладанию на всех этих собраниях рабочих Фабрики. Клуб мало по малу превратился в исключительно женевское учреждение, управляемое и администрируемое только женеvцами, и на строительных рабочих, большей частью иностранцев, смотрели в нем, как на иностранцев, и они сами стали смотреть на себя, как на таковых. Часто, слишком часто, женевские граждане из Фабричной Секции говорили им: „Мы здесь у себя дома, и вы только наши гости“. Женевский дух, дух буржуазного радикализма чрезвычайно узкий, как мы знаем, окончательно восторжествовал в нем; не было больше места ни для идев Интернационала ни для международного братства. Отсюда произошло то, что, мало по малу, строительные рабочие, которым надоело это подчиненное положение, перестали совсем ходить в Клуб, который теперь стал, действительно, исключительно женевским учреждением.

На общих собраниях глубокое и серьезное обсуждение принципов Интернационала было невозможно. Прежде всего, в это время эти собрания были редки и созывались только по поводу специальных вопросов, главным образом когда нужно было обсудить вопрос о стачке. Обе тенденции, которые разделяли тогда на два лагеря Женевский Интернационал, буржуазный социализм и радикализм, представляемые Фабрикой, и революционный социализм, поддерживаемый верным инстинктом строительных рабочих, разумеется, были представлены и боролись между собой на каждом общем собрании, и, нужно сказать, что чаще всего этот последний одерживал верх, благодаря большинству строительных рабочих, которых поддерживало небольшое меньшинство фабричных рабочих. Поэтому главари Фабрики всегда сильно недолгоблывали общие собрания, которые иногда в один или два часа расстраивали их замыслы, подготовляемые ими целыми неделями при помощи различных интриг. Они старались, стало быть, всегда заменить общие, народные,

*) Международный Клуб, общий локал для всех Секций Интернационала в Женеве.

открытые собрания тайными собраниями комитетов, которые им удалось совершенно подчинить себе.

На общих собраниях рабочая масса молчала. На трибуне появлялись всегда одни и те же ораторы обеих противоположных партий и повторяли более или менее стереотипные речи. Слегка задевались все вопросы, выдвигалась более или менее удачно их сентиментальная, драматическая сторона, но глубокий действительный смысл их оставался всегда нетронутым. Это был фейерверк, который вспыхивал иногда, но никогда никого не согревал, никому не светил, всегда погружая, наоборот, народ в еще более глубокую тьму.

Оставались заседания Центральной Секции, огромной секции в начале, в которой строительные рабочие, бывшие первыми основателями этой секции, были в одинаковом количестве с другими, если не в большинстве, и которая была чем то вроде народного собрания, организованного в секцию пропаганды. Эта секция в самом деле должна бы была стать тем, чем предполагала сделаться секция Алльянса, и если бы она действительно выполнила свою миссию, секция Алльянса не имела бы, разумеется, никакого права на существование.

Вы знаете, что Центральная Секция была первой и в начале единственной секцией, основоположницей Интернационала в Женеве. Большую часть ее составляли строительные рабочие, без различия профессий; очень небольшое число фабричных рабочих примкнули к ней индивидуально; так что в продолжение очень долгого времени в ней господствовал инстинктивный социализм строительных рабочих. В ней замечалось большое единение; братство еще не сделалось в ней пустым словом; оно было действительностью. Чуждая политических расчетов и борьбы женевских граждан—радикалов и консерваторов, секция эта была воодушевлена действительно международным духом.

После крупной стачки строительных рабочих весной 1868 г., кончившейся блестящей победой, благодаря великодушной и энергичной поддержке фабричных рабочих, женевских граждан, эти последние массой вошли в Центральную Секцию и внесли туда, разумеется свой женевский буржуазно-радикальный политический дух.

Женевцы были сначала в меньшинстве в Центральной Секции; но они были организованы, тогда как строительные

рабочие были совершенно неорганизованы. Кроме того, женеvские рабочие привыкли выступать публично, имели опыт политической борьбы, привычка и опыт, которым строительные рабочие могли противопоставить только глубокую истину своих социалистических и революционных инстинктов. Последние, вдобавок, парализованы были в борьбе признательностью, по отношению к рабочим гражданам женеvской фабрики за решительную помощь, какую те оказали им во время их стачки.

Словом, на заседаниях Центральной Секции, которые устраивались, впрочем, один только раз в месяц, обе партии, как и на общих собраниях, уравнивали друг друга в продолжение некоторого времени. Истом, по мере того как образовывались цеховые секции, строительные рабочие, слишком бедные, чтобы платить два взноса, в свою цеховую секцию и в Центральную Секцию, мало по малу выпли из последней, и Центральная Секция стремилась явно стать тем, чем она стала вполне в настоящий момент: Секцией объединенных цехов фабричных рабочих, секцией, состоящей исключительно из женеvских граждан. Это слишком хорошо видно по тому духу, который господствует в ней в настоящий момент.

Для серьезной пропаганды принципов Интернационала и взаимного ознакомления и столь необходимой группировки характеров и серьезных и честных желаний, строительным рабочим оставались только их цеховые секции. Но эти последние тоже собирались только один раз в месяц, и собирались они всегда только для ежемесячных денежных отчетов или для избирания комитетов. На этих собраниях не может быть места для обсуждения принципов; и, что еще хуже, мало по малу цеховые секции привыкли ограничивать свою роль и деятельность простым контролем расходов, оставляя все остальное на попечение комитетов, которые превратились в некоторого рода постоянные и всемогущие учреждения; естественным результатом этого было прекращение всякого значения секций в пользу этих комитетов.

Комитеты, состоящие почти всегда из одних и тех же лиц, стали смотреть на себя, как на коллективные диктатуры Интернационала, решая все вопросы, за исключением денежных, не давая даже себе труда опрашивать свои секции; и так как заседания их происходили при закрытых дверях, то, объединившись между собою под доминирующим влиянием комитетов Фабрики, они образовали невидимое,

тайное, почти безответственное правительство всего Женевского Интернационала.

Деятельность этого правительства, которое руководилось Женевскими интересами, могла идти лишь вразрез с самой целью и со всеми принципами Интернационала.

Группа Алльянса намеревалась бороться с этим положением вещей, которое должно было привести к тому, — мы это слишком хорошо видим теперь, — чтобы сделать из Интернационала политическое орудие буржуазного радикализма в Женеве. Для достижения этой цели группа Алльянса никогда не прибегала к интригам, в чем Женевские интриганы осмелились ее потом обвинять. Вся ее интрига состояла в самой большой известности и в публичном обсуждении принципов Интернационала. Собираясь раз в неделю, группа приглашала всех на эти дискуссии, стараясь заставить говорить именно тех, которые на общих собраниях и на заседаниях Центральной Секции всегда молчали. Было взято за правило, что на этих собраниях не будут произноситься речи, но будут происходить собеседования.

Все, члены группы и не члены, могли брать слово. Эти уравниательные обычаи не нравились большинству рабочих Фабрики, так что, посещая вначале эти собрания в большом числе, они мало по малу перестали на них ходить; таким образом, фактически, секция Алльянса сделалась секцией строительных рабочих всех цехов. Она дала им средство, разумеется к великому неудовольствию Фабрики, формулировать свою мысль и сказать свое слово. Она сделала больше того, она дала им средство узнать друг друга, так что в короткий промежуток времени секция Алльянса представляла небольшую группу убежденных и действительно объединенных между собою рабочих.

Вторая причина сначала недовольства, а потом ярко выраженной антипатии главарей Фабрики по отношению к Секции Алльянса была следующая: Алльянс в своей программе, а также и во всех дальнейших дополнениях к этой программе решительно высказывался против неестественного союза революционного социализма пролетариата с буржуазным радикализмом. Основным принципом его было уничтожение государства со всеми его последствиями, политическими и юридическими. Это совершенно не входило в расчеты господ буржуа — радикалов Женевы, которые, потерпевши фиаско на выборах в ноябре 1868 г., сейчас же задумали сделать из Интернационала орудие своей борьбы и

победы; это не входило также в расчеты некоторых главарей женевской Фабрики, которые стремились ни больше ни меньше, как попасть в правительство при помощи Интернационала.

Таковы были две главные причины ненависти главарей женевской Фабрики к Секции Алльянса. Но обе эти причины, также как и вызванная ими ненависть, проявились в полной силе только позднее, начиная с июня 1869 г.

Возвращаясь к тому, что было сказано мною выше, я перечислю вкратце те услуги, какие группа Алльянса оказала делу социализма в продолжении зимы 1868—1869 г., как в Женеве, так и в других странах.

Начнем с других стран. Это члены Алльянса основали первые секции Интернационала в двух больших странах, в которых это Сообщество было совершенно неизвестно до того времени: Гамбуци — в Неаполе и его окрестностях, Фриша — в Сицилии, Фанелли — в Мадриде и Барселоне. Программа Алльянса была принята в Лионе, Марселе, Париже. И заметьте, все эти товарищи, далеко не желая организовать секции, стоящие обособленно, враждебные или даже только чуждые Интернационалу, строго повиновались статутам Интернационала и, в интересах организации рабочих сил, они всюду наказывали, больше чем это требовали эти статуты, самое строгое подчинение новых секций центральному руководству Генерального Совета, заседающего в Лондоне.

Под прямым влиянием принципов Алльянса, в Женеве было сказано первое откровенно социалистическое революционное слово. Я говорю об Адресе Женевского Центрального Комитета рабочим Испании, Адресе, редактированном Перроном и подписанном Броссэ, председателем, и Перрэ, секретарем Центрального Комитета.

Под влиянием тех же принципов и тех же тенденций, несмотря на упорные интриги главарей женевской Фабрики, Броссэ, трибун строительных рабочих и ненавистный человек для Фабрики, был избран председателем Федерального Комитета, учрежденного на романском с'езде в Женеве в январе 1869 г., и большинство этого комитета состояло из рабочих не женевцев.

Под тем же влиянием было освящено название, установлена и принята программа новой газеты *Egalité*,*) пер-

*) *Равенство*. Перев.

вого органа революционного социализма в романской Швейцарии, и позднее изменилась также программа газеты *Progrès*, издававшейся в Локле.

Словом, можно сказать без всякого преувеличения, что Альянс, именно своей непосредственной деятельностью, выставил впервые откровенно революционно-социалистическую программу и вырыл пропасть между пролетариатом и буржуазией в Женеве, пропасть, которую никогда не удастся больше заполнить всем интриганам Интернационала.

Я должен сказать теперь несколько слов об официальном существовании Альянса.

Эта группа, которая уже в ноябре 1868 г. насчитывала в своей среде гораздо больше ста членов, не могла окончательно сконструироваться, до принятия ее, как ветви или как секции Интернационала, Генеральным Советом этого Сообщества. Об этом принятии должно было, разумеется, хлопотать Центральное Бюро Альянса*). Гражданину Ж. Филипу Беккеру, члену этого Бюро и личному и более или менее влиятельному другу членов Генерального Совета, было поручено единогласно другими членами Бюро (Броссэ, Бакуниным, Перроном, Гета, Дювалем и секретарем Загорским) написать в Лондон. Он принял на себя эту миссию, уверенный, говорил он, в успехе и прибавив, что Генеральный Совет, который не имел права нам отказать, несомненно поймет, после разъяснений, которые он собирался ему дать, огромную пользу Альянса.

Мы положились, стало быть, все вполне на обещание и уверение Ф. Беккера, доверяя слову человека, которого мы все считали одним из ветеранов социализма. Мы знали его тогда очень мало; я совсем его не знал. Опыт не показал нам еще тогда, что этот человек, прежде всего дипломат, соединял в себе огромную силу слова с не менее большим непостоянством характера; что он всегда остается очень доволен, когда его друзья компрометируют себя, но

*) Временное „Центральное Бюро“ Альянса Социальной Демократии должно было служить связью между группами этой международной организации и вести переписку с национальными бюро, которые должны были сконструироваться в различных странах. Члены основатели Альянса решили, что Центральное Бюро будет находиться в Женеве и состоять из семи членов, назначенных ими,—читатель увидит в тексте их имена. Эти семь членов все были в то же время членами Интернационала и делились по национальностям таким образом: три француза, один женевец, один немец, один поляк и один русский.
Дж. Г.

очень остерегается компрометировать себя самого и что, толкая других вперед, он всегда оставляет для себя возможность отступления. Факт тот, что вопреки всем своим обещаниям, он ничего не написал в Лондон или написал совсем не то, что говорил нам.*)

В то время как имели место эти переговоры с Лондоном, или, полагалось, что имели место,—так как никто из нас никогда не читал переписки Беккера,**)—другие члены этой группы, а именно Ш. Перрон и наш теперешний большой враг Анри Перре, взялись потребовать от Женевского Центрального Комитета принять нас, как секцию, в Женевскую федерацию. Не имея сейчас под рукой всех своих бумаг, я не могу сказать в точности, в каком месяце это первое требование было представлено Центральному Комитету, в ноябре или в декабре. Когда оно было представлено, Центральный Комитет не был в достаточном составе, по крайней мере две трети его членов отсутствовали. Не было ничего решено, или, скорее, решено было отложить это решение, дожидаясь съезда романских секций, который должен был состояться в Женеве в первых числах января для окончательного учреждения Федерации Романских Секций.

*) Бакунин, вероятно, ошибается в своем предположении, что Беккер ничего не написал в Лондон или написал совсем не то, что говорил Центральному Бюро Альянса. Повидимому, Беккер в первое время действительно „увлекся“ Альянсом; Маркс, в своем конфиденциальном *Mittheilung*, адресованном им в марте 1870 г. своим немецким друзьям (и которого Бакунин не знал), упрекает его в этом и говорит о нем, что он вначале был одурачен Бакуниным; он пишет говоря о первых шагах Альянса в Женеве: „Были выдвинуты Ж.-Ф. Беккер, который, благодаря своему пропагандистскому рвению, иногда теряет голову“ Дж. Г.

**) Бакунин сам также вступил в переговоры с Лондоном. Маркс, познакомившись с программой Альянса, написал по этому поводу, во второй половине декабря, молодому русскому социалисту Александру Серно-Соловьевичу, в Женеву, указывая на неправильное выражение *уравнение классов*, которое употреблялось в программе. Серно сообщил письмо Маркса Бакунину, и тот сейчас же написал Марксу следующее письмо (по французски) которое, было напечатано в *Neue Zeit* от 6 октября 1900 г.

„Женева, 22 декабря 1868 г.

„Мой старый друг Серно сообщил мне ту часть твоего письма, которая касается меня. Ты спрашиваешь его, продолжаю ли я быть твоим другом. Больше, чем когда либо, дорогой Маркс, потому что лучше, чем когда либо, я понимаю теперь, насколько ты был прав, следуя и приглашая нас всех следовать по великому пути экономической революции и порицая тех из нас, которые уносились в область националь-

И действительно, женевская группа Алльянса возобновила в январе свое требование и ждала решения Центрального комитета, когда Центральное Бюро Алльянса получило, сначала от своих итальянских друзей, а затем непосредственно следующий акт, *)содержащий резолюции Лондонского Генерального Совета, относительно Алльянса (оправдательный Документ № 5):

ных или исключительно политических предприятий. Я делаю теперь то, что ты начал делать больше двадцати лет тому назад. После моего торжественного и публичного прощанья с буржуа Бернского съезда я не знаю больше другого общества, другой среды, кроме рабочих. Мое общество теперь Интернационал, одним из главных основателей которого являешься ты. Ты видишь, дорогой друг, что я твой ученик, и я горжусь этим. Вот все, что необходимо было сказать, чтобы объяснить тебе мои личные отношения и чувства*.

Бакунин объясняется затем по поводу выражения *уравнение классов и личностей*; он сообщает, что выслал речи, произнесенные им в Берне, и говорит о своем расхождении с Герценом, которое началось с 1863 г., потом он продолжает:

„Посылаю тебе также программу Алльянса, который мы основали вместе с Беккером и многими итальянскими, польскими и французскими друзьями. На этот счет у вас будет многое, что сказать друг другу. Скоро я вышлю тебе копию большого письма, которое я пишу об этом другу Цезарю Де Папу...

„Кланяйся от меня Энгельсу, если он не умер во второй раз,— ты знаешь, что его уже раз похоронили. Прошу тебя дать ему один экземпляр моих речей, также Эккарнису и Югу.

„Преданный тебе

„Бакунин.

„Прошу тебя передать привет г-же Маркс.“

*) Этого акта нет в рукописи Бакунина, вместо него в скобках написано, *оправдательный Документ № 5*. (обозначение „№ 5“ показывает вам, что в первых утерянных страницах рукописи были уже ссылки на четыре других оправдательных документа). Документ этот был напечатан в *Мемуаре Юрской Федерации*, а также приведен Марксом в брошюре: *Так называемый раскол в Интернационале, циркуляр Генерального Совета* (5 го марта 1872 г.). Мы приводим его в тексте.— Эти резолюции были „конфиденциально“ сообщены Центральным Советам (Интернационала) различных стран“ (письмо Маркса Герману Югу от 28 декабря 1868 г.) Таким образом одна копия этих резолюций была послана в Неаполь Карлу Гамбуцци, 20 января 1869 г., Евгением Дюпоном, членом Лондонского Генерального Совета, который на брюссельском съезде 1868г. был представителем от рабочих организаций Неаполя. Эта копия, и была сообщена из Неаполя Бакунину и была получена им раньше, чем решение Генерального Совета было официально объявлено Центральному Бюро Алльянса; она была найдена Максом Нетлау и напечатана им в Биографии Бакунина Дж. Г.

„Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих Международному Альянсу Социальной Демократии.

„Около месяца тому назад несколько граждан составили в Женеве инициативный Комитет нового Международного Общества, называемого Международным Альянсом Социальной Демократии, избрав себе специальной миссией изучение политических и философских вопросов на основе великого принципа равенства“ и т. д.

„Напечатанные программы и устав этого инициативного Комитета были сообщены Генеральному Совету Международного Товарищества Рабочих только 15 декабря 1868 г. По этим документам названный Альянс „всецело сливается с Интернационалом“, в то время как он целиком основан вне этого сообщества. Рядом с Генеральным Советом Интернационала, избранным целым рядом следовавших один за другим съездами, в Женеве, Лозанне и Брюсселе, будет, по уставу инициативного Комитета, другой Генеральный Совет в Женеве, который сам назначил себя. Рядом с местными группами Интернационала будут местные группы Альянса, которые, через посредство своих национальных бюро, функционирующих вне национальных бюро Интернационала, „потребуют от Центрального Бюро Альянса принятия их в Интернационал“. Центральный Комитет Альянса присваивает, таким образом, себе право принятия в Интернационал. Наконец, общие съезды Международного Товарищества Рабочих будут сопровождаться общими съездами Альянса, ибо, говорится в уставе инициативного Комитета, на ежегодных съездах рабочих делегация Международного Альянса Социальной Демократии, как ветвь Международного Товарищества Рабочих, „будет иметь свои открытые заседания в отдельном помещении.“

„Принимая во внимание:

„Что присутствие второго Международного органа, функционирующего внутри и вне Международного Товарищества Рабочих, будет самым верным способом дезорганизовать его;

„Что всякая другая группа лиц, пребывающих в какойнибудь местности, будет иметь право подражать женевской инициативной группе и, под более или менее благовидным предлогом, вводить в Международное Товарищество

Рабочих другие Международные Сообщества с другими специальными миссиями;

„Что, таким образом, Международное Товарищество Рабочих сделается скоро игрушкой в руках интриганов всех национальностей и всяких партий;

„Что к тому же статуты Международного Товарищества Рабочих признают только местные отделения и национальные (см. параграфы I-й и VI статутот);

„Что секциям Международного Товарищества Рабочих запрещено вырабатывать себе статуты и административные правила, противные общим статутам и административным правилам Международного Товарищества Рабочих (см. параграф 12-й административных правил);

„Что статуты и административные правила Международного Товарищества Рабочих могут быть пересмотрены только общим с'ездом, на котором две трети присутствующих делегатов будут голосовать за этот пересмотр (см. параграф 13-й административных правил);

„Что вопрос был предрешен резолюциями против Лиги Мира, принятыми единогласно на общем с'езде в Брюсселе*);

„Что в этих резолюциях с'езд заявляет, что Лига Мира не имела никакого права на существование, так как по последним декларациям ее цель и принципы ее были тождественны с целью и принципами Международного Товарищества Рабочих;

„Что некоторые члены инициативной группы, в качестве делегатов на брюссельском с'езде, голосовали за эти резолюции**);

*) Эти резолюции, впрочем вполне логичные, не были приняты единогласно: три делегата, Цезарь Де Пац, Шарль Перрон и Адольф Каталан, голосовали против; и другие делегаты, отсутствовавшие в момент голосования, далеко не думали, в тот момент, что существование Лиги Мира было лишне. Кроме того, члены второй парижской комиссии Интернационала, содержащиеся в тюрьме, приговоренные на три месяца, сочли нужным протестовать против „предложения распустить себя, с которым обратились к Лиге Мира члены Брюссельского с'езда“, и послали членам Бернского с'езда адрес с протестом. Дж. Г.

**) Насколько я знаю, только один из тех, кто фигурирует среди членов „инициативной группы“, голосовал за резолюцию брюссельского с'езда; это был Ж.—Ф. Беккер. Но после того, как меньшинство делегатов Бернского с'езда выступило из Лиги чтобы основать Альянс, Беккер нашел, что эта новая организация, примыкающая к Интернационалу, имела право на существование. Дж. Г.

„Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих на своем заседании 22 декабря 1868 г. единогласно решил:

„1. Все статьи устава Международного Альянса Социальной Демократии, тракующие об его отношениях к Международному Товариществу Рабочих, объявлены недействительными;

2. Международный Альянс Социальной Демократии не принят, как ветвь Международного Товарищества Рабочих.

„Генеральный секретарь *В. Шоу*,
Председатель заседания *Г. Оджер*.

„Лондон, 22 декабря 1868 г.“

Познакомившись с этим, актом, мы были, разумеется, вынуждены взять обратно наше требование от Женевского Центрального Комитета. Исключенные Генеральным Советом, мы должны были сначала постараться заставить его принять нас.

Когда был прочтен этот акт в Бюро Альянса, никто так горячо не протестовал, как пылкий старик Ж.—Филипп Беккер. Он объявил нам прежде всего, что эти резолюции были совершенно незаконны, противоречили духу и букве статута Интернационала, прибавив, что мы имели право и обязаны были не обращать внимания на этот акт, и обзывал Генеральный Совет дураками, которые, не умея сами ничего делать, хотели только помешать другим делать чтонибудь.

Два члена, которые упорно поддерживали против него необходимость сговориться с Генеральным Советом, были Перрон и Бакунин. Оба они признавали, что протест Генерального Совета против устава Альянса был совершенно правилен, так как по этому уставу Альянс должен был образовать внутри Международного Товарищества Рабочих новое международное сообщество, независимое от первого.***) Заметьте, что в этих резолюциях, единственно какие Генеральный Совет до сих пор признал и огласил против Альянса, он нападает только против устава. В них нет речи о программе, которая, впрочем, была полностью воспроизведена позднее в статутах Секции Альянса, единогласно одобренными Генеральным Советом.

*) Уже в то время, когда члены меньшинства бернского съезда выступили из Лиги Мира, Бакунин выразил то же самое мнение: „Фрав-

После долгих дебатов единогласно было решено, что от имени всех Перрон войдет в сношения с лондонским Генеральным Советом.

После этого решения Ш. Перрон написал, не то гражданину Эккарнусу, не то гражданину Юнгу, письмо, в котором, изложив откровенно положение и истинную цель Алльянса и рассказав что члены Алльянса уже сделали для рабочего дела в Италии, Франции, Испании, также как и в Женеве, он просил сделать, от имени центрального Бюро, лондонскому Генеральному Совету следующее предложение: Алльянс распустил себя, как международную организацию, его центральное Бюро, являющееся представителем этой международной, связи прекратит свое существование: захочет ли тогда Генеральный Совет признать секции, основанные членами Алльянса в Швейцарии, Испании, Италии, и Франции, с программой Алльянса, как регулярные секции Интернационала, сохраняющие отныне только общую программу, но отказывающиеся от всякой другой солидарности и международной организации, кроме тех, какие они найдут в великом Товариществе Рабочих? на этих условиях Бюро обещало употребить все усилия, чтобы убедить секции Алльянса, уже учрежденные в различных странах, отказаться от того, что в их конструкции было противно статутам Интернационала.*)

кузы и итальянцы... хотели, чтобы Алльянс организовался совершенно независимо от Международного Товарищества Рабочих, довольствуясь тем, чтобы члены его индивидуально были членами этого Сообщества. Бакунин воспротивился этому по той причине, что эта новая международная организация оказалась бы в некотором роде соперницей, ничуть нежелательной, по отношению к организации рабочих. Эти споры кончились тем, что было решено основать сообщество под названием Международного Алльянса Социальной Демократии и объявить его составной частью Интернационала, программа которого была признана обязательной для каждого члена Алльянса" (*Историческое развитие Интернационала, глава „Международный Союз революционных социалистов.“*) Так как Генеральный Совет Интернационала тем не менее нашел, что в том виде, в каком он сконструировался, с специальным центральным бюро и особой международной организацией, Алльянс не мог входить в Международное Товарищество Рабочих, то нет ничего удивительного, что Бакунин, согласно своему желанию избегать всего, что могло бы дать Алльянсу видимость „соперницы, ничуть не желательной, организации рабочих“, заявил, что нужно было изменить устав Алльянса, согласно замечаниям Генерального Совета. Дж. Г.

*) Черновик письма Перрона был найден в Женеве Максом Нетлау, который напечатал его в своей биографии Бакунина. Вот текст письма:

И действительно, не теряя времени, Центральное Бюро написало в этом смысле всем секциям Алльянса, советуя им признать справедливость резолюции Генерального Совета.

„Женева, 26 февраля 1869 г.

„Центральное Бюро Международного Алльянса Социальной Демократии Генеральному Совету Международного Товарищества Рабочих.

„Граждане,

„Мы получили в свое время письмо, которое вы послали нам 28 декабря 1868 г.

„Мы не будем разбирать толкование, какое вы сочли нужными дать статутам, толкование, которое,—полагаем, ненамеренно,—ошибочно во многих пунктах. Приступим прямо к делу.

„Мы не ответили вам раньше, потому что мы должны были прежде узнать мнение наших национальных комитетов. Вот теперь наш ответ:

„Мы предложим всем нашим секциям распустить нашу организацию только после того как вы нам ответите:

„1) Противоречат ли, *да* или *нет*, принципы, изложенные в прилагаемой программе, принципам, которые могут быть приняты Международным Товариществом Рабочих?

„2) Могут ли, *да* или *нет*, различные группы, которые распространяют эти принципы, присоединиться к Международному Товариществу Рабочих, если, разумеется, эти группы заявят, каждая в отдельности о принятии ими статуты названного Товарищества?

„3) Будут ли, следовательно, *да* или *нет*, группы, образованные Алльянсом, признаны, как секции Международного Товарищества Рабочих, в случае, если, посоветовавшись с нашими национальными комитетами и всеми секциями нашего международного Алльянса Социальной Демократии, мы распустим его?

„Если на первый вопрос ваш ответ будет *нет*,

„Если на два другие вопроса ваш ответ будет *да*,

„Мы заявляем вам:

„Что во избежание деления рабочих сил, мы сделаем все усилия, чтобы получить согласие заинтересованных на то, чтобы распустить наш Алльянс, который, однако, уже принес великолепные плоды в Швейцарии и Франции, в Испании и Италии, где Международное Товарищество Рабочих не могло еще как следует упрочиться и где радикальная программа, как наша, нам кажется более способной объединить вокруг себя широкие рабочие массы. И мы прибавляем, что мы надеемся, что шаги, какие мы примем в этом направлении, достигнут желаемых результатов.

„Но мы должны заявить вам также, что если, против нашего ожидания, вы ответите нам утвердительно на первый вопрос и отрицательно на два другие, мы снимаем с себя ответственность за раскол, который ваша резолюция 22 декабря неизбежно вызовет, и мы оставим существовать наш Международный Алльянс Социальной Демократии. Так как мы не можем пожертвовать своей программой, т. е. своими убеждениями, то у нас будет удовлетворение, что мы исполнили свой долг, предложив пожертвовать нашей организацией, чтобы скрепить снова союз рабочих, какие бы воззрения они ни разделяли.

Замечу мимоходом, что это предложение Центрального Бюро встретило сильную оппозицию со стороны женевской группы и главным образом со стороны тех членов ее, которые борются против нас и клеветают на нас с таким остервенением в настоящий момент: Беккера, Гета, Дюваля, Перре и многих других, лица которых я прекрасно помню, но забыл их имена. Беккер был наиболее непримиримым. Он заявлял несколько раз, что только группа Алльянса была истинной представительницей Интернационала в Женеве и что Генеральный Совет, отказав нам, нарушил все свои обязанности, преступил все свои права и доказал только свою неизлечимую тупость. После Беккера, Гета и Дюваль, у которых всегда имеется в запасе маленькая стереотипная речь о революции, были наиболее яркими противниками. Перре проявил себя более осторожным но он разделял их мнение. Наконец, было решено также женевской группой ждать окончательного ответа Генерального Совета.

Я не могу сказать в точности, сколько времени прошло между отправкой письма Перроном и получением ответа из Лондона. В продолжение этого времени Центральное Бюро, продолжая временно свою роль представителя международной связи Алльянса, собиралось регулярно раз в неделю у Бакунина. Так как оно было избрано временно на один год членами основателями международного Алльянса, не женевской группой, оно не должно было давать никакого отчета этой последней,—и оно сообщало ей из своей переписки с группой Алльянса других стран только то, что могло быть предано гласности, не компрометируя никого. Эта осторожность была необходима особенно по отношению к Италии и Франции, где далеко не пользовались свободой и личной безопасностью, к которым привыкли в Женеве.

„Итак, вам, граждане, мы предоставляем, стало быть, решить вопрос о нашем существовании, заявив может ли, по, вашему мнению, Международное Товарищество Рабочих принять в свою среду группы, которые исповедуют и распространяют идеи, содержащиеся в нашей программе. Ввиду важности дела, мы надеемся, граждане, что вы не замедлите ответить нам и что ответ этот будет продиктован разумом, как наше настоящее письмо.

„Примите, граждане, наш братский привет.

„От имени Центрального Бюро Алльянса Социальной Демократии.

„Генеральный Секретарь:

„Ш. Перрон.

Вероятно, этот полу-секрет и заставил г. г. Дюваля и Гета вообразить, что они были членами тайного общества*) Они ошиблись. Это были осторожные собрания, но не тайные. Мы обязаны были быть осторожными и сдержанными из внимания к людям, которые, ведя революционную пропаганду, рисковали, как в Италии, так и во Франции, быть посаженными в тюрьму; но не было никакой другой организации, кроме организации, установленной статутами Алльянса, статутами настолько мало тайными, что мы сами их опубликовали.

Я позволю себе здесь поставить дилемму: или г. г. Гета и Дюваль, которые так сильно оклеветали нас на с'езде в Шо-де-Фоне, действительно имели глупость верить, что они состояли членами тайного общества, или же они утверждали это на с'езде только для того, чтобы причинить нам вред, не веря этому. В этом последнем случае они были клеветниками; а в первом случае кем? изменниками. Ни в какое тайное общество не вступают, не обещав торжественно хранить тайну. А тот, который выдает тайну, которую клялся или давал честное слово хранить, разве не называется изменником?

Мы настолько мало были тайным обществом, что не требовали ни от кого ни религиозной клятвы ни честного слова. Но между всеми нами подразумевалось, что никто не будет разглашать писем из заграницы, которые могут компрометировать наших друзей, ведущих пропаганду в других странах.

На одном из собраний Центрального Бюро у Бакунина обсуждался раз вопрос о допущении женщин в

*) На романском с'езде в Шо-де-Фоне 4 апреля 1870 г. Гета выразился следующим образом: „Гета заявляет, что он вышел из Алльянса, потому что внутри его существовали тайные общества, члены которых стремятся ни больше ни меньше, как к диктатуре. Он входил сам в эти тайные комитеты, также как и Анри Перре, Дюваль и другие члены федерального комитета; но потом он вышел оттуда и с ним вместе его коллеги... Он говорит, что женщины принятые в Алльянс, никогда не входили в тайные комитеты, потому что высший комитет не хотел этого и что когда обсуждался этот вопрос, Бакунина с братией употребляли грубые эпитеты, которые он не хочет повторять. Он берет в свидетели своих слов Дюваля.“ Анри Перре и Дюваль говорили также о тайном комитете: „Анри Перре рассказывает различные подробности о прежнем тайном комитете Алльянса... Дюваль говорит, что он продолжает входить в Алльянс; он признает, что женщины не принимались в комитеты; но он оспаривает правильность других утверждений Гета, Перре, и т. д.“ (*Solidarité*, № 1, 11 апреля 1870 г.) Дж. Г.

Бюро. Это предложение было сделано несколькими друзьями, членами основателями Альянса, очень преданными, но которые, не подозревая этого, делая предложение, действовали, как бессознательное орудие Утинской интриги. Кто знаком с образом действий этого еврейчика, знает, что одним из главных средств его деятельности являются женщины. При помощи женщин он проникает всюду, даже теперь, говорят, в лондонский Генеральный Совет. Посредством женщин он надеялся водрузить свой флажок, свое маленькое интриганское я внутри Альянса.

Это была одной из причин, по которым я решительно воспротивился допущению женщин в наше Бюро. Но я воспротивился этому также из принципа. Я так же, как и всякий другой, сторонник освобождения женщины и ее социального уравнивания с мужчиной; но из этого не следует, что нужно совать этот женский вопрос везде, даже там, где его совсем нет. Смешное всего то, что когда я сообщил об этом предложении Гета, тот закричал, удивленный и возмущенный, что он сейчас же выйдет из Бюро, в которое войдут женщины; и после этого он рассказывал на съезде в Шо-де Фоне, в присутствии Дюваля, который был при нашем разговоре, что мы с Беккером говорили по поводу допущения женщин в Бюро такие неприличные вещи, что его чувство стыдливости было оскорблено.

Но оставим все эти дразги и вернемся к нашему повествованию.

Досадно, что я не мог еще найти в своих бумагах ответа из Лондона Перрону, так что я не могу точно установить его дату ни с уверенностью сказать, написан ли он был гражданином Эккарисуем или гражданином Юнгом. Вероятно, первым: насколько я помню, Перрон обращался к Эккарисуу. Вот в общих словах смысл этого ответа:

„Генеральный Совет, познакомившись с письмом Перрона, адресованным одному из его членов, от имени Центрального Бюро Альянса, заявляет: что он высказался против Альянса из за его устава, который претендовал превратить последний внутри Интернационала в организацию, независимую от Интернационала, но не из за программы, с которой он вполне согласен, за исключением одного пункта, уравнение классов, так как Интернационал стремится к уничтожению классов; прибавляя, впрочем, что этот пункт, судя по духу всей программы

был лишь опечаткой а не искажением принципа; что как только Альянс, как международная организация, и вместе с ней Центральное Международное Бюро будут распущены, Генеральный Совет признает все секции Альянса с программой Альянса, как регулярные секции Интернационала*)“

Как только Центральное Бюро Альянса получило этот ответ, оно объявило себя распущенным получив, впрочем, полномочия на этот счет от секций других стран, также как и от женеvской группы, и сейчас же дало об этом знать всем секциям Альянса, предложив им сделаться регулярными секциями Интернационала, сохраняя свою программу, и добиться признания, как таковых, лондонским Генеральным Советом.

Таким образом, г. г. Гета и Дюваль перестали быть членами этого ужасного тайного общества, которое так пагубно действовало на их бедное воображение. Тайное общество существовало только в их мозгу, но осторожное в своей деятельности Центральное Бюро действительно существовало до настоящего времени и перестало существовать, начиная с этого дня.

Так как Центральное Бюро Альянса перестало существовать, то наши официальные регулярные сношения с секциями, учрежденными Альянсом в различных странах, были прерваны, так что я могу вам сказать лишь в весьма общих чертах, что случилось потом с этими секциями. Неаполитанская секция Альянса, просуществовав не-

*) Текст решения, принятого Генеральным Советом на заседании 9 марта 1869 г., в ответ на письмо Перрона, был напечатан в брошюре (произведении Маркса) *Так называемый раскол в Интернационале, тайный циркуляр Генерального Совета (5 марта 1872 г.)* Вот этот текст:

„Генеральный Совет Центральному Бюро Международного Альянса Социальной Демократии.

„На основании первой статьи наших статутот, Международное Товарищество принимает все рабочие секции, стремящиеся к общей цели, а именно: *взаимной помощи, прогрессу и полному освобождению рабочего класса.*

„Так как секции рабочего класса в разных странах находятся в различных условиях развития, то отсюда необходимо следует, что их теоретические взгляды, которые являются отражением действительного пролетарского движения, также различны.

„Однако, общая линия поведения, установленная Международным Товариществом Рабочих, обмен мыслей, облегчаемый издавней органов различными национальными секциями, наконец, прения на общих съездах постепенно создадут общую теоретическую программу.

сколько месяцев, была распущена, и большинство ее членов вступили индивидуально в Интернационал. Мадридская секция превратилась в секцию Интернационала, сохранив программу Альянса. То же самое было с секциями Альянса в Париже и Лионе.

Так умер добровольною смертью Международный Альянс Социальной Демократии. Желая прежде всего торжества великого дела пролетариата и считая Международное Товарищество Рабочих единственным средством достижения этой цели, он пожертвовал собой, не из чувства уступчивости, а из чувства братства и потому что он был убежден в совершенной правильности решений, которые

„Таким образом критическое обсуждение программы Альянса не входит в функции Генерального Совета. Мы не будем разбирать, является ли она полным выражением пролетарского движения. Мы должны только знать, ее содержит ли она чего нибудь противного общей тенденции нашего сообщества, т. е. полностью освобождению рабочего класса. Есть одна фраза в вашей программе, которая с этой точки зрения ошибочна. Во 2-й статье мы читаем:

„Он (Альянс) стремится прежде всего к политическому, экономическому и социальному уравнению классов.“

„Уравнение классов, толкуемое буквально, сводится к гармонии капитала и труда, вазойливо проповедуемой буржуазными социалистами. Не уравнение классов, — логическая бессмыслица, которую невозможно осуществить, а, наоборот, уничтожение классов, этот настоящий секрет пролетарского движения, составляет великую цель Международного Товарищества Рабочих. Однако, привнимая во внимание текст, в котором находится эта фраза *уравнение классов*, она повидимому, вкратила туда, как простая описка, Генеральный Совет не сомневается, что вы согласитесь вычеркнуть из вашей программы фразу, дающую повод к опасным недоразумениям. За исключением случаев когда высказываются идеи, противные общей тенденции нашего Сообщества, принцип его предоставить каждой секции свободно формулировать свою теоретическую программу.

„Не существует, стало быть, препятствий для превращения секций Альянса в секции Международного Товарищества Рабочих.

„Если распускание Альянса и вступление секции его в Интернационал будет окончательно решено, необходимо будет, согласно нашим статутам, убедить Совет о местонахождении и численном составе каждой новой секции.

„(Заседание Генерального Совета 9 марта 1869 г.)“

Факсимиле черновика этого решения Генерального Совета, написанного по французски рукой Маркса, было приведено в книжке Густава Иека *Die Internationale* (Лейпциг, 1904 г.) Есть небольшая разница между текстом черновика и окончательным текстом: вероятно, Юнг, секретарь для Швейцарии, старался, впрочем неудачно, придать более французские обороты стилю учителя. Дж. Г.

огласил*) против него лондонский Генеральный Совет в декабре 1868 г.

Альянс, о котором я буду говорить теперь, совершенно другой Альянс: это уже не международная организация, это отдельная местная Секция Женевского Альянса Социальной Демократии, признанная в июле 1869 г. Генеральным Советом, как регулярная секция Интернационала.

По внесенному коллективно предложению Перрона, Бакунина, Беккера, поддержанного некоторыми другими членами женевской группы Альянса, последняя тоже подчинилась решению лондонского Генерального Совета. Она единогласно решила превратить себя в регулярную секцию Интернационала. Первое, что она должна была сделать для этого, это выработать статуты, согласные во всех пунктах с статутами Международного Товарищества Рабочих. Составить их было поручено гражданину Бакунину. Было решено, что программа будет сохранена целиком, за исключением этой неудачной фразы во втором пункте: „Он (Альянс) стремится прежде всего к политическому, экономическому и социальному уравнию классов и личностей“, которая должна была быть заменена другой, более ясной: „Он стремится прежде всего к окончательному уничтожению классов и политическому, экономическому и социальному уравнию личностей.“ Но устав нужно было переделать совершенно заново.

Секция Альянса, собираясь раз в неделю и всегда в очень большом числе, добросовестно и обстоятельно обсуждала в продолжение почти двух месяцев каждый пункт нового устава, предложенного Бакуниным.***) В обсуждении принимали участие все, а не только несколько человек, привыкших говорить; и те, которые вначале молчали, были попрошены высказать свое мнение. Это обстоятельное и добросовестное обсуждение сильно способствовало прояснению идей и определению стремлений всех

*) Слово *огласил* неправильно, ибо не было дано *оглашения* резолюциям 22 декабря 1868 г. *Дж. Г.*

**) Выдержки из протоколов женевской секции Альянса, приведенные Максом Нетлау в биографии Бакунина, показывают, что не надо понимать в буквальном смысле слова выражения, употребленные здесь Бакуниным. Обсуждение нового устава началось 17 апреля и было закончено 24 апреля. Однако, в мае и июне несколько раз ставился на обсуждение тот или другой пункт программы; и только 26 июня секция была составлена окончательно. *Дж. Г.*

членов секции. Наконец, после этих затянувшихся дебатов, во второй половине июля 1869 г. новые статуты были приняты единогласно.

Я позволю себе привести здесь первые пункты нового устава. Это будет лучшим ответом нашим клеветникам, которые осмелились сказать, что мы хотели распустить Международное Товарищество Рабочих:

„Устав.

Секция Альянса Социальной Демократии в Женеве.

„Пункт первый.—Женевская группа Альянса Социальной Демократии, желая принадлежать исключительно великому Международному Товариществу Рабочих, составляет секцию Интернационала под именем Альянса Социальной Демократии, но не имеющую отдельные от Международного Товарищества Рабочих организацию, бюро, комитеты и съезды.

„Пункт 2—Эта секция имеет своей специальной миссией развитие принципов, содержащихся в ее программе, изучение средств, способных ускорить окончательное освобождение труда и рабочих, и пропаганду.

„Пункт 3—Нельзя стать ее членом, не приняв искренно и полностью все ее принципы. Старые члены обязаны, а вновь вступающие должны обещать по мере своих сил вести вокруг себя самую деятельную пропаганду этих принципов, как примером, так и словом.

„Пункт 4 —Каждый член обязан знать общие статуты Международного Товарищества Рабочих и решения съездов, которые должны считаться обязательными для всех.

„Пункт 5.—Упорное и действительное проведение практической солидарности между рабочими всех ремесел, включая сюда, разумеется, и земледельцев, является главным залогом их близкого освобождения. Соблюдение этой солидарности в личных и общественных проявлениях рабочей жизни и в борьбе рабочих против буржуазного капитала должна считаться высшим долгом каждого члена Секции Альянса Социальной Демократии. Всякий,

кто нарушит этот долг, будет немедленно исключен из секции*.)

„Пункт 6.— Кроме великих вопросов окончательного и полного освобождения рабочих путем уничтожения наследственного права, политических государств и путем организации производства и собственности на коллективных началах, также как и другими путями, какие будут в дальнейшем указаны съездами, Секция Альянса будет изучать и стараться применять все временные средства или паллиативы, могущие облегчить, хотя бы отчасти, современное положение рабочих.

„Пункт 7.— Сильная организация Международного Товарищества Рабочих, единая и нераздельная, переступающая через все государственные границы и без всякого различия национальностей, не считающаяся с патриотизмом, интересами и политикой государств, является самым верным залогом и единственным средством для общего торжества во всех странах дела труда и рабочих. Убежденные в этой истине, все члены Альянса торжественно обязуются способствовать всеми силами усилению мощи и солидарности этой организации. Вследствие чего, они обязуются поддерживать во всех цехах, в какие они входят или в каких пользуются каким нибудь влиянием, резолюции съездов и власть Генерального Совета, также как власть Федерального Совета (романской Швейцарии) и Женевского Центрального Комитета, поскольку эта власть установлена, определена и узаконена статутами“. **)

Пусть судят теперь, насколько обвинения наших врагов были смешны и гнусны!

*) Пункт 24-й признает три повода для исключения: 1) за подлый и недостойный поступок; 2) за явное нарушение программы и основных пунктов устава; 3) за явное нарушение солидарности. (Прим. Блаурина.)

***) Мы видим в этих словах настроение, побуждавшее Блаурина и часть делегатов „коллективистов“ на Базельском съезде проследовать усилению власти Генерального Совета.

На следующий же день после единогласного принятия новых статутів женевской секцией Альянса Перрон, секретарь этой секции, поспешил послать эти новые статуты в Лондонский Генеральный Совет,*) извещая его в то же время о том, что прежняя международная организация и центральное бюро Альянса окончательно распущены **) и прося признать новую женевскую секцию, как регулярную секцию Интернационала. Вот это письмо:

Женева, 22 июня 1869 г.

**Секция Женевского Альянса Социальной Демократии
Лондонскому Генеральному Совету.**

Граждане!

Согласно тому, как было условлено между вашим Советом и Центральным Комитетом Альянса Социальной Демократии, мы представили на рассмотрение различным группам Альянса вопрос о распусчении последнего, как организации, отличной от организации Международного Товарищества Рабочих, сообщив им письма, какими обменялись по этому поводу Генеральный Совет и Центральный Комитет Альянса.

Мы с удовольствием извещаем вас, что громадное большинство групп согласно с мнением Центрального Комитета, высказавшегося за распусчение Международного Альянса Социальной Демократии.

Альянс ныне распущен.

Извещая об этом решении различные группы Альянса, мы пригласили их, следуя нашему примеру, составить секции Международного Товарищества и добиться признания,

*) Не надо искать в указаниях Бакунина точного хронологического порядка. Он писал через два года после того, как все эти события произошли, и у него не было под рукой протоколов Секции Альянса. Письмо Перрона написано 22 июня; собрание, на котором окончательно образовалась женевская Секция Альянса, происходило 26 июня; и уже на заседании Секции 12 июня Бакунин заявил, что устав будет послан в Лондон к 19 июня, чтобы потребовать принятия Секции в Интернационал (выдержки из протоколов, опубликованные Максом Нетлау).

Дж. Г.

**) Четыре страницы рукописи пропали. Вероятно, они были сданы в оригинале наборщикам *Записок Юрской Федерации*. Но содержание этих четырех страниц напечатано, быть может немного в сжатом виде, в оправдательных документах (№ VIII) *Записок*. Мы приводим его здесь отсюда.

Дж. Г.

как таковых, вами или Федеральным Комитетом этого Товарищества в своих странах.

В подтверждение вашего письма, адресованного центральному экс-Комитету Альянса, мы просили вас, присылая вам статуты нашей секции, признать нас официально, как ветвь Международного Товарищества Рабочих.

Надеясь получить от вас скорый ответ, шлем вам свой братский привет.

*От имени Секции Альянса
Временный Секретарь
Ш. Перрон.*

В конце июля Перрон получил из Лондона следующий ответ:

Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих.

256, High Holborn, London, W. С. 28 июля 1869 г.

**Секции Альянса Социальной Демократии
в Женеве.**

Граждане!

Имею честь сообщить вам, что ваши письма или заявления, а также программа*) и устав нами получены и что Генеральный Совет единогласно постановил принять вас, как секцию

*От имени Генерального Совета
Генеральный Секретарь
Ж.—Г. Эккарюс.*

Сейчас же после получения этого письма Секция Альянса окончательно сконструировалась. Она избрала Комитет, который немедленно послал годовой взнос Секции в Лондон. **)

*) Заметьте, что за исключением одного изменения, указанного выше (касающегося слов *уравнение классов*), это целиком программа прежнего Альянса и что пункт 1-ый этой программы начинается словами: *Альянс заявляет себя атеистически.* (Прим. Бакунина).

**) Здесь опять несколько хронологических ошибок. Секция Альянса окончательно сконструировалась 26 июня. Она избрала Комитет 1 мая. Комитет решил послать взнос в Лондон (10 фр. 40 сент. за 104 члена) на своем заседании 17 июня. И только на заседании секции 31 июля было прочтано письмо Эккарюса. Джс. Г.

Вот другое письмо из Лондона, в котором сообщается о получении последнего:

Гражданину Генг, секретарю Секции Альянса Социальной Демократии, в Женеве.

Гражданин!

Я получил ваше письмо и 10 фр. 40 сант., сумму взносов 104 членом за 68-69 г. Чтобы избежать в дальнейшем запозданий, как это случилось с этим письмом, адресуйте лучше ваши письма на мое имя... В надежде, что вы будете деятельно проводить в жизнь принципы нашего Товарищества, посылаю вам, гражданин Генг, а также всем друзьям свой братский привет.

Г. Юнг.

*Секретарь при Генеральном Совете
для Швейцарии.*

25 августа 1869 г.

Вот, надеюсь, достаточные данные, чтобы доказать нашим наиболее упрямым противникам, если только они добросовестны, что женевская Секция Альянса Социальной Демократии, со своей анти-политической, анти-юридической и атеистической программой, была вполне регулярной секцией Международного Товарищества Рабочих и признана, как таковая, не только Генеральным Советом, но и Базельским съездом, на который, пользуясь своим правом, она послала, в качестве делегата гражданина Гаспара Сэнтиньона, врача, делегата женевской Секции Альянса и Федерального Центра рабочих обществ Барцелоны.*)

Нужно было, стало быть, обладать цинической недобросовестностью господ Утина, Перрэ, Беккера, Дюваля, Гета и К-о, чтобы оспаривать за нашей секцией название и пра-

*) По дороге в Базель Сэнтиньон остановился, проездом, в Женеве где был принят членом Женевской Секции Альянса. Протокол заседания Комитета 28 августа 1869 г. гласит: „Гражданин Сэнтиньон представлен Бакуниным и Робеном. Он принят единогласно всеми присутствующими членами. Решено созвать экстренное общее собрание на воскресенье 29 августа в 10 ч. утра для выбора делегата на Базельский съезд“. На следующий день экстренное общее собрание утверждает принятие Сэнтиньона в члены Секции, составляет мандат для делегата на Базельский Съезд, предписывая ему голосовать за „обобществление средств производства, уничтожение наследственного права, создание касс сопротивления по цехам и объединенных в федерации“; затем собрание единогласно избирает Сэнтиньона делегатом на Съезд.

Дж. Г.

ва регулярной секции Интернационала. Оставляя в стороне этого еврейчика, лживого и интригана по природе, прибавлю, что никто из этих господ не может даже притворяться, что он не знает дела, так как можно установить на основании протоколов Альянса и ссылаясь на десятки свидетелей, что Беккер и Дюваль читали письма Эккарнуса и Юнга; что письма эти в августе 1869 г. были представлены в женеvский кантональный Комитет и в сентябре, после Базельского с'езда, в федеральный Комитет романской Швейцарии, — а Перрэ и Гета состояли членами этого последнего; что эти два почтенных гражданина присутствовали, когда Дюваль и Фриц Генг, два другие члены этого Совета и в тоже время члены Секции Альянса, представили эти письма в Федеральный Комитет.

Что можно после этого сказать о честности этих людей, которые осмелились утверждать на своем предпоследнем федеральном с'езде в Женеве и затем на страницах своей газеты *Egalité*, „что они никогда не слыхали о том, чтобы Секция Альянса была признана Генеральным Советом, что они не знают этого и до сих пор и что они написали в Генеральный Совет, чтобы удостовериться на этот счет“!

После того как Секция Альянса была принята и признана, Лондонским Генеральным Советом, как регулярная секция Интернационала, она поручила своему Комитету потребовать от центрального (кантонального) женеvского Комитета принять ее в женеvскую федерацию,*) собираясь сейчас же вслед за этим потребовать от федерального Комитета принять ее в романскую Федерацию.

На этот раз кантональный комитет уже окончательно подпавший под влияние главарей Фабрики, ответил категорическим отказом на одном из заседаний,**) на котором, как это обычно бывало, присутствовало лишь с дюжину членов,

*) Это решение было принято до получения письма от Эккарнуса. В протоколе комитета секции Альянса, от 17 июля, поставлен вопрос о вступлении секции в кантональную федерацию и об обращении с этой целью в кантональный комитет женеvских секций; и 30 июля Бакунин прочел в комитете секции Альянса проект письма в кантональный комитет, который был принят.

Дж. Г.

**) 16 августа 1869 г.

тогда как в комитет этот уже тогда входило больше шестидесяти членов. *)

Мы ждали этого отказа и обращались в кантональный комитет только для формы, чтобы не говорили, что мы отказываемся от солидарности с женевскими секциями; мы ждали этого, потому что мы знали об интригах и жалких клеветах, распространяемых уже тогда против нас некоторыми людьми, которые потом совершенно сбросили маску.

... **) строительные рабочие, что вызвало по отношению к нему зависть и ненависть вождей женевских фабричных секций, которые, исключив его из Кружка, употребили все свои усилия, чтобы исключить его из Интернационала. Серно—Соловьевич, о котором эти господа теперь говорят, проливая крокодиловы слезы, и который вне всякого сомнения был одним из наиболее преданных членов женевского Интернационала, был публично обозван ими русским шпионом. Наконец, Перрон, благодаря горячему, бескорыстному увлечению своими принципами, тогда еще, впрочем, не совсем определившимися, и в особенности благодаря своей глубокой личной привязанности к Серно—Соловьевичу, в защиту которого он всегда благородно выступал, навлек на себя также ненависть своих женевских сограждан.

Но в особенности в конце 1868 г., после Брюссельского съезда, когда он стал основателем и главным редактором газеты *Egalité*, он сделался козлом отпущения благонравного женевского общества. Он имел несчастье, разумеется против своей воли, задеть интересы и оскорбить чувство самолюбия свирепого типографа г. Кроссе и навлечь

*) Эта цифра шестьдесят членов, которая должна соответствовать тридцати секциям, преувеличена. Во время общего съезда в Брюсселе, в сентябре 1868 г., в Женевском кантоне было двадцать четыре секции (из доклада делегата Гралья); во время основания романской федерации, в январе 1869 г., чисто женевских секций было двадцать три (из доклада романского федерального комитета на съезде в Шо-де-Фоне, в апреле 1870 г., напечатанного в *Egalité* от 30 апреля 1870 г.); это число равнялось двадцати шести в октябре 1869 г. Наконец, в *Egalité* от 23 апреля 1870 г. упоминается в одном месте, что женевские секции, во время съезда в Шо-де-Фоне, были в числе двадцати восьми.

Дж. Г.

**) Здесь пропуск,—начало фразы в потерянных листках, о которых говорилось выше. Бакунин возвращается здесь к конфликту на почве принципов и тенденций, возникшему с 1868 г. между строительными рабочими и вожаками секций фабричных рабочих. Лицо, о котором говорится в этой фразе без начала, Броссе.

на себя его ужасную ненависть. Г. Кроссэ сделался центром группы лиц, частью известных, но большей частью анонимных (г. Анри Перрэ и многие другие вожди Фабрики были в этой группе), которая распространяла всевозможные клеветы против Перрона. Я приобрел себе первых врагов в Интернационале, своей открытой защитой Перрона, с которым я тогда был в дружеских отношениях.

Помимо всех этих личных вопросов, одно название газеты *Egalité* *) подняло против нас целую бурю. Вспомните, что это было после Брюссельского съезда, который впервые поставил откровенно вопрос революционного социализма. Провозглашение принципа обобществления собственности, осуждение буржуазного социализма и явный разрыв с буржуазным радикализмом, выразившийся в отказе войти в сношения с Лигой Мира и Свободы, все это сильно встревожило вождей женевской секции фабричных рабочих. Они боялись, что женевский Интернационал примет чересчур социалистическое, чересчур революционное направление, что он пустится в открытое море, где они чувствовали себя неспособными следовать за ним. Буржуазно, патристически привязанные к цветущим берегам Женевского озера, они хотели не мировой Интернационал, но мнимый женевский Интернационал, невинный и филантропический социализм, ведущий прямо к надувательскому примирению с буржуазным социализмом их города. Они были напуганы этим ужасным словом *Равенство*, разрушавшим все эти патристические мечты, все эти честолюбивые надежды, которые держались тем упорнее, что в них не смели сознаться.

Тогда произошло восхитительное об'яснение: все эти великие граждане Женевы понимали, обожали равенство и если бы дело было только в них, они обеими руками голосовали бы за такое название. Но это слово, видите ли, не будет понято толпой, чернью Интернационала; оно может задеть аристократическую щекотливость строительных рабочих! Так, по крайней мере, говорил рупор этой клики, бедный портной Верн, парижанин, бывший икарыйский коммунист, человек полный чувства самоотверженности, но также полный желчи и скрытого тщеславия и который всегда имел несчастье, проповедуя теоретически самые крайние принципы, голосовать на практике за самые реакционные резолюции. Поэтому он всю жизнь был любимым детищем и пророком женевской Фабрики.

*) *Равенство*.

Мы отвоевали всетаки название *Egalité* и позднее нам удалось создать редакционный комитет, громадное большинство которого показало открыто свою преданность принципам, содержащимся в этом слове. Эта борьба и, еще больше, выход один за другим целого ряда номеров газеты *Egalité*, которая с каждой неделей становилась все более социалистической и революционной, способствовали в огромной степени созданию далеко не дружественных отношений между обеими партиями, которые делили между собой Женевский Интернационал.

С одной стороны, сжатая и в совершенстве организованная фаланга секции фабричных рабочих со своим буржуазным радикализмом, со своими платоническими мечтами об узкой и привилегированной кооперации, со своими вождями, в тайне сердца желающими попасть в Государственный Совет,*) с своим узким женевским патриотизмом, тщеславным и шумливым, явно стремящимся превратить Интернационал в женевское сообщество, в орудие для удовлетворения женевского честолюбия. С другой, порядком дезорганизованная масса строительных рабочих, богатых революционными инстинктами, социалистов, как по своему положению, так и по своим естественным стремлениям и всегда или почти всегда поддерживающих своими голосами истинные принципы революционного социализма.

В то время граждане Беккер, Гета, Дюваль голосовали еще вместе с нами; они еще не вкусили сочного плода от реакционной интриги. Но мы имели против себя граждан Гросселена, Вейермана, Верн, Гроссэ и многих других представителей Фабрики или рабочих других ремесл, привлеченных Фабрикой на свою сторону. Г. Анри Перрэ старался держаться всегда середины, голосуя всегда вместе с большинством,—как Господь Бог Фридриха Великого, он всегда на стороне большого войска. Вообще, нужно заметить, что большинство членов как комитетов цеховых секций, даже строительных рабочих, так и центрального или кантонального комитета, голосовали вместе с реакцией, что было естественно, так как они входили в состав той господствующей олигархии и того тайного правительства, которое явно стремилось к обузданию масс, примыкающих к Интернационалу.

*) В Женеве члены Государственного Совета, т. е. кантонального правительства, непосредственно избираются народом.

Наша тенденция была, впрочем вполне согласуясь с статутами романской федерации, сломить эту власть, этот рождающийся деспотизм комитетов, подчинив их по возможности выраженной на общих собраниях народной воле. Понятно, что наиболее честолюбивые члены этих комитетов не были нам благородны за это. Несколько раз они осмелились даже утверждать, что комитетское собрание должно первенствовать над народным собранием. Нам не трудно было доказать, ссылаясь на статуты романской Федерации, что они ошибались, и массы, примыкающие к Интернационалу, поддержали нас против них.

В продолжение этого времени Секция Альянса, верная своей миссии, горячо занималась пропагандой. Она каждую субботу регулярно устраивала заседания. Разумеется, все сто четыре члена, насчитывавшиеся в ней с момента ее окончательного сконструирования, не присутствовали регулярно на каждом заседании, но всегда приходили регулярно двадцать, тридцать членов, которые составили настоящее ядро Альянса. К сожалению, я должен сказать, что Перрон не был в числе их. Своенравный, неровный, капризный, он почему то не взлюбил Альянс и лишь изредка появлялся в нем. Его более или менее женевские инстинкты влекли его всегда в центральную Секцию, которая из широко международной секции, какой она была раньше, сделалась почти исключительно женевской секцией. Броссэ также редко бывал у нас. Председатель федерального Комитета, он не считал, вероятно, политичным открыто показывать себя сторонником секции, которая стала ненавистна могучей фракции Интернационала, с которой у него, как у политического деятеля, было обоюдное кокетничанье. Наконец, Гета, рекомендованный Перроном, ошибка Перрона, также нас оставил. С тех пор как он стал членом и вице-председателем Федерального Комитета, его почетное положение вскружило ему голову. Напуская на себя глупую важность, он стал совершенно смешным. Он перестал проносить свою обычную стереотипную речь о революции и на общих собраниях, также как и в Федеральном Комитете он голосовал только вместе с реакцией.

Наоборот, моя ошибка, пустомеля Дюваль, и наша общая с Перроном ошибка, непостоянный, неустойчивый патрарх Беккер, были усердными членами Альянса. Дюваль, который был также членом Федерального Комитета, передавал нам все, что говорили о нас братья Перрз, притво-

ряясь что ненавидел их, и Гета, делая вид, что презирал его. Через него, а также через другого члена Альянса, Фрица Генга, мы узнавали все, что говорилось о нашей секции в Федеральном Комитете. Беккер не признавал больше ничего кроме Альянса; он многократно повторял, почти на каждом нашем заседании, что настоящий Интернационал больше не в Temple-Unique,*) а в маленькой секции Альянса. Анри Перрз не показывался больше среди нас, и так как он не присутствовал в день окончательного конституирования секции**) и не ответил на два или три посланные ему приглашения, то его вычеркнули из списка членов.

Альянс стал настоящей секцией друзей и, чего не существовало в Temple-Unique, все здесь говорили совершенно откровенно и с полным взаимным доверием. Здесь часто говорили, к большому скандалу Броссэ, о настоящем положении женевского Интернационала, о реакционном духе и превосходной организации Секции фабричных рабочих, о превосходном революционном духе и отвратительной организации строительных рабочих. Броссэ, как председатель Федерального Комитета, как дипломат, не хотел, чтобы касались этих жгучих вопросов, этих официальных и священных вещей. Самое большее, по его мнению, об этом позволено было говорить с глазу на глаз и шопотом, ибо нельзя не выказывать уважения к декоруму, к величественной фикции Интернационала.

Так рассуждают, и это понятно, все правительства и все правительственные люди. Так рассуждают также все сторонники дряхлых учреждений, которые они провозглашают священными, фикции которым поклоняются, не позволяя, чтобы к ним подступали слишком близко, потому что они боятся, что нескромный взгляд или смелое суждение раскроет и обнаружат их нищету и ненужность.

Таков общий дух, господствующий в женевском Интернационале. Когда говорят о нем, всегда лгут. Все или почти все говорят заведомо неправду. Какая то китайская церемония господствует во всех коллективных и личных отношениях. Считается, что вы существуете, на самом деле вас нет; считается, что вы верите, на самом деле вы не верите; считается, что вы хотите, на самом деле вы не хо-

*) Знание, в котором собирался Интернационал.

**) 26 июня 1869 г.

тите. Фикция, официальность, ложь убили дух Интернационала в Женеве. Все это учреждение стало в конце концов ложью. Поэтому все эти господа Перрэ, Дюплекс, Гета, Дювали и Утины могли завладеть им так легко.

Интернационал не буржуазное и дряхлое учреждение, поддерживаемое только искусственными средствами. Он молод и полон будущности, он не должен, стало быть, бояться критики. Только правда, откровенность, смелость в суждениях и поступках и постоянный контроль над самим собой могут способствовать его процветанию. Так как он не является сообществом, которое должно быть организовано сверху вниз авторитарным путем, деспотическими мерами его комитетов, так как он может организоваться только снизу вверх народным путем, стихийным и свободным движением масс, необходимо, чтобы массы знали все, чтобы не было от них правительственных тайн, чтобы они никогда не принимали фикцию или видимость за действительность, чтобы они ясно представляли себе методы и цель своего движения и чтобы, прежде всего, они сознавали свое действительное положение. Поэтому все вопросы, касающиеся Интернационала, должны обсуждаться смело и открыто, и учреждения его, действительное состояние его организаций не должны быть правительственной тайной, а постоянным предметом откровенного и гласного обсуждения.

Не странно ли в самом деле, что наши противники, которые действительно образовали в женевском Интернационале нечто вроде господствующей и тайной олигархии, тайное правительство, столь благоприятствующее всяким честолюбивым замыслам и всяким личным интригам, осмелились обвинять нас в тайных проносах, нас, вся полигика которых состояла в том, чтобы принудить их ставить все вопросы на общих собраниях, резолюции которых, по нашему мнению и согласно статутам романской Федерации, должны быть обязательны для всех комитетов женевского Интернационала?

Мы всегда призывали их к открытой борьбе, в которой, пренебрегая личными нападками и всякими личными интригами, мы боролись против них и почти всегда одерживали верх исключительно на почве принципов. Напротив, как подобает правительственной партии, они вели против нас закулисную борьбу, полную интриг и клеветы.

Эти дискуссии, происходившие в Секции Альянса, на которых почти всегда присутствовало, в качестве активных

посетителей, много строительных рабочих, не состоявших членами, а приводимых друзьями, членами Секции, оказали большое влияние на направление строительных рабочих к великой досаде вождей реакционной клики женевского Интернационала.

Пропасть, становившаяся с каждым днем все шире между партией Революции и партией Реакции, еще увеличилась с середины июня 1869 г., когда Перрон, вынужденный благодаря своим личным делам, оставить на некоторое время редакцию газеты *Egalité*, передал ее в руки Бакунина. Последний воспользовался этим, чтобы широко развить во всей их истине и чистоте и со всеми их логическими последствиями и их практическим применением принципы Интернационала. Он начал свое редактирование с открытого выступления против незутизма Иисуса Христа Шо-де-Фона, Куллери, который, отличаясь в этом отношении от женевских реакционеров Интернационала, хотел превратить Интернационал в орудие аристократической и поповской реакции, тогда как его союзники, друзья и защитники в Женеве, Перррз, Гросселен и компания, довольствовались лишь тем, что делали из него орудие буржуазного радикализма. Бакунин разоблачил тех и других, боролся против них и старался раскрыть глаза пролетариату на непроходимую пропасть, разделяющую отныне его дело от дела буржуазии всех цветов.

Такая постановка вопроса не входила совершенно в расчеты честолюбивых вождей женевской секции фабричных рабочих. Это было как раз в то время, когда женевская радикальная партия делала невероятные усилия, чтобы сблизиться с Интернационалом и забрать его в свои руки. Многие бывшие члены, признанные агенты радикальной партии, и которые, как таковые, отошли от Интернационала, вновь вступили в него. Это делалось, так сказать, открыто, — до такой степени граждане-радикалы из Интернационала были уверены в успехе. Мы открыто вели борьбу против них в газете, на заседаниях Альянса, а также и на общих собраниях.

Все это неизбежно должно было усилить ненависть главарей Фабрики против нас. С другой стороны, ярко социалистические и революционные принципы, которые газета *Egalité* проповедывала без всякой церемонии, не могли служить их интересам, были диаметрально противоположны их цели; уничтожение государств, патриотических и поли-

тических границ, уничтожение наследственного права, организация коллективной собственности и коллективного труда снизу вверх, путем свободы,—все это не могло служить мостом для объединения в одну партию буржуа-радикалов с буржуа из Женевского Интернационала. Вся радикальная партия Женевы, господа Фази, Вотье, Картерэ, Камбесседес были, следовательно, страшно озлоблены против нас, и так как они оказывали в то время прямое влияние на главарей Фабрики в Интернационале, на Гроссэленов, Вейерманов, Перрэ и многих других, то они сильно способствовали возбуждению, усилению, организации их ненависти и их преследований, направленных против нас.

Комитеты секции фабричных рабочих являлись в Федеральном Комитете с протестом против редакции *Egalité*, от имени своих секций, чаще всего без их ведома. Пока Броссэ оставался председателем Федерального Комитета, эти интриги не удавались. Но систематическими придирками, на которые он, слишком щекотливый, не ответил презрением, как это следовало бы сделать, принудили его оставить председательское место.*) Его место занял Гета, и федеральный комитет окончательно перешел на сторону реакции. К счастью, один из пунктов статута романской федерации, охраняя редакционный комитет, делал его в некотором роде независимым от произвола Федерального Комитета.**)

Итак, стало быть, в Женевском Интернационале проходила война: с одной стороны, были фабричные рабочие, умело дисциплинированные, слепые и идущие за своими вождями; с другой, масса строительных рабочих, просвещаемая газетой *Egalite* и мало по малу организующаяся под влиянием Альянса. Посредине были секции промежуточных цехов: сапожники, портные, типографы и т. д., комитеты которых, правда, в большинстве принадлежали реакции, но симпатии народа, рядовых были больше на стороне революции.

*) Броссэ, которому надоели до тошноты все эти интриги, подал заявление о своем отказе от председательского звания в августе 1869 г.

**) Этот пункт (п. 52) гласил: „Съезд (романский) будет устанавливать каждый год программу и цену газеты“. Но в другом пункте (п. 42), касающемся прав и обязанностей Федерального Комитета, говорилось: „Газета Товарищества будет выходить под его нравственной ответственностью“.

Решительный бой стал неизбежен. Он произошел во вторую половину августа месяца при выборах делегатов на Базельский съезд.*)

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ БОРЬБА.

Это был достопримечательный бой, который следовало бы описать более красноречивому историку, чем я. Я расскажу лишь главные его фазисы.

Среди пяти вопросов, поставленных Генеральным Советом в программу съезда, который должен был состояться в сентябре 1869 г. в Базеле, были главным образом два, которые касались по существу социального вопроса: упразднение наследственного права и организация коллективной собственности, два вопроса, которые всегда приводили в очень дурное настроение корифеев, вожжаков Женевской Фабрики. Они уже обнаружили чрезвычайное недовольство, что последний из этих вопросов обсуждался на Брюссельском съезде: „это утопия, говорили они, мы должны заниматься практическими вопросами“.

Они решили, следовательно, на этот раз вычеркнуть эти два вопроса из программы Базельского съезда. Они считали это необходимым не только потому, что таково было их внутреннее желание, но и ввиду своего политического положения. Они окончательно сговорились и заключили союз с Женевской радикальной буржуазией. Велась деятельная агитация среди всех чисто Женевских секций, т. е. среди рабочих-граждан фабричного труда, чтобы объединить их вокруг радикального знамени при будущих выборах, которые должны были состояться в ноябре. Но для того, чтобы союз между буржуазией и рабочими-гражданами был возможен, необходимо было, чтобы эти последние вычеркнули из своей программы все, что могло противоречить основным принципам буржуа-радикалов Женевы, все ще-

*) Внизу этой странички Бакунин написал следующие строки, адресованные тем, кто должен был читать его рукопись:

„Конец пришлю немедленно.—Я не знаю, что вы найдете нужным сделать с этой рукописью. Другого доклада я не буду делать, кроме этого, который не может быть напечатан в его настоящей форме, но который содержит в себе достаточные подробности, чтобы разъяснить все дело и снабдить вас всем необходимым материалом для составления более сжатой и более короткой записки.—Я вас очень прошу, дорогие друзья, не потерять рукопись и вернуть мне ее в целости, сделав с ней то, что вы найдете нужным.“

котливые вопросы. Больше всего, разумеется, вызывали ненависть и порицание эти два предложения, губительные для существующего общественного строя: уничтожение наследственного права и организация коллективной собственности.

Тактика женевской клики, которая руководила всей деятельностью Центрального (кантонального) Комитета, вдохновляла все его поступки и которая при его посредстве определяла программу каждого общего собрания, эта тактика была очень простая. На общих собраниях назначали комиссии, которые должны были приготовить к с'езду доклады по всем другим вопросам, и забыли назначить такие же комиссии для составления докладов по этим двум жгучим вопросам. Если бы это так и осталось, то произошло бы следующее: пришло бы время с'езда, а доклады по этим двум вопросам не были бы приготовлены и, следовательно, они были бы фактически вычеркнуты из программы.

Мы расстроили этот план, напомнив на одном из народных собраний, что было еще два вопроса, о которых Центральный Комитет, повидимому, забыл и что необходимо было немедленно назначить две комиссии для изучения их и для представления во — время докладов по ним. Тогда разразилась буря; все крупные ораторы Секции фабричных рабочих и их союзники реакционеры, во главе с Гросселеном: Вейерман, Кроссэ, Вери, Патрю, типографы из партии Кроссэ, Дюплеке, отец Рэймонд (слепой, сен-симонист, Иисус Христос женевского Интернационала), женевский каменщик Пайяр, умный человек и большой спорщик, личный враг Робена, Гета и многие другие выходили по очереди на трибуну и заявляли, что было скандально, бесполезная трата времени, вредно предлагать подобные вопросы рабочим, что нужно заниматься практическими и существенными вопросами, напр., буржуазной кооперацией и т. д. и т. д. Мы отвечали им. Они были побиты. Общее собрание (Temple - Unique был полон, и строительные рабочие, заботливо созванные нашими „союзниками“ накануне, присутствовали в большом количестве) решило громадным большинством голосов назначить сейчас же комиссию для изучения двух неприятных вопросов: Бакунин был избран в комиссию для составления доклада по вопросу о наследственном праве, Робен — в комиссию по вопросу о коллективной собственности.

На следующем общем собрании должны были решить другой вопрос. На основании общих статутів каждая секция имела право посылать одного делегата на с'езд. Но Женевский Интернационал мог послать больше тридцати делегатов.*) Это обошлось бы слишком дорого; ввиду этого, уже в прошлом году все секции Женевского Интернационала соединились вместе, чтобы послать в Брюссель сообщая, разделив между собой расходы, четырех делегатов. В этот раз, так как число секций значительно увеличилось, хотели послать пять делегатов. Совместная посылка делегатов была, конечно, очень удобна для секций строительных рабочих, так как эти секции были гораздо беднее секций фабричных рабочих. Последние, вдохновляемые и направляемые своими вождями, воспользовались этим обстоятельством и выставили своих ораторов, которые от имени всех своих товарищей, заявили на трибуне, что секции фабричных рабочих согласятся послать коллективно делегатов лишь при условии, чтобы из программы с'езда были вычеркнуты оба вопроса, о наследстве и собственности. Это было сигналом к второй буре.

Мы потребовали слово, чтобы объяснить строительным рабочим, что их оскорбляли, делая им такое предложение, покушались на свободу их совести, на их право; что лучше, если они пошлют только одного делегата, или совсем не посылать делегатов, чем послать пять или больше на условиях, которые им будут навязывать от имени секций фабричных рабочих и которые они не смогут принять. Тогда ораторы реакции опять поднялись на трибуну и запели вечную песню о единении, столь необходимом, чтобы составить силу рабочего класса; они напомнили строительным рабочим о вечной признательности, какую они должны были иметь по отношению к Женевским гражданам Фабрики за поддержку, оказанную им последними во время их стачки весной. Они предостерегали их в особенности против некоторых „иностранцев“, которые сеяли распри в Интернационале. На это „иностранцы“—Броссэ, Робен, Бакуини и другие—ответили, что в Интернационале не могло быть иностранцев; что благодарность и единение, разумеется, очень хорошие вещи, но что они не должны вести к порабощению и что лучше отделиться, чем стать рабами. В

*) Как уже было сказано выше, Бакуини преувеличивает число секций, существовавших тогда в Женеве. Дж. Г.

этот раз победа опять была за нами. Громадное большинство высказалось за оставление в программе обоих вопросов за назначение комиссий для составления по ним докладов.

Два или три дня спустя, было частное собрание всех секций фабричных рабочих в Temple-Unique. Г-н Гросселен превзошел себя в красноречии, не встречая никакой оппозиции. Он произнес трескучую речь против Броссэ, Робена, Бакунина, прозрачно намекая на них, клеймя их, как нарушителей мира, единения, общественного порядка в женевском Интернационале. „Им нечего у нас делать, этим иностранцам!“ говорил он, увлекаясь до такой степени, что забыл, что говорил не на каком нибудь собрании женевских граждан, а среди женевских рабочих, членов Интернационала, который не знает гражданской узости патриотизма и отечества. Кроссэ и Вери прибавили, один ругань, другой свою желчь к красноречию Гросселена, будущего государственного мужа Женевы.

Наконец, собравшиеся секции решили отделиться и назначили одного делегата, Анри Перрэ, секретаря Федерального Комитета, с императивным мандатом воздержаться от голосования по двум вопросам, отвергнутым Фабрикой. Они не назначили в качестве второго делегата Гросселена, во-первых из чувства экономии, во-вторых, они надеялись, что его назначат строительные рабочие. Союзники, друзья Фабрики, Кроссэ, Вери, оба брата Пайяр, Гета, Ротсетти, Патрю долго обрабатывали строительных рабочих с этой целью.

Раскол, следовательно, стал совершившимся фактом. Фабрика послала только одного делегата. Строительные рабочие, соединившись с портными и сапожниками, решили послать трех делегатов: назначены были Генг, Броссэ и Гросселен.*)

*) Бакунин ошибался, говоря, что Генг, Броссэ и Гросселен были делегатами от строительных рабочих, портных и сапожников: они были делегатами от всей женевской федерации. После того как секции фабричных рабочих решили назначить своим представителем специального делегата, Анри Перрэ, общее собрание 17 августа решило послать коллективную делегацию, состоящую из трех членов, избранную всеми секциями. В *Egalité* от 21 августа имеется следующая статья по этому поводу:

„17 августа было общее собрание всех женевских секций. Было решено послать в Базель трех делегатов от имени всех женевских секций французского языка. Каждый член или каждая группа могут пред-

Тем временем, Робен и Бакунин подготовили доклады, один об организации коллективной собственности, другой об упразднении наследственного права, оба доклада, разумеется, в самом утвердительном смысле. Их заключения были приняты почти единогласно.

Комиссия, на которую возложено было представить доклад по вопросу о всестороннем образовании, также сделала свой доклад. Здесь произошла очень странная вещь. Не комиссия делала этот доклад, а г-н Камбеседес, один из корифеев буржуазной радикальной партии, государственный деятель, не член Интернационала, и который в то время исполнял должность высшего инспектора всех женевских школ (если я не ошибаюсь). Разумеется, доклад его был составлен в сильно буржуазном духе. Он сохранял деление школ на две категории, для двух различных классов, под очень трогательным предлогом, что буржуа никогда не согласится посылать своих детей в школы, посещаемые детьми простонародья. Все остальное было в том же духе, так что наш друг Фриц Генг, член этой комиссии, который взялся прочесть этот доклад, не ознакомившись раньше с ним, остановился посредине чтения и наивно заявил, что доклад никуда не годится и не соответствует духу Интернационала.

Как случилось, что комиссия Интернационала приняла работу женевского буржуа-радикала? Это секрет, который Фабрика и г-н Кроссэ, союзник вожаков фабричных рабочих и член комиссии, одни могли бы объяснить.

Когда было объявлено о назначении Гросселена треть-

ставить кандидатов, которые будут внесены в список. Голосование будет тайное, каждый член должен написать на своем бюллетене три имени. Для получения права голоса нужно представить свою членскую карточку, удостоверяющую о соблюдении всех обязательств по отношению к своей секции. Голосование будет производиться:

„В субботу 21 августа, с 8 до 10 ч. вечера;

„В воскресенье 22 августа с 8 ч. утра до 4 ч. вечера;

„В понедельник 23 августа с 8 ч. до 10 ч. вечера.“

На Базельском съезде Генг, Броссэ и Гросселен были приняты, как „делегаты женевских международных секций“, Анри Перрэ, как „делегат женевских секций фабричных рабочих, часовщиков, ювелиров и рабочих по изготовлению музыкальных инструментов“

Дж. Г.

им делегатом от имени строительных рабочих *,) эти последние заявили единогласно, что он может быть их представителем на Базельском с'езде только в том случае, если обещает голосовать на нем за организацию коллективной собственности и за уничтожение наследственного права.

Это поставило его в курьезное положение. Он был главным сторонником предложения вычеркнуть из программы с'езда эти два вопроса, как утопические, несвоевременные и гибельные, предложения, вызвавшего раскол, а теперь он должен был взять на себя обязательство голосовать в утвердительном смысле по обоим этим вопросам на Базельском с'езде!

На последнем общем собрании, имевшем место перед с'ездом, он пытался выйти из этого смешного положения странным образом: он поставил вопрос на личную почву, взывал к личным чувствам: „Я вас люблю и вы меня любите, вы знаете, что я всегда был вашим другом; почему же вы не доверяете мне и принуждаете меня теперь принять условия, которые мое достоинство и совесть не позволяют мне принять?“ нам нетрудно было ответить ему, что речь здесь вовсе не шла о личных симпатиях или недоверии, что его очень любили и уважали, но что не могли ему принести в жертву коллективное право и принципы. Так как общее собрание почти единогласно высказалось за коллективную собственность и уничтожение наследственного права, то он должен был ответить категорически на вопрос: хотел ли он и могли ли голосовать по совести за то и другое

По нашему предложению собрание решило опять, что

*)Противоречие, существующее между словами Бакунина, который говорит, что Гросселен и его два коллеги были делегатами от строительных рабочих и фактом, засвидетельствованным *Egalité*, что эти три делегата были избраны „всеми жевевскими секциями французского языка“ (в Женеве были также немецкие секции, которые были представлены на Базельском с'езде Беккерем), разрешается следующим образом: общее собрание действительно решило, что все секции французского языка приглашаются принять участие в выборах трех коллективных делегатов; семь секций фабрики, уже назначившие своего отдельного делегата, воздержались; в голосовании 21 го 22-го и 23 го августа участвовали одни только секции строительных рабочих и несколько промежуточных секций (портные, сапожники, типографы), так что фактически, если это объяснение верно, как я полагаю, — Гросселен, часовщик, оказался выбранным строительными рабочими.

это голосование было обязательно для всех его делегатов в силу данного им императивного мандата.

Тогда Гросселен был вынужден публично снять с себя делегатские полномочия. Но случилось вот что: накануне или в день отъезда делегатов в Базель Центральный (кантональный) Комитет устроил заседание и, присвоил себе право, которого он не имел, ибо по статутам романской федерации, все его действия были подчинены решениям общего собрания,—и в данном случае он имел тем меньшее право, что речь шла о делегате не всех секций Интернационала, а только о делегатах секций строительных рабочих, которые посылали его на свои средства,—Центральный (кантональный) Комитет, говорю я, состоящий в этот раз почти исключительно из членов секции Фабрики, которые явились все на это заседание, тогда как большинство представителей других секций отсутствовали, решил, что Гросселен не должен обращать внимание на то, что произошло, и должен был отправиться в Базель, в качестве делегата от секций строительных рабочих, освобожденного от императивного мандата, данного ему этими последними.

И он действительно отправился туда и, неразлучный товарищ г-на Перрэ, делегата от Фабрики, он голосовал по всем вопросам вместе с ним.*)

Здесь собственно кончается мой исторический рассказ. Понятно теперь, какую ненависть должны питать против

*) На Базельском съезде административный доклад женеvских секций представил Гросселен. Закончив чтение доклада, он прибавил личное замечание, относительно своего мандата: „Он закаvчивает—сказано в протоколах съезда,—говоря, что Центральный Комитет предоставил ему полную свободу в решении вопросов о собственности и наследстве, с коллегами уж его было наоборот“. Но Броссэ выступил сейчас же с протестом: он заявил, что Гросселен получил, так же как Генг и как он сам, императивный мандат голосовать за коллективную собственность и упразднение наследственного права, что семнадцать секций дали им такой мандат. Очевидно, те, которые принимали участие в выборах делегатов 21-го, 22-го и 23-го августа. Если к этим семнадцати секциям прибавить семь секций Фабрики, которые делегировали Аври Перрэ, то получится всего двадцать четыре секции. Нужно заметить, однако, что общество рабочих по изготовлению музыкальных инструментов не входило в „группы женеvских секций и романской Федерации“. (Доклад Аври Перрэ).

нас, Перрона,*) Броссэ, Робена и меня, все главные вожди Фабрики и большинство их рабочих, которых им удалось настроить против нас всякими гнусными клеветами. В то время, когда мы были на Базельском съезде, они устроили даже против нас ловкую проделку в Женеве. Они созвали чрезвычайное собрание комитетов и на этом собрании всех нас троих, Перрона, Броссэ и Бакунина, предали суду, потребовав сначала ни больше ни меньше как нашего немедленного исключения, потом, немного смягчившись, помирились на том, чтобы нам было вынесено формальное порицание, заявив, что, если им не будет дано это удовлетворение, то все секции фабрики выйдут из Интернационала. Предложение было отвергнуто, — и секции фабрики не вышли из Интернационала.

С этого времени я совершенно не вмешивался в дела Интернационала. Так как я должен был по своим делам поехать в Локарно, то я даже снял с себя обязанности редактора газеты *Egalité*. По возвращении из Базеля, я оставался еще три-четыре недели в Женеве,**) но я почти не ходил или очень редко ходил, на заседания Интернационала и выступал только один раз, накануне своего отъезда***)

Что касается секции Альянса, то по возвращении из Базеля в Женеву, я участвовал только на одном ее совещании, на котором обсуждалось требование Федеральному Комитету о принятии секции в романскую Федерацию****)

*) Я забыл сказать, что в этот раз Перрон не отсутствовал и энергично поддерживал нас на общих собраниях; он был красноречив, логичен, увлекателен и много способствовал нашему торжеству.

(Примечание Бакунина).

**) Бакунин оставался в Женеве с 13 или 14 сентября по 30 октября.

***) На общем собрании 27 октября.

****) 6 августа (протокол комитета секции Альянса) было решено, „после долгих прений по вопросу о нашем вступлении в кантональную федерацию, что если мы не будем приняты, мы обратимся с требованием в Федеральный (кантональный) Комитет“. Так как центральный (или кантональный) Комитет отклонил, 16 августа, наше требование о принятии нас в кантональную федерацию, то нам оставалось только привести в исполнение решение 6 августа, что и было сделано на заседании комитета Альянса 28 августа: „Обсуждается вопрос, говорится в протоколе, о принятии нас в романскую Федерацию; все присутствующие члены согласны, что федеральный Комитет не имеет права отказать нам, так как наши программа и устав вполне соответствовали общим статутам“. В федеральный Комитет было послано составленное Бакуниным

Это требование было представлено 22 сентября 1869 г. Фрицем Генг, который был в одно и то же время секретарем секции Альянса и членом федерального Комитета, так же как и Дюваль, который, тогда еще верный Альянсу, поддержал предложение.

в последних числах августа письмо, но только после Базельского съезда; федеральный Комитет должен был высказаться по поводу этого письма на заседании в среду 22 сентября. На заседании комитета Альянса в пятницу 17 сентября, присутствующие спрашивают себя, что то произойдет? Так как поведение Гета стало явно враждебным, то Бакунин говорит, что его надо вычеркнуть из числа членов Альянса; но Дюваль предлагает подождать заседания федерального Комитета в среду 22 числа, чтобы посмотреть, каково будет его поведение. Дюваль спрашивает, кроме того, „что мы должны будем сделать, если федеральный Комитет ответит нам отказом; после прений по этому вопросу, решается, что в этом случае мы обратимся ко всем романским секциям с циркуляром“.

Макс Нетлау нашел и напечатал в Биографии Бакунина составленный последним проект письма Комитета Секции Альянса в романский федеральный Комитет. Нельзя с уверенностью сказать, тождествен ли этот проект с письмом, которое было в действительности послано, но мне кажется это вероятным. Вот этот проект:

„Международное Товарищество.

„В Федеральный Комитет романской Швейцарии“.

„Комитет Секция Альянса Социальной Демократии.

„Граждане!

„Вы знаете все недоразумения, какие вызвало создание Секции Альянса социальной Демократии“.

„Мы вступили по этому поводу в переписку с Лондонским Генеральным Советом, который, просмотрев нашу программу и наш устав, объявил их согласными с общими статутами, вследствие чего он единогласно признал нас, как регулярную секцию Международного Товарищества Рабочих.

„В качестве таковой, мы просили кантональный комитет принять нас в федерацию женевских секций. Решением, принятым 16-го сего месяца, под разными благовидными предложениями, которые все противоречат столь свободолюбивым и широким принципам Международного Товарищества, Кантональный Комитет нам отказал.

„Мы обращаемся к вам с протестом против этого решения и мы убеждены, граждане, что, более проникнутые, чем Кантональный Комитет, этими великими принципами, которые должны освободить весь мир, вы признаете наше неоспоримое право войти в Федерацию секций романской Швейцарии.

„Имеем честь представить вам наши статуты. Мы убеждены, что просмотрев их, вы признаете, что, вполне согласные как с общими статутами, так и с статутами романской Швейцарии, они доказывают серьезное желание нашей секции содействовать всеми силами достижению великой цели Интернационала, окончательному и полному освобождению рабочего класса. От имени Секции Альянса Социальной Демократии.

Председатель, Бакунин.

Секретарь, Генг.“

Федеральный Комитет не ответил нам отказом, но он отложил свое решение до более благоприятного момента, т. е. отложил его в дальний ящик.

Это решение было немедленно доложено на пленуме Секции Альянса*) Дювалем и Генгом, которые дали нам довольно интересные подробности относительно того, как было принято это решение. Федеральный Комитет состоял из семи членов, которыми были тогда: Гета, председатель; Анри Перрз, секретарь-корреспондент; его брат Наполеон Перрз, секретарь для Швейцарии; Мартен, Шена, Дюваль и Генг. Когда последний пред'явил письмо Секции Альянса с требованием принять ее в романскую Федерацию, на всех лицах появилось выражение большой нерешимости, чтобы не сказать смущения. Все начали говорить, что они сами были членами Альянса, за исключением Мартена. Никто не сомневался в том, что секция Альянса была регулярной секцией Интернационала, что, впрочем, было бы невозможно при наличии двух писем Эккарнуса и Юнга, написанных от имени Генерального Совета, и которые Генг представил им, и после того столь же решающего и всем им известного факта, что Секция Альянса послала своего делегата в Базель, который был принят, как таковой, с'ездом. Обязанность Федерального Комитета принять Секцию Альянса в романскую Федерацию была, стало быть, очевидна, бросалась в глаза, как говорил тогда наш бывший друг Филипп Беккер. Но с другой стороны, Федеральный Комитет не мог совершить этот акт справедливости, не вызвав большого неудовольствия всех вождей реакционной или женевской клики, которая поняла таки, что эта маленькая секция способствовала, однако, памятного фиаско, какое она потерпела в вопросе программы и посылки делегатов на с'езд. Как выйти из этой дилеммы?

Первым взял слово г-н Анри Перрз, великий дипломат женевского Интернационала. Он начал с признания, что Альянс был регулярной секцией Интернационала и при-

*) Первое собрание Секции Альянса, которое последовало за собранием федерального Комитета состоялось в поведельник 27 сентября; Бакунин председательствовал; было сообщено о решении федерального Комитета отложить ответ; Секция Альянса, Комитет которой 17 сентября решил, что в случае отказа федерального Комитета, будет разослан циркуляр всем романским секциям, решила пока ничего не предпринимать и подождать романского с'езда, который должен был состояться в апреле 1871 г.

знан, в качестве таковой, как Генеральным Советом, так и Базельским съездом; что это была, кроме того, секция с очень хорошими задачами, очень полезная, раз он сам входил в нее (он думал это, но в действительности он не был больше членом Секции;*) что требование ее вполне законно, но что Федеральный Комитет, по его мнению, должен был отложить принятие ее до дальнейшего времени, когда улягутся страсти, поднятые только что происходившей борьбой, и т. д., и т. д. Что касается г-на Гета, то он заявил откровенно, что он принял бы Альянс, что касается его, если бы в этой секции не было лиц, которые ему не нравятся, Мартен открыто высказался против. Шена спал. Решено было отложить принятие на неопределенное время.

Секция Альянса, выслушав этот доклад, сделанный Генгом и сопровождавшийся комментариями Дюваля, решила апеллировать против этого решения, или скорее против этой нерешительности федерального Комитета к будущему съезду секций романской Швейцарии.

В конце октября я оставил Женеву, куда вернулся только в конце марта 1870 г., и я просил, уезжая, своих друзей, Перрона и Робэна, заняться немного Альянсом. Они обещали.

Они не сдержали своего обещания; они не могли его сдержать, и я был неправ, просив их об этом, зная что тот и другой в сущности были против существования этой секции. Поэтому они сильно способствовали оба ее деморализации, дискредитированию ее среди друзей Юрской Фелерации и подготовили ее крушение, так как их убеждения и характер брали естественно верх над данным ими мне формальным обещанием.

Их система, (это говорится только для близких друзей) была диаметрально противоположна системе Альянса. Альянс всегда предпочитал многочисленным общим собраниям маленькие собрания в двадцать, тридцать, самое большее в сорок человек, беря себе членов из всех секций и выбирая по возможности наиболее искренно преданных делу и принципам Интернационала. Он не довольствовался только развитием принципов, он старался развивать характеры, вызвать единение, солидарное действие и взаимное доверие людей серьезных, с твердой волей; он хо-

*) Он был вычеркнут из списка членов.

тел, одним словом, создать пропагандистов, апостолов и, наконец, организаторов. Интригам женевской реакционной клики он хотел противопоставить революционную солидарность. Он не относился с пренебрежением к общим собраниям; наоборот, он считал их очень полезными, необходимыми в выдающихся случаях, когда нужно принять решительные меры, взять позицию с одного маху. Но даже для достижения этой цели, для того чтобы обеспечить себе эту победу, он полагал, что личная предварительная подготовка на маленьких собраниях абсолютно необходима, чтобы, через посредство этих подготовленных, сознательных личностей, сознание массы могло проникнуться истинным смыслом, значением и целью, скрывающимися в вопросах, предлагаемых на решение общих собраний. Альянс полагал, с большим основанием, что эта личная, столь необходимая, подготовка, что это создание выдержанных, прочных идей и убеждений невозможны на больших народных собраниях, на которых не может быть высказано многое очень важное и решительное и которые дают ораторам едва необходимое время, чтобы слегка коснуться главных вопросов. Наконец, на общих собраниях невозможно узнать лучших людей, личностей с твердым характером и волей, тех, кто в мастерских оказывает законное влияние на своих товарищей. Обыкновенно не эти выступают на собраниях; удерживаемые застенчивостью и каким то суеверным культом к ораторскому искусству, они скромно молчат и предоставляют говорить другим; так что, обыкновенно, с обеих сторон выступают одни и те же ораторы, повторяющие более или менее одни и те же стереотипные речи. Все это прекрасно для словесного фейерверка, но не годится или, по крайней мере, недостаточно для торжества революционных принципов и для серьезной организации Интернационала.

Перрон и Робен, поклонники парламентаризма, несмотря ни на что, платонические поклонники гласности, воображали, наоборот, что нужно делать все открыто и перед огромной публикой: посредством газеты, на собраниях и на общих собраниях. Все, что могло делаться вне этой системы общей и абсолютной гласности, не на виду у всех, казалось им интригой; они не были очень далеки от того, чтобы обвинять Секцию Альянса, если не в интригах, как это делала любезная Фабрика, то, по меньшей мере, в мелочной фракционности и узкой односторонности. Я не знаю.

не обвиняли ли они ее даже более или менее в интриге, что было до последней степени несправедливо и ложно.

Интриговали самым гнусным образом главари женевской клики, в особенности после их громкого поражения в конце августа. Они систематически распространяли, посредством своих агентов, которых они посылали на лесные дворы и в мастерские строительных рабочих, и посредством секционных комитетов, громадное большинство которых было им предано, самые гнусные клеветы против Броссэ, Бакунина, Перрона, Робена. Вся интрига Альянса, напротив, состояла в развитии, все более и более энергичном, принципов и революционной цели Интернационала и в раскрытии реакционных теорий и целей, а также подлых. . . . *)

Пока велась упорно эта работа, Альянс, несмотря на свою малочисленность, представлял силу; он был силой, в особенности, благодаря действительной искренней дружбе, взаимному доверию, которые господствовали в его среде. Каждый чувствовал себя в своей семье. Перрон и Робен внесли в Альянс совершенно иной дух. Во всей наружности Робена есть что то нервное, задирчивое, что, вопреки его самым лучшим намерениям, действует разлагающим образом в рабочих группах. Перрон с неприветливой наружностью, пренебрежительным и в то же время застенчивым видом, с некоторой женевской сухостью, которая так мало соответствует его скрытой сердечности и теплоте, скорее отталкивает чем привлекает к себе, — он отталкивает в особенности от себя строительных рабочих, невежество и грубость которых, повидимому, вызывают в нем по меньшей мере пренебрежение к ним. **)

*) Здесь Бакуниным пропущено одно слово в рукописи, вероятно, „действий“ или „клевет“, *Дж. Г.*

**) Это главным образом их вина, что Дюваль нас оставил; они находили оба, что Дюваль глуп, пустомеля и обращались с ним соответствующим образом. Они были неправы. Я знал тоже все слабости Дюваля, но пока я оставался там, он нам был вполне предан и часто очень полезен. Если бы я остался в Женеве, он никогда не оставил бы нас, ибо у меня был обычай никогда не пренебрегать ни одним из наших союзников и всегда поддерживать с ними связь. Я не довольствовался днями наших заседаний; я старался встречаться с ними каждый вечер в Кружке, стараясь всегда поддерживать в них их доброе расположение. Это иногда очень скучная работа, но необходимая; благодаря тому, что они не делали этой работы, Робен и Перрон оказались в день кризиса без поддержки, без друзей; и уход от нас Дюваля, очень влиятельного в секции столояров, причинил нам большой вред. *(Прислание Бакунина).*

Первое, стало быть, что они оба внесли в Альянс, это неуверенность и холод. Они принесли с собой туда, кроме того осуждение, которое они носили уже в глубине своего сердца и мысли, против Альянса; так что под их скептическим и ледяным дыханием все живое пламя, все взаимное доверие и вера Альянса в себя заметно уменьшились, и в конце концов совершенно исчезли. Наконец, они убили секцию, предложив ей, в качестве секретаря, мальчика, едва умевшего мыслить и писать, маленького Сутерланда, после чего они оба перестали присутствовать на ее заседаниях.

Они были неправы, ибо Альянс был единственным местом, где они могли бы назначать свидания и встречаться с самыми влиятельными и наиболее преданными строительными рабочими, беседовать с ними свободно, раз'яснять им смысл и цель вопросов, которые дебатировались в Интернационале, и обеспечить себя этим путем помощью масс строительных рабочих. В Кружке эта открытое раз'яснение было невозможно, ибо Фабрика ввела там систему шпионства, которая парализовала всякую свободную беседу. Вне Альянса оставалось, следовательно, единственное средство видаться с строительными рабочими: это идти к ним в мастерские; но помимо того, что это было слишком трудно и потребовало бы огромной траты времени, это было еще опасно в том отношении, что в мастерских можно было встретить агентов Фабрики и быть, больше чем когда либо, обвиненным в интригах. Робен и Перрон предпочли, стало быть, сложить все, что касалось лично пропаганды среди строительных рабочих, на Броссэ, Но Перрон, по крайней мере, должен был знать Броссэ. Несмотря на свои инстинкты, свой внешний вид и красноречие народного трибуна, это самый себялюбивый и тщеславный человек, самый непостоянный и недоверчивый в мире. Он может стать, временно и при данных обстоятельствах, превосходным орудием, но невозможно на него положиться, когда требуется продолжительная и постоянная работа. Когда еще была жива его жена, дело шло ничего себе. Это была мужественная женщина, верный друг; она была его добрым генем вдохновителем. Но после смерти своей жены Броссэ потерял половину своей общественной ценности. (Все это для близких друзей, и я надеюсь, что те, кто прочтет эти строки—даже если прочтет их Перрон, которого я не имею больше чести считать среди своих друзей,—не будут рассказывать Броссэ).

Наконец, деятельность и личная пропаганда Робена и

Перрона, носящихся исключительно с своей дорогой гласностью и пропагандой с барабанным боем и маленькими медальками,*) были ничтожны и по этому самому их публичная пропаганда как посредством газеты, так и на народных собраниях была осуждена заранее на полное фиаско.**)

Несчастливая кампания Перрона и Робена

Осень и зима 1869-1870 г.

(Для очень близких друзей)

* Всякий фельтмейстер, пользующийся небольшой известностью, знает секрет какогонибудь смертельного удара, который он никому не откроет и при помощи которого он почти уверен положить на месте своего противника.

Я давно пришел к убеждению, что Перрон думает, что он обладает секретом такого удара, способного сразить реакционную интригу и сделать его хозяином политики в Интернационале. Уже в конце весны 1869 г. он говорил мне: „Предоставь мне исключительное, абсолютное руководство нашей пропагандой и нашей деятельностью в женевском Интернационале и я отвечаю за то, что через короткое время мы одержим победу над нашими противниками, мы будем хозяевами“. На это я ответил ему, что я ничего не имею против, того чтобы послушаться его советов и даже последовать его тактике, тотчас же как только я смогу убедиться, что она хороша, но что для этого необходимо, чтобы он изложил мне сначала свой план действия, защиты и нападения, и чтобы он убедил меня, что план этот хорош. „Нет, ответил он, оставь меня одного действовать не вмешивайся ни во что, только при этом условии я беру на себя ответственность за успех.“ Т. е. он требовал ни больше ни меньше, как абсолютной диктатуры для себя и слепого подчинения с моей стороны; больше чем слепого подчинения, моего полного устранения. Это было слишком, не правда ли? Слишком со стороны Перрона в особенности, который, хотя и одаренный достойными уважения качествами, не доказал еще ни одним актом, что он обладает способностью и волею, силою и ясностью

*) См. прим. на стр. 132.

**) В конце этой страницы Бакунин написал: „Конец завтра“.

ума, необходимыми, для того чтобы диктаторски вести какое бы то ни было серьезное дело; слишком по отношению ко мне, на которого он, однако, не имел право смотреть, как на первого встречного.

Я чувствовал тогда большую — большую дружбу к Перрону, и у меня было большое доверие к нему, доверие, которое в то время начинало уже, однако, пошатываться, — такими странными мне казались его неуверенность, капризы, его каждый день меняющиеся суждения, небрежность, забывчивость, временами экзальтированный подъем, за которым почти всегда следовали невероятный упадок духа и явное равнодушие ко всему. Очевидно, это не была натура человека постоянного в своих мыслях, твердого и настойчивого в своих действиях, это была скорее натура сентиментального человека, поэта. Он не обладал характером диктатора, и если он считал себя в тот момент способным выполнить эту роль, ясно было, что он ошибался на свой собственный счет.

Не сердясь, я ему мягко напомнил, что между нами не может быть речи о диктатуре, что наш закон, это коллективное действие. (Теперь, когда друзья юрцы меня знают немного, я обращаюсь к их суду. Нашли ли они во мне тень диктаторских стремлений? Горячо и глубоко убежденный, когда я нахожусь среди друзей, я им излагаю, и при случае горячо защищаю перед ними, свои убеждения. Но хотел ли я когданибудь навязать их, или, когда большинство решало иначе, не подчинялся ли я всегда его голосованию? Мои юрские друзья убедились, надеюсь, что во мне вера, скажу почти исключительная, фанатическая, в коллективную мысль, волю и действие очень серьезна.) На все мои увещания Перрон отвечал: „или ты мне дашь одному действовать, или я ничего не буду делать.“ Конечно, я не мог согласиться на такой договор; и, действительно, с той поры, за исключением нескольких очень редких случаев, в которых он оказал нам очень полезную поддержку, он почти ничего не делал.

Накануне моей поездки в Локарно он был спящий; он был заметно доволен. Он мог, наконец, без всякой помехи с моей стороны, испробовать свой ловкий и смертельный удар. Он взял себе в товарищи, в советники, в помощники, как *alter ego*, Робена, с которым он, повидимому, был в больших ладах.

Я вышел из редакции газеты *Egalité* за два дня до поездки на Базельский съезд. Я формально заявил о своем уходе редакционный комитет, намереваясь поехать сейчас же после съезда в Тессинский кантон, остановясь лишь на несколько дней в Женеве. Я пробыл в Женеве гораздо больше чем, я думал; но занятый всякими делами, я не вмешивался больше в редакцию газеты и не ходил на заседания женевского Интернационала.

По моем возвращении из Базеля, Перрон спросил меня: „хочешь чтонибудь написать еще в газете? Если хочешь, то сделай это, чтобы закончить свой труд.“ Я ответил ему, что мне нечего было больше прибавить к идеям, которые я развивал в газете, и что я больше ничего не буду писать. „Хорошо, ответил он; ты выполнил свою миссию, теперь очередь за нами. Ты развил главные идеи, теперь нужно постараться, чтобы они вошли в сознание всех, заставить всех полюбить их, принять. Чтобы достигнуть этой цели, мы с Робеном решили переменить систему. Нужно теперь успокоить страсти. Для этого нужно понизить тон, говорить более примирительным языком и в газете и на собраниях Интернационала, заключить мир со всеми.“

Я ответил ему, что не очень верю в этот мир, но, что, быть может, они правы и что во всяком случае, не особенно надеюсь на это, я желаю им искренно обоим успеха.

Так как они хотели мира, а война была только с Фабрикой, ясно, что Перрон и Робен надеялись помириться с Фабрикой, не делая ей, однако, никаких уступок в области принципов, на что ни Перрон ни Робен не были способны. Знаменитый удар Перрона заключался, стало быть, в следующем: коллективную собственность, уничтожение государства и юридического права, столь горькие вещи для сознания буржуа, сделать такими милыми, сладкими, такими приятными на вкус, что Фабрика, несмотря на свою буржуазность с головы до ног, могла бы их проглотить и принять их, сама того не замечая.

Перрон и Робен вообразили, стало быть, что между Фабрикой и нами было только теоретическое разногласие, они не замечали, что, практически, нас разделяла пропасть. Они не принимали в расчет ни честолюбия, ни интересов главарей женевской клики, ни тесного союза, который уже установился между радикальной буржуазией и рабочими-буржуа Женевы, ни, наконец старой и сильной организа-

ции секций Фабрики, с их узким патриотизмом и женевским тщеславием.

Носящиеся с гласностью, как я уже говорил выше пренебрегая личной пропагандой, которая, быть может, противоречила их доктринерскому, слегка спесивому уму, как единственные средства они употребляли газеты и общие собрания, которые должны были устраиваться раз в неделю в Temple-Unique. Я забыл было медали и летучие листки. ¹⁾

Вооруженные этим оружием, они открыли свою новую кампанию, которая началась при чрезвычайно благоприятных обстоятельствах, обещавших успех. Фабрика, счастливая тем, что избавилась от меня, им мило улыбалась. Обе стороны встретились на одной из братских пирушек. Броссе, Робен и Перрон были приглашены и приняты с почетом. Утин, еще невинный и любезный, не решивший еще какой партии он должен держаться, чтобы сделать благодаря ей свою карьеру, начинал проявлять себя. Гросселен пил за здоровье редакции *Egalité*, заявляя, что эта газета стала теперь достойным органом Интернационала. Произшло объяснение в любви. Утин, растроганный, произнес какую то речь. Перрон и Робен приняли его в качестве третьего лица, как в некотором роде драгоценного помощника как в газете, и на общих собраниях. Новый Мессия, вскарабкавшись на их плечи, торжественно вступил в новый женевский Иерусалим.

Однако, накануне и в самый день отъезда я умолял Перрона и Робена остерегаться этого интригана еврейчика. Я знал его и знал, чего он хотел. Перрон мне ответил, что я „всегда занимался больше людьми, чем принципами.“ Я пожал плечами и замолчал. Не один я предупреждал их против Утина. Жук говорил мне, что он также не раз советовал Перрону не доверять этому господину, но Перрон также резко ответил ему, как и мне. Хотел бы я знать, что думает теперь об этом Перрон: кто из нас был прав, он или мы?

Общие собрания, на которые главным образом рассчитывали Перрон и Робен, обманули их ожидания. На них

¹⁾ Робен придумал медали для пропаганды, так называемые медали „Интернационала“, которые, вычеканенные из алюминия, могли продаваться по ничтожной цене; он выпустил также маленькие прокламации, левая сторона которых была смазана клеем, так называемые „бабочки“, предназначенные для того, чтобы их всюду расклеивать. Дж. Г.

редко бывало больше пятидесяти человек, из которых, по крайней мере, половина были случайными посетителями, которые приходили не для собрания, а по привычке, в кружок для того чтобы выпить кружку пива. Что касается человека тридцати внимательных слушателей, то это всегда были одни и те же. На собраниях этих дебатировались всевозможные вопросы, более или менее исторические и отдаленные, за исключением вопросов, которые действительно касались положения и организации женевского Интернационала: это были деликатные вопросы, которые разбирались при закрытых дверях комитетов и женевской олигархии. Другие вопросы мало интересовали аудиторию, к что число слушателей заметно уменьшалось. Впрочем, и собрания имели свою пользу: Утин, покровительствуемый Перроном и Робеном, научился там ораторскому искусству и готовил себе местечко в Интернационале.

Медали и летучие листки были бы очень полезны рядом с другими более действительными, более серьезными средствами. Но одни они оставались тем, чем были,—невинным занятием.

Оставалась газета. Первые номера были довольно невинны. Этого требовала осторожность. Нужно было переменить фронт так, чтобы это было незаметно. Но газета не могла оставаться долго в этом состоянии невинности. Или она должна была изменить своей миссии и превратиться в ничто. И вот, страшные вещи: коллективная собственность, уничтожение государства и юридического права, атеизм, социальная пропасть, разделяющая буржуазию от пролетариата, война, объявленная всякой буржуазной политике начали опять показываться в ней; и по мере того как они выплывали наружу, поднималась также буря, какую эти вопросы должны неизбежно и всегда вызывать в буржуазном сознании. Вери и Пайяр, два представителя реакции в редакции газеты, поддерживаемые Фабрикой, начали опять все настойчивее и громче свои красноречивые протесты; и так как Робен чрезвычайно нервный человек и мало терпеливый, то война снова началась,—и знаменитый удар оказался бессильным свалить врага.

Перрон во всей этой кампании очень плохо рассчитал. Он пренебрег пропагандой и организацией строительных

рабочих и наметил себе главной целью обратить Фабрику,¹⁾ точно женевскую Фабрику было так легко обратить. Я не говорю, что ее совершенно нельзя обратить. Юрские рабочие также рабочие часовщики. Они зарабатывают столько же, сколько и женевские рабочие, однако, это не помешало им со всей страстностью воспринять духом и сердцем все наши принципы. Правда, юрские рабочие не были организованы с давних пор в духе узкого и тщеславного патриотизма, как женевские рабочие. Все-таки я допускаю, что благодаря настойчивой личной пропаганде, можно было, и теперь можно, правда довольно медленно, переделать дух и чувства женевской Фабрики. Для этого нужно было бы сначала разыскать во всех секциях Фабрики наиболее передовые умы и сердца, и, разыскав их, заняться специально их развитием, в духе наших принципов, связаться с ними, часто встречаться с ними и не оставлять их до тех пор, пока они действительно не стали бы разделять эти принципы. Но это медленная работа, трудная, требующая много настойчивости и терпения, — качества, которых, к сожалению, недостает Перрону, также как и Робену; так что можно сказать, что они ни на один шаг не подвинули социалистические и революционные убеждения Фабрики.

Они пренебрегли строительными рабочими и оставили их, и не завербовали фабричных рабочих, так что в то время как они воображали, что с ними весь женевский Интернационал, строительная Секция и Фабрика, у них в действительности никого не было, даже Утина, их протеже и в некотором роде их приемного сына. Они воображали, что стоят на такой твердой почве, что считали себя достаточно сильными для того чтобы начать войну против Лондона. Помните этот знаменитый протест против линии поведения Генерального Совета, и против того, что он занимался исключительно английскими делами, протест составленный Робеном и Перроном, и посланный ими для подписи Юрской федерации, в Италию и Испанию? Он послан был мне тоже. Прочитав их имена и имя Гильома, я подписал его, чтобы не отделяться от своих друзей и не порывать солидарности, которая связывала меня с ними; но подписав его, я написал Гильому, что я о нем думал. По моему, это был с одной стороны, несправедливый протест и с другой — не-

¹⁾ Фабрика обнимала собой рабочих, занятых в производстве часов

политичный и нелепый. Очень хорошо для нас, что этот протест, увы! подписанный испанцами и итальянцами, был похоронен. Ибо, если бы он увидел свет, то-то стали бы кричать против нас и обвинять нас в интригах!¹⁾

Другое доказательство ослепления, в каком Перрон и Робен находились по отношению к своему собственному положению, к своей реальной силе, это способ объявления войны Верн. Небывалая вещь в Интернационале,—они выдвинули личный вопрос: „Он или мы; или он выйдет из

¹⁾ Я позволю себе для пояснения этого абзаца, привести здесь одно место из *Интернационала* (том I, стр. 269), где я говорил об инциденте, о котором упоминает здесь Бакунин:

„Когда Генеральный Совет послал различным комитетам, 16 января 1870 г., свое *конфиденциальное Сообщение* от 1-го января, Робен и Перрон, с своей стороны, в своем неуместном рвении предприняли один шаг, еще более неразумный, чем все статьи в *Egalité*, (статьи, в которых Робен нападал на Генеральный Совет). Они составили,—или скорее Робен составил, так как я думаю, что он один владел пером,—нечто в роде петиции Генеральному Совету, которую они дали подписать нескольким членам Интернационала, делегатам Базельского съезда, чтобы послать потом в Лондон. Не помню, в каких выражениях она была составлена. Все, что я могу сказать, это то, что они передали мне ее прося меня подписать. Я имел слабость дать свою подпись. Затем они послали эту петицию также другим, между прочим, Севиньову в Барселоне и Бакунину в Локарно. Бакунин и Севиньов подписали и последний послал затем этот документ Варлену в Париж. Мы читали по этому поводу следующее в обвинительном акте против тридцати восьми членов Интернационала, обвиняемых в том, что они входили в тайное общество (заседание 22 июня 1870 г. 6-й камеры Исполнительного трибунала в Париже): „Севиньон из Барселоны (Испания), один из делегатов Базельского съезда, передает Варлену, 1-го февраля, документ, полученный им из Женевы, и который он просит, после того, как он будет подписан членами Интернационала в Париже, переслать Ришару, который доставит его в Женеву. Это петиция Генеральному Совету сделать более тесной связь с Сообществом, путем частых и регулярных сношений.“ (*Третий процесс Интернационала в Париже, стр. 42*). Посылая Варлену этот документ, Севиньон писал ему: „следует ли еще заметить вам, следящему, без всякого сомнения за современным движением Франции, что самые серьезные события могут возникнуть со дня на день, и чрезвычайно печально, что Генеральный Совет давно не ведет деятельной переписки с теми, кто окажется во главе революционного движения?“ Мне помнится, что Варлен заметил Робену,—как Бакунин заметил мне,—о неуместности предлагаемого шага: после этого замечания авторы петиции отказались послать ее в Лондон.

Из слов Бакунина („Было очень хорошо для нас, что этот протест был похоронен...“) видно, что он не знал в тот момент, что „петиция“ была послана в Париж Севиньоном, что письмом Севиньона Варлену было прочитано во время процесса в июне 1870 г., потом напечатано в томе, изданном Ле-Шевалье и что, следовательно, Маркс мог знать о попытке Робена и Перрона. *Дж. Г.*

редакции, или мы"! 1) Они ошиблись в двух вещах. Во-первых, они думали, что если они выйдут из редакции, то никого не найдется, чтобы редактировать газету; они не приняли в расчет тщеславия Вери и интриг Утина. Вери, поддерживаемый глупым поведением Фабрики, был счастлив возможностью печатать свои длинные статьи, которые обыкновенно не принимались двумя первыми редакциями. А Утин, змееныш, стогретый на их груди, ждал только момента, когда он, вооруженный своим ужасным хвостовством, своим медным лбом и своей рентой в пятнадцать тысяч франков, может получить их наследство. С другой стороны, они вообразили, что огромное большинство женевского Интернационала было за них, — а не нашлось никого чтобы их поддержать. Так что когда, осуществив свою угрозу, они удалились, никто не удерживал их, никто не плакал. Наконец, последнее их фиаско был их плач, комбинированный вместе с другом Джемсом для перенесения федерального Комитета и в особенности редакции газеты на Юру. Этот проэкт так хорошо держался в тайне, что на следующий же день он был разглашен в Женеве²⁾; и это

1) Вот, как Робен рассказал сам (в оправдательной записке, составленной им в 1872 г.) об этом инциденте Вери, результатом которого было то, что *Egalité* попало в руки Утина: „Война началась по поводу замечания, появившегося в газете относительно библиотеки, которая была закрыта три с половиной месяца, под предлогом ремонта, который в действительности не производился. Бедняга (Вери), озлобленный благодаря ужасной болезни, которой он страдал, одновременно входивший в состав библиотечной комиссии и в совет редакции, явился в этот последний и начал нас оскорблять, так что мы должны были потребовать от него, чтобы он подал в отставку под угрозой, что иначе мы выйдем все. Он отказался, мы вышли.“ Семь членов редакционного комитета *Egalité* из девяти заявили о своем уходе письмом от 3 января 1870 г. Романский федеральный комитет в восторге принял отставку и известил романские секции (циркуляр от 5 января 1870 г.), что он „принял необходимые меры, чтобы помочь оставшимся членам редакции в их работе так, чтобы газета не переставала выходить до романского съезда, который состоится в апреле месяце.“ Оставшиеся члены были Вери и Ф. Пайяр; федеральный комитет дал им в товарищи Утина и Ж.-Ф. Беккора; последний, накануне еще горячий друг Робена и Перрона, превратился на следующий же день в их отчаянного противника: он получил инструкции из Лондона. Все подробности этой печальной и в то же время смешной истории находятся в *Интернационале*. т. I. Дж. Г.

2) Читая это место Бакунина можно подумать, что между Робеном, Перроном и мной, и еще другими друзьями был составлен план, который должен был держаться в секрете, но который был веловко разглашен, благодаря чьей то нескромности. В действительности не было никакой тайны в этом проэкте вырвать *Egalité* из рук Утина, который

было главной причиной бури, которая должна была разразиться позднее в Шо-де-Фоне. После чего Робен уехал в Париж¹⁾, а Перрон, знаменитый тактик со своим секретом ловкого удара и неудавшимся диктаторством, удалился, надувшись, в свой шатер.

Утин один наполнил пустоту, образовавшуюся в Женевском Интернационале после их одновременного ухода.

Необходимо теперь чтобы я сказал несколько слов о г-не Утине. Он слишком большая особа, чтобы можно было его обойти молчанием.

Утин, Маккавей и Ротшильд женевского Интернационала.

Сегодня вечером я хочу позабавиться. Я отложу до завтра продолжение моей второй статьи против Мадзини²⁾ и постараюсь нарисовать портрет г. Николая Утина.

Сын очень богатого откупщика винной торговли, — самая гнусная и самая выгодная в России, — Утия, нужно ли это говорить? еврей по рождению и, что хуже, русский еврей. У него его лицо, темперамент, характер, манеры, вся его нервная натура, одновременно нахальная и трусливая, тщеславная и торгашеская. Кроме двенадцати

забрал редакцию мошенническим способом; мы объявили публично, что будем требовать от съезда романских секций решения перенести газету из Женевы. Вот, что мы читаем в *Memoire de la Fédération jurassienne*, стр. 98: „С этого времени (января 1870 г.) обсуждалась в юрских секциях идея предложить романскому съезду, который должен был состояться в апреле, перенести газету в другой город, чтобы удалить ее от вредного влияния реакционной среды. Съезд должен был также избрать новый романский федеральный Комитет: никто из нас задолго до этих событий не думал оставлять его два года, подряд в Женеве, так как было решено в принципе переводить его каждый год в различные города: весь вопрос был в том, какой город после Женевы окажется в наилучшем положении, чтобы стать в продолжение 1870-1871 г. местопребыванием федерального Комитета; и колебался между Локлем и Шо-де-Фонем. Эти вполне законные переговоры по поводу готовящихся предложений романскому съезду, из которых никто не думал делать тайну, были предствлены позднее женевскими инвамышлящими, как заговор; они упрекали нас, как в преступлении, в том что мы смели думать о том чтобы перенести, как этого требовали статуты, газету и федеральный Комитет в другой город.“ — Бакунин, который находился в Локкарно с ноября 1869 г., был очень неполно осведомлен о том, что происходило в Женеве и на Юре после его отъезда; и не подозревая этого, он повторяет здесь то, что говорили наши противники, клика из *Temple Unique*. Дж. Г.

1) Вначале февраля 1870 г.

2) 24 августа Бакунин послал мне 79—98 страницы Доклада об

тысяч франков в год, которые ему в настоящее время дает отец, он унаследовал еще от него и его гнусной торговли,—в которой в детстве, до юношеского возраста он принимал деятельное участие,—гений и традицию грязных сплетень, коварства, интриги. У него медный лоб; ему ничего не стоит солгать. Он глубоко лжив и, когда ему нужен ктонибудь, для его тщеславия или алчности, он становится любезным, ласковым, льстивым; люди, не посвященные, сказали бы, что это лучший малый в мире. Нельзя сказать, чтобы он был дураком; напротив, вместе со страстью ко лжи, он обладает хитрым умом, всем плутовством эксплуататоров людских слабостей и глупости. Но он также глупец, влюбленный в себя. Вот его главная слабость, Ахиллесова пята, подводный риф, о который он всегда будет разбиваться. Он подыхает от чрезмерного тщеславия, которое в конце концов всегда выдает всем его истинную натуру. Его умственные способности очень небольшие. Я встречал мало людей, ум которых был бы столь бесплоден, как его. Очень усидчивый, он читает всевозможные книги, но не понял ни одной из них. Он в действительности неспособен понять идею. Благодаря упорной работе, он удержал в памяти массу фактов; но эти факты ему ничего не говорят, они его давят и только еще больше выдвигают наружу его глупость—ибо он приводит их вкривь и вкось и по большей части выводит из них нелепые следствия. Но если он не в состоянии понять истинный смысл идеи, он изощряется в фразеологии. Он живет, дышет фразой, тонет в ней. И главная цель, последнее слово этой фразы, это он. Он находится в вечном самопоклонении. Все его идеи и убеждения, которые он меняет в зависимости от потребности момента, только пьедестал, служащий для того чтобы приподнять его маленькую особу.

Спрашивается, каким образом такой ничтожный человек мог подняться до роли диктатора, какую он играет теперь в Женевском Интернационале? Этот вопрос разрешается очень просто. Во-первых и прежде всего, среди общей бедноты он является счастливым владельцем годовой

Альянс. На следующий день 25-го, дневник его показывает, что он начал писать „вторую статью против Мадзини“, потом прервал вечером эту работу, чтобы приняться опять за составление Доклада. Мысль на чертить портрет Утиана приводит его в восторг, поэтому он и начинает этой фразой: „Сегодня вечером я хочу позабавиться.“ *Дж. Г.*

ренты в двенадцать или пятнадцать тысяч франков; прибавьте к этому страшное тщеславие и честолюбие, медный лоб, отсутствие добросовестности, абсолютное равнодушие ко всем принципам и удивительное интриганство. Это настоящая натура демагога, за вычетом храбрости и ума.

Благодаря могуществу своего отца, он мог обойтись без гимназических экзаменов и в 1860 — 1863 г.г. был студентом петербургского университета. Это была эпоха крупного политического и социалистического брожения в России. В петербургском, московском, казанском университетах происходили сильные беспорядки. Эти волнения молодежи имели серьезную основу, но в них много было также шумного задора. Они были серьезны, поскольку оказывали поддержку народному движению, в особенности движению крестьян, которые были в таком возбуждении на всем протяжении империи, что все в России, даже официальные круги думали, что была близка революция.

Движение молодежи казанского университета имело положительную связь с крестьянским движением. Что касается студентов московского университета и в особенности петербургского, они поднимали шум, как артисты, для забавы и чтобы удовлетворить своему дешевому тщеславию. В то время была мода на заговоры, и заговоры устраивались безопасно. Правительство, ошеломленное, не мешало; и молодежь открыто составляла заговоры, громко крича о своих революционных планах.

Можно себе представить, как прекрасно себя чувствовал г. Утин. Он катался, как сыр в масле. Это было его царство, царство фразы и дешевого героизма. Он называет себя учеником, другом Чернышевского. Я ничего не могу сказать положительного в этом отношении, ибо кроме самого Утина, никто никогда не мог мне ничего сказать о характере могущих существовать между ним и Чернышевским отношений. Но я уверен, что он лжет. Чернышевский был слишком умен, слишком серьезен, слишком искренен для того, чтобы он мог переносить такого деланно экзальтированного, бесстыдного фразера и влюбленного в себя мальчишку, как Утин. Вероятно, с его отношениями с Чернышевским дело обстоит так же, как с его якобы дружескими отношениями с Серно-Соловьевичем. Вы читали или слышали о его речи, произнесенной на открытии памятника

на могиле Серно?*) В этой речи Утин говорил о своей дружбе с последним, о их взаимной симпатии, говорил, что Серно поощрял его русскую пропаганду. На самом деле, Серно относился с глубоким отвращением к Утину; он говорил о нем всегда с презрением. „Если ктонибудь заставил меня относиться с омерзением к слову революция, сказал он мне как то, так это Утин“. По всей вероятности, так же было и с Чернышевским.

Утин эмигрировал в 1863 г., летом. Начались преследования, а Утин не был человеком, который стал бы подвергать себя опасности. Он любил ее только в воображении и издали. Я встретил его в Лондоне в обществе Огарева, по своему возвращении из Стокгольма. Он мне совсем не понравился. Он мне показался, очень тщеславным, большим фразером и все.

С тех пор я его не видал больше в продолжение четырех лет, что я провел в Италии. Я встретил его снова в 1867 г., в Женеве, куда я приехал, чтобы принять участие на съезде Мира. Я обратил на него так мало внимания в Лондоне, что когда он представился мне, я его не узнал. Но с тех пор он не отходил от меня. На этом съезде я приобрел некоторую популярность: этого было достаточно для Утина, чтобы он захотел во что бы то ни стало сделаться моим другом. Он мне тогда еще больше не понравился, чем в Лондоне. Он ненавидел Герцена, который, вопреки тому, что думал Маркс, никогда не был моим другом,**) и Утин не раз повторял мне; „Я говорю всем, кто спрашивает мое мнение: Я сторонник Бакунина, не Герцена“. И, действительно, многие мои французские друзья, Рэй, Эли Реклю, Наке и другие меня спрашивали: „Кто этот маленький господинчик, который твердит нам постоянно, что он ваш сторонник, а не Герцена?“

После этого я опять потерял его из виду. Но с января до октября 1868 г. я имел счастье видеть его каждый день и мог изучать его. Мы образовали около Веве нечто в роде маленькой русской колонии: были Жуковский с женой, г-жа

*) Открытие памятника имело место 26 декабря 1869 г., на кладбище Plainpalais (в Женеве). В *Egalité* был дан отчет об этом, в номере от 1 января 1870 г.

**) Бакунин хочет сказать, что Герцен никогда не был его „политическим“ другом, участвовавшим вместе с ним в революционной деятельности.

Левашова, сестра Жуковской, княжна Оболенская, Мрук*), Загорский. Затем прибавились Утин с женой.

Восемь-девять месяцев, проведенных, вместе больше чем достаточно, чтобы изучить досконально этого господина. Результатом этого взаимного знакомства было, с моей стороны, глубокое отвращение, а с его неутолимая ненависть.

Жук в то время предложил мне основать русскую газету. Муж г-жи Левашовой дал для этой цели тысячу рублей Жуку. Но г-жа Левашева, которая возгорела безумной страстью к Утину, хотела непременно, чтобы последний принял участие в редакции газеты. Между нами и Утиным было абсолютное несходство,—не идей, ибо собственно Утин никогда не имел никаких идей и говорил, что мы должны принять принципы, какие русская молодежь найдет нужным в нас влить,—было абсолютное несходство характеров, темпераментов, целей. Мы хотели само дело, Утин заботился только о себе. Я долго противился всякому союзу с Утиным. Наконец, я устал и уступил; и после короткого опыта, так как деньги были собственно г-жи Левашовой, я оставил Утину газету вместе с ее названием**).— Я никогда не кончил бы, если бы принялся рассказывать все жалкие и гнусные интриги Утина.

Прежде чем вступить в Международное Товарищество, я был интернационалистом. Утин, наоборот, выдавал себя за патриота, националиста говоря, что интернационализм—измена по отношению к отечеству. На этом основании он не хотел ехать на Бернский с'езд. Однако, он поехал на этот с'езд и играл там самую смешную роль.

Когда, решив выйти из Лиги Мира и Свободы, мы собрались, мои друзья и я, чтобы держать совет, какую нам вести линию поведения, Утин, не приглашенный, явился к нам. Я попросил его удалиться, сказав, что мы хотели остаться одни. Можете представить его бешенство! В этот вечер мы основали Альянс, и вы понимаете, что Утин должен был сделаться отъявленным врагом Альянса.

После Бернского с'езда я перебрался в Женеву, и с октября 1868 г. до сентября 1869 г. я встретил его случайно раза три или четыре. Летом 1869 г. в двух русских

*) Польский майор Валерьян Мрочковский, известный позднее под именем Острога.

**) Газета называлось *Народное Дело*. Бакунин сотрудничал только в первом номере, вышедшем 1 сентября 1868 г.

воззваниях, одном, подписанным моим именем, переведенным на французский язык и напечатанном в газете *Liberte*^{*)}), другом без подписи, я напал на идеи или, скорее, на смешные фразы его русской газеты, что конечно, не увеличило его дружбу ко мне. Я уверен, что он никого и никогда ненавидел больше, чем меня.

Это не помешало ему, когда мы встретились на Базельском съезде, куда он явился, окруженный своей женской свитой, играть роль публики, назвать себя публично еще раз моим другом. Он видел, что я был довольно влиятельным и это ему, без сомнения, импонировало. Он принял участие в банкете, имевшем место после съезда, и произнес обычную речь о женщинах, вообще, и о русских женщинах в частности. И нужно сказать, он должен им поставить большую свечу. Этот еврейчик имеет особенную привлекательность для этих дам, они липнут к нему, как мухи к куску сахара, и он вертится среди них, и распевает победоносно как петух в своем курятнике. Они преклоняются перед ним, восторгаются его горячей самоотверженностью, его еврейским героизмом и его фразами. И нужно ему отдать справедливость, он умеет извлекать пользу из этих дам. Он превратил их всех в пропагандисток и интриганток для себя. Они воспевают всюду его добродетели и, бесстыдные как и он, клеветают на всех, кто осмеливается ему не понравиться. Я, разумеется, стал им ненавистен. На Базельском съезде эти дамы, управляемые великим стратегом, разделили между собою роли. В особенности английские делегаты, которые показались им, вероятно, наиболее глупыми и которые в глазах Утина имели заслугу быть более или менее друзьями Маркса и в то же время членами Генерального Совета, сделались специально предметом предупредительности и кокетства этих дам.

Итак, в этой речи, произнесенной во хвалу „нашим сестрам“, Утин, говоря обо мне, употребил следующее выражение: „Г. Бакунин, мой соотечественник и друг“; после чего он подбежал ко мне и сказал: „Вы не сердитесь на меня, не правда ли, что я назвал вас своим другом?“ — „Нисколько“, ответил я. После чего мы разошлись и встретились в Женеве раза два-три. Накануне своего отъезда,

¹*) *Несколько слов моим молодым братьям в России.* Напечатано во французском переводе в Женеве (в форме брошюры, в мае 1869 г.) и затем в Брюссельской Газете *Liberte* от 5 сентября 1869 г.

прийдя проститься в Интернационал, я имел случай лишь возразить ему на несколько глупостей, высказанных им с трибуны**). С тех пор мы больше никогда не встречались.

Утин приехал в Женеву с двумя определенными целями, одной внушенной ему свирепой ненавистью ко мне, другой — его тщеславным честолюбием: уничтожить меня и сделаться великим мужем женевского Интернационала. Благодаря ловкости, умелой тактики и энергичной деятельности его друзей, он мог осуществить ту и другую.

В то время как наши два друга Перрон и Робен, носившиеся со своими стратегическими планами, считавшимися ими непреложными, духовно уверенные в своем торжестве, которое казалось им неизбежным, как настоящие отвлеченные теоретики, какими они были оба, шли по начертанному ими себе пути, ничего не видя и не стараясь даже наблюдать за тем, что происходило вокруг них, Утин, как практический человек, начал свою двойную интригу.

Первое, что он, разумеется, сделал, это распространил против меня в женевском Интернационале самые гнусные клеветы. По моем возвращении в Женеву человек двадцать по крайней мере, среди которых приведу Броссэ, Линдеггера, Дегранжа, Дешусса, Пинье, Сутерланда, Жука, самого Перрона, одного сапожника, и многие другие еще, имена которых я забыл, передали мне ужасные вещи, которые он распространял обо мне: я жулик, интриган, мерзкий человек и нечестный в своих личных отношениях и т. д. Эта ненависть и это упорство в распространении клевет против меня были главным пунктом сближения между ним и главарями Фабрики. Их соединенные усилия увенчались полным успехом. Когда я оставил Женеву в октябре 1869 г., все строительные рабочие, за очень небольшим исключением нескольких человек из комитетов особенно завербованных женевской кликой и голосовавших вместе с ней, — были такими большими друзьями, мочми, что пришли ска-

***) На общем собрании 27 октября 1869 г., отчет с которым имеется в Egalité от 30 октября, Утин произнес дливную похвалу трэд-унионам, которые он предлагал, как „модели солидарности и хорошей организации сопротивления“. Бакунин заметил, что „трэд-унионы имели гораздо менее радикальную цель, чем Интернационал, так как они стремились только улучшить положение рабочего в существующей среде, а Интернационал преследовал полное социальное преобразование, уничтожение власти хозяина и наемного труда“.

зять мне прощаясь со мной: „эти Господа из Фабрики думают оскорбить нас, называя бакунистами; но мы им ответили, что мы предпочитаем, чтобы нас называли бакунистами, чем реакционерами.“ Но когда я возвратился в Женеву в конце марта 1870 г., я нашел их, если не всех враждебными по отношению ко мне, то по крайней мере всех предубежденно настроенными и недоверчивыми; я никоим образом не мог способствовать этой перемене, их по отношению ко мне, потому что в продолжение пяти месяцев своего отсутствия я не вел ни малейшей деятельности и не имел даже никаких сношений, ни прямых ни даже косвенных, с женевским Интернационалом. Эта перемена очевидно, следовательно, была работа моих врагов.

А что сделали мои друзья: чтобы защитить меня? ничего. Они не знали о гнусных клеветах, распространяемых против меня? Они не могли не знать о них, так как их повторяли в их присутствии. Но они боялись себя скомпрометировать, без сомнения, и скомпрометировать свой знаменитый стратегический план, защищая меня против несправедливых, смешных и гнусных нападок. Я не ручаюсь даже за то, что Перрон не испытывал некоторого удовольствия, видя меня опозоренным. Я его раздражал и, не желая сознаться в этом себе самому, он ненавидел уже меня, как упрек, большей частью немой, но тем не менее чувствительный для него, его фантазиям и слабостям. Без сомнения, он не особенно хорошо сам сознавал это,—мы не любили сознаваться себе в подобных чувствах,—но он извинял свое невмешательство и свой нейтралитет в этом случае принципом, который я часто слышал в его устах и который всегда считал глубоко ложным: „Что не нужно заниматься личностями, а только принципами“. Что касается меня, который никогда не мог понять, чтобы принципы могли действовать без вмешательства людей им преданных и объединившихся во имя их, я всегда придавал большое значение людям, пока они остаются верными принципам и как по инстинкту так и по сознательному убеждению, я всегда практиковал эту такую естественную и такую простую заповедь, быть другом друзей и врагом врагов моих союзников и друзей, которым я остаюсь верным до смерти или до тех пор, пока они не изменили сами договору солидарности. Правда, Перрон делает одно исключение своему правилу абсолютного равнодушия к вопросам личностей. Он остается спо-

койным, когда нападают на его друзей, но становится свирепым, когда нападают на него самого. Вот Жук, например, другое дело: он прощает оскорбления даже личные. Он оставался восторженным поклонником г-жи Левашовой, нимфы Эгерии Нумы—Утина.—Однако, она не щадила для него ни оскорблений ни презрения.

Одним словом, ни Робен ни Перрон ничего не сделали для моей защиты против клевет Утина. Больше того: зная, что он клеветал на меня, который еще считался их союзником, их другом, они взяли его третьем в свою газету и в свою пропаганду; Робен, оставляя Женеву, передал ему все бумаги, касающиеся этой последней.

Утин оставался им верным в продолжение некоторого времени. Они оба представляли революцию против реакции, и он, который всегда выдавал себя за крайнего революционера, не мог прилично сразу перейти на сторону реакции. В начале борьбы Перрона и Робена против Веря, он увлекся до такой степени, что назвал публично шпионом этого бедного Веря на собрании Центральной Секции. Но когда наши два друга пустили в ход этот знаменитый удар, который, по их расчетам, должен был быть смертельным для их противников; когда газета, покинутая ими, осталась без редакции; когда благодаря интриге подготовленной задолго Беккером и Утиным, Фабрика сама предложила этому последнему взять на себя редакцию газеты, Утин счел момент благоприятным чтобы открыто заявить себя союзником Фабрики. И бедный Перрон, со всей своей искусной стратегией и со своим знаменитым смертельным ударом, остался с носом.

Таким образом открылось царство Утина.

ТРИУМВИРАТ

Утина, Беккера и Аяри Перре.

Мы знаем теперь Утина. Теперь надо выяснить себе характер двух других членов этого триумвирата.

Аяри Перре.

Этот портрет нетрудно нарисовать. Это Талебран в миниатюре реакционной партии женевского Интернационала. Очень нечистоплотный в своей личной жизни, презренный и презираемый своими согражданами, он держится в их среде благодаря своей замечательной эластичности и безграничной угодливости. Как и у Утина, у него нет никаких идей, никаких убеждений, которые бы были его и были

бы священны для него; он сообразуется всегда с духом людей, среди которых он находится, голосует всегда вместе с большинством и преследует только одну цель, держать поверх воды свою маленькую барку. С нами он был коллективистом, анархистом и атеистом. Когда Фабрика поднялась против нас, видя, что нельзя быть и здесь и там, он повернул против нас. Его вечное стремление, это оставаться всегда генеральным секретарем с тысячью восьмистами или, по крайней мере, тысячью двумястами франков жалованья и быть во главе дирекции и финансовой администрации газеты. К несчастью для него, он сумел приобрести и сохранить за собой титулы, но не деньги. По крайней мере, до сего времени¹⁾. Впрочем, тщеславный хвастун и болтливый, как сорока, лживый всем улыбающийся и всем изменяющий, он был естественным союзником Утина, говорливость которого, интригуство, медный лоб, бесстыдной лживости и в особенности и в особенности пятнадцать тысяч ренты должны были производить на него сильное впечатление.

Филипп Беккер.

Этот портрет гораздо труднее нарисовать, ибо рядом с дурными чертами, жалкими, презренными он имеет бесспорно почтенные черты. Начнем с последних.

.....

(На этом обрывается рукопись)

¹⁾ Эти странички рукописи (99-111) были мне присланы 27 августа; на обратной стороне последней Вакунин написал: „Прочти конец моего доклада об Альянсе, стр. 99-111.—Мне очень мало что остается прибавить: портрет Филиппа Беккера, их триумвираторские подвиги в продолжение зимы 1869—1870 г. до с'езда в Шо-де-Фонде. Все остальное вам также хорошо известно, как и мне самому.“ *Дж. Г.*

¹⁾ Вакунин оставил у себя эту страницу (112), на которой он закончил портрет Анри Перве и написал первые три строки портрета Беккера. Но он не продолжал дальше.—Макс Нетлау нашел эту страницу в рукописях Вакунина и напечатал ее содержание в Биографии. *Дж. Г.*

Часть II

Послание
моим итальянским друзьям.

П о с л а н и е

моим итальянским друзьям,

по поводу рабочего съезда, созванного в Риме
на 1 ноября 1871 г. Мадзинистской партией.

Дорогие друзья,

Тот, кто читал поистине вероломное письмо, адресованное Мадзини представителям рабочих на Римском съезде*), должен был понять, если он мог еще сомневаться до сих пор, что съезд этот был созван по наущению Мадзини, чтобы совершить целый переворот, не революционный, против системы правления, существующей ныне в Италии, но реакционный против новых идей и новых стремлений, которые, со времени славного и богатого опытом восстания Парижской Коммуны, начали вызывать заметное брожение среди пролетариата и молодежи Италии.

Нужно ли вам объяснять, как и почему Мадзини ненавидит эти идеи? Он достаточно сам говорил об этом во всех своих статьях, печатанных им в *Roma del Popolo*, в которых он сознательно клеветал на Парижскую Коммуну и на наше прекрасное великое Международное Товарищество Рабочих, принципы и действия которого—выражение стремлений народных масс Европы и Америки,—естественно противоречат установлению в Италии его теократической, авторитарной и централизованной Республики.

Мадзини, очевидно, испугался нового движения, которое происходит в настоящее время в Италии. Напрасно он нападал на него в своих статьях с известной вам неспра-

Письмо напечатанное в газете *La Romade Popolo*, от 12 октября 1871 г. и в *Dorotee*, от 15 октября 1871 г.

ведливой и неистовой страстью, удивившей и опечалившей даже его сторонников и самых близких друзей. Он превзошел в своих оскорблениях и клеветах сами версальские официальные газеты.

Он одно время надеялся, что его крупный авторитет и имя достаточны, чтобы остановить это спасительное и неизбежное движение, которое толкает ныне все живое в Италии, т. е. пролетариат и наиболее умную, наиболее благородную часть молодежи, присоединить свои усилия к усилиям единственной организации, представляющей революционное движение Европы и Америки и не имеющей иной цели, кроме действительного и полного освобождения масс. Я говорю о Международном Товариществе Рабочих, которое объединяет в братский союз революционных социалистов всех стран и которое в настоящей момент насчитывает в своих рядах миллионы членов.

Против него борются в настоящее время все правительства и все духовные и мирские представители реакционных политических и экономических интересов в Европе. С неменьшим остервенением борется против него и Мадзини, потому что существование и невероятный рост Интернационала разрушают и рассеивают все его мечты; потому что он видит, что в его мессианскую и классическую Италию вторгается чужеземное варварство; потому что он хочет воздвигнуть вокруг нее стену, не китайскую, а теологическую, чтобы изолировать ее от всего мира, дабы иметь возможность дать ей „национальное воспитание“, основанное исключительно на принципах его новой религии, и которое одно может сделать ее способной исполнить в третий раз в течение своей истории религиозную и мировую миссию, какую определил ей Господь Бог.

Но оставим шутки, дело очень серьезное.

Видя, что его статьи недостаточны, чтобы остановить грозный поток, Мадзини придумал другое средство; и по приказу из Рима несколько итальянских областей послали Пророку и Учителю адреса, в которых они соглашались с его выступлением и осуждали, как и Мадзини, Париж и Коммуну.

Это был прискорбный факт, целый скандал: итальянские рабочие, отрекающиеся от международной солидарности с своими товарищами по нищете, рабству и страданиям и клеветавшие на благородных борцов, мучеников Парижской Коммуны, которые совершали свою революцию

ради всеобщего освобождения; и это в тот самый момент, когда версальские палачи сотнями расстреливали их и тысячами сажали в тюрьмы, оскорбляли, мучили, не щадя ни женщин ни детей. Если бы эти адреса были верным выражением чувств итальянского пролетариата, это было бы позором, который итальянский пролетариат никогда не мог бы смыть с себя и который заставил бы отчаяться в будущем этой страны. К счастью, это не так, ибо все знают, каким образом были сфабрикованы эти адреса.

Это было лишь повторением того, что произошло в России в 1863 г. во время последнего польского восстания. Петербургские и московские так называемые патристические газеты проклинали польское восстание, как мадзинистские газеты проклинали восстание Парижской Коммуны. Они указывали на союз всех революционеров Европы, поддерживавших Польшу, как теперь мадзинистские газеты указывают на Интернационал, который поддерживал Парижскую Коммуну и который даже, когда версальские теологи убили ее, имел величественное мужество громко выразить в наименее свободных странах, как Германия, при военном победоносном правительстве Бисмарка, свои горячие симпатии принципам и героям Коммуны.

Один только итальянский пролетариат молчал; или если и говорил, то против Коммуны и против Интернационала. Но это не он говорил: это официальный мадзиньянский мир осмелился оскорблять и клеветать от его имени.

Как в России, в 1863 г., адреса, составленные в высших сферах и полные ругательств, направленных против несчастных, но всегда героических поляков и благословений царю, были отправлены во все города, волости и деревни с наставлениями властям и священникам какнибудь заставить подписать их народ; так и в 1871 г. Рим, ставший центром двойного иезуитизма,—иезуитизма папы и иезуитизма Мадзини,—разослал наставления всему официальному мадзинистскому персоналу, рассеянному по всем городам Италии, внушить, продиктовать всем рабочим организациям адреса, наполненные ругательствами против Коммуны и Интернационала и благословениями Мадзини. Несколько организаций подписали эти адреса, не отдавая себе отчета в том, что они делали.

Но эти единичные и в очень небольшом количестве адреса не произвели никакого действия. Они не встретили отклика и остались погребенными в мадзинистских газетах,

которые сами сторонники Мадзини читают скорее по обязанности, чем ради удовольствия. Тогда Мадзини задумал великий план, который, если он удастся, обеспечит, конечно, по крайней мере на некоторое время, ему и его реакционным, губительным для свободы идеям нечто в роде диктаторской власти в Италии.

План его таков:

Созвать в Риме,—будущей столице мира,—к 1-му ноября съезд представителей от рабочих всей Италии. Благодаря интригам мадзинистов, рассеянных по всем городам Италии и везде более или менее влиятельным,—интригам, которые бесплодны отныне поднять Италию, но еще в состоянии благоприятствовать всюду реакции, будут сделаны и уже делаются неслыханные усилия, чтобы делегаты, посланные в Рим рабочими организациями, согласились признать диктатуру Мадзини. Таким способом надеются составить мадзинистский съезд, который от имени двенадцати тысяч итальянских рабочих должен будет предать анафеме Парижскую Коммуну и Интернационал, провозгласить „Национальную мысль“, программу Мадзини, и назначить „Руководящую Комиссию“, нечто вроде правительства итальянского пролетариата, составленную из мадзинистов, наиболее слепо преданных и подчиненных абсолютной диктатуре Мадзини. Тогда пророк и его партия, опираясь на это торжественное народное признание их, предпишут,—не итальянскому правительству, перед которым они будут более безоружными и бессильными, чем когда либо, но итальянской молодежи, мятежникам свободной мысли, настоящим революционерам, атеистам, итальянским социалистам, склонить голову пред этой „национальной мыслью“, под страхом быть обвиненными в восстании против воли народа и измены отечеству. Вот опасность, угрожающая вам. Я прекрасно знаю, что она не так велика для вас, как это воображает Мадзини. Я знаю, что он слишком ошибается, как и всегда, относительно последствий этого съезда, даже если предположить, что результат его будет вполне благоприятным для него.

Действительно, предположим, что все произойдет так, как он этого желает, все, что будет сделано в Риме, будет лишь фикцией, и итальянская действительность, несколько не изменившись, будет по-прежнему совершенно обратной мадзинистским мечтаньям.

Возможно, наоборот, что после этого съезда, благодаря некоторого рода естественной реакции, революционно-социалистическое движение станет еще сильнее в Италии.

Но отсюда не следует, что мы должны покориться философски торжеству, даже временному, Мадзини. Во-первых, это торжество может длиться слишком долго, а затем, вообще, „никогда не надо позволять своим врагам торжествовать, когда имеешь возможность помешать им это, или, по крайней мере, уменьшить их торжество“. Борьба смертным боем со своим противником, не давать ему ни покоя ни отдыха есть доказательство энергии, жизненности и нравственности, какие обязана иметь всякая живая партия, как по отношению к самой себе, так и по отношению ко всем своим друзьям. Партия достойна жить, и способна победить только при этом условии. Наконец, есть другое соображение, гораздо более важное, и которое должно заставить всех наших друзей ехать в Рим, чтобы бороться против Мадзини, против его клевет и его вредного учения: это пагубное действие, какое этот съезд итальянского пролетариата, если он будет проведен согласно желаниям Мадзини, не премнет произвести за пределами Италии на революционный пролетариат всего мира.

Италия, представленная на этот раз не правительством, не официальными и привилегированными классами, а рабочими представителями народа, опозорит себя, публично приняв сторону реакции против революции.

Представьте себе, что должны будут почувствовать революционные социалисты всех стран, когда они узнают, что этот народный съезд оскорбил и проклял Коммуну и Интернационал и что, осудив Италию осуществить идеи Мадзини, он решил сделать из нее новый теологический Китай в Европе!

Вот, чему надо помешать, чему вы должны помешать. Я скажу вам потом, как вы можете и должны будете сделать это; а пока рассмотрим послание Мадзини. Я никогда не читал ничего более вкрадчивого, более иезуитского, чем это послание. Оно начинается с уверения в уважении к воле и самостоятельности мысли народа.

Я не присваиваю себе права—говорит Мадзини—управлять вами и выступать за вас (ложь! все это послание стремится к этой цели); слишком много людей говорят ныне от вашего имени и повторяют высокомерную русскую фразу:

„Нужно научить рабочего, что он должен хотеть“ (клевета! ни один русский социалист никогда не говорил этого, ни один революционный социалист не мог этого говорить. Это Мадзини, а не мы, преподает „обязанности“, т. е. учит, что надо хотеть). Но мне кажется—продолжает он (слушайте!)—что я могу сказать вам, чего хорошая и искренно итальянская часть нации ждет от вас.

Что вы скажете на это? Можно ли быть большим лезвием, более лукавым? Мадзини не хочет управлять рабочими; но в то же время он объявляет им, чего хорошие и искренние итальянцы ждут от них.

Не правда ли, это значит заранее заявить, что, если резолюции съезда будут противоположны тому, чего хотят от него эти „хорошие“ или даже только будут отличаться от того, чего они ждут, они будут дурными и анти-итальянскими. Но что же подразумевает он под словом „управлять“?

И какая эта „хорошая, и искренняя итальянская“ часть народа, от имени которой он чувствует себя в праве говорить?

Это не может быть, конечно, итальянский пролетариат, так как рабочие делегаты на съезде должны знать его стремления и желания гораздо лучше, чем Мадзини. Следовательно, это должна быть итальянская буржуазия, если только это не исключительно мадзиннистская партия, т. е. сам Мадзини.

Послушаем советы Мадзини:

Вы должны—говорит он—ратифицировать снова ваш договор и учредить, как представительницу его, такую власть, которая обладала бы условием действительной, мощной и длительной жизни. И это самое важное, что вы могли бы сделать. (Еще бы. Власть, уничтожающая всякую свободу! Вот по крайней мере, чистый мадзиннизм!) С того дня, как вы сделаете это, начнется коллективная жизнь итальянских рабочих.

Стало быть, коллективная жизнь не в народных массах, эти массы, по мнению Мадзини, лишь механический агрегат личностей, общественность существует только у власти и может быть представлена только ею. Мы постоянно наталкиваемся на эту проклятую фикцию государства, которое поглощает и сосредоточивает в себе естественную коллективную жизнь народа и которое по этому самому, вероятно,

и считается ее представителем, как Сатурн представлял своих сыновей, по мере того как он пожирал их.

Таким образом, продолжает Мадзини, вы создадите орудие, чтобы при помощи его дружно идти вперед. (Т. е. вы создадите себе начальство, которому исключительно будет принадлежать всякая инициатива и без позволения которого вы не сможете сделать ни одного шага. Вы превратите всех итальянских рабочих в пассивное и слепое орудие в руках Пророка). И вы сможете тогда (но только тогда, и это понятно) создать связь с своими братьями других стран, которую мы все желаем и хотим (кто все? мадзинисты при помощи смешной, потому что бессильной системы, установленной Республиканским Союзом Мадзини—*Alleanza Repubblicana*), но связь, признанную национальной конценцией (т. е. союз, заключенный и признанный исключительно центральной властью против всей рабочей массы), и не входя в качестве отдельных личностей или небольших групп в огромные иностранные, плохо организованные общества (тут речь идет об Интернационале), которые начинают вам говорить о свободе, чтобы неизбежно прийти к анархии и деспотизму центра и города, в котором находится этот центр. (Анархия, это мы, сторонники уничтожения государства в Интернационале; деспотизм—немцы в Интернационале и Лондонский Генеральный Совет, сторонники централизации, народного государства).

Мадзини любит деспотизм, он слишком пророк, слишком жрец, чтобы не обожать его; только, из уступая духу времени он называет его „свободой“. Мадзини хочет римский деспотизм, но не лондонский; а мы не жрецы и не пророки и одинаково отвергаем как лондонский, так и римский деспотизм.

Весь этот параграф имеет главной целью сделать невозможным учреждение Интернационала в Италии. Он определенно запрещает как личностям, так и местным рабочим группам примыкать к Интернационалу, и установить прямую братскую связь с ним. Он дает это право только правящей и центральной власти,—благослови ее, Господи, и чорт ее побери!—которая будет установлена в Риме; что неизбежно приводит к уничтожению автономии инициативы, независимой жизни, мысли и действия, словом, свободы всех мест-

ных рабочих организаций и всех итальянских рабочих, взятых в отдельности.

Что касается связи с Интернационалом, то нечего опасаться, чтобы „Центральная Комиссия“, руководимая Мадзини, заключила братский союз с этим „иностранным сообществом“, которое проповедует принципы диаметрально противоположные принципам итальянского Пророка Отсюда неизбежно последует абсолютное одиночество итальянского пролетариата, который будет находиться в стороне от огромного солидарного движения европейского и американского пролетариата.

Этого именно и хочет Мадзини. Это будет смерть Италии, но в то же время торжеством мадзинистского Бога.

Очевидно боясь, чтобы какие нибудь анти-мадзинистские элементы, какая нибудь социалистическая или атеистическая мысль не проникли на съезд, Мадзини принимает предосторожности. Он советует выработать прогрессистский порядок дня,—это слово „прогрессистский“ в данном случае поистине смешно и употреблено здесь, очевидно, только для того, чтобы пустить пыль в глаза рабочим и повторить лишний раз одно из любимых выражений святейшей мадзинистской теологии,—итак, значит, прогрессистский порядок дня, который должен исключить из обсуждения съезда все религиозные, политические и социальные вопросы: Мадзини полагает, что он недостаточно еще магнетизировал итальянских рабочих и, следовательно, боится, что они уступят своим естественным инстинктам и примут сторону свободы против лжи мадзинистской теологии.

Пусть несколько человек среди вас, говорит он, составят прогрессистский порядок дня, который исключит из программы съезда до тех пор, пока не будет достигнута цель (т. е. учреждение мадзинистской диктатуры), всякие дискуссии по религиозным, политическим и социальным вопросам, по поводу которых съезд может ныне только выносить декларативные резолюции, легкомысленные и смешные по своему беспилию. Когда будет достигнута цель, когда будет закончена внутренняя организация вашего класса (абсолютное подчинение итальянских рабочих диктатуре Мадзини), вы будете обсуждать, если у вас будет время, какие вам угодно вопросы.

Это „если у вас будет время“ прямо восхитительно. Еще один поистине изумительный фокус! И вся тактика Мадзини, как я докажу в ряде статей, предпринятых мною против него, есть не что иное, как сплошное мороченье, цель которого доставить торжество, при помощи всеобщего избирательного права и сила народных мускулов, теократической авторитарной системе, противной инстинктам, потребностям, всем стремлениям народа, и создать именем народа и за его счет орудие угнетения против него самого.

Если у вас не будет времени на то, вы предоставите Центральной Власти изучить вопросы, которые вы найдете важными.

Не достаточно ли это ясно? Все принципиальные вопросы будут решаться Центральной Комиссией, первым опытом мадзиннистского Государства-Церкви. Народные массы, т. е. местные группы и организации, не должны ни рассуждать ни спорить: они должны повиноваться и верить. Жизнь всех, поглощенная и искаженная в центре, парализованная и бездейственная на всей периферии: так хочет Бог Мадзини, уничтожающий и пожирающий Италию.

Страна (читайте: буржуазия) смотрит на вас с тревогой, внимательно и сурово (я думаю, что у этой буржуазии суровый вид, раз она имеет своими представителями и ангелами-хранителями жандармов); если она встретит на вашем съезде, как на других съездах, имевших место за пределами Италии, бурю разнородных мнений (т. е. жизнь, энергию, страстную и живую мысль и волю, которые имелись у Италии в такой большой степени в эпоху ее наибольшего процветания, в средние века, когда она была жива), необузданно длинные речи (ложь! На съездах Интернационала никто не имеет права говорить больше четверти часа и больше двух раз по одному и тому же вопросу), бесполезные и по поводу вопросов, обсуждаемых поверхностно (опять ложь! Обо всех вопросах, обсуждаемых на наших съездах, Генеральный Совет извещает за три месяца до съезда, предварительно сговорившись со всеми нациями; потом местные организации во всех странах изучают и обсуждают эти вопросы в продолжение трех месяцев, так что делегаты их являются на съезд почти всегда с императивными мандатами. Запретить местным организациям и народным съездам обсуждать самые

важные и самые жизненные вопросы, это, значит, об'явить — что, впрочем согласно программы Мадзини, — что народ неспособен их понять и что он должен полагаться на решения святейшей власти), страна (т. е. буржуазия, сброд подлых привилегированных, которые обирают и угнетают народ), считая вас за совершенно неопытных и непродуманных, найдет преждевременными (т. е. очень опасными для своих привилегий) выдвигаемые вами пути.

Но то, что следует дальше, поистине великолепно и показывает нам степень незуитизма Мадзини. Запретив съезду обсуждать религиозные, политические и социальные вопросы, и все это с явным намерением помешать антимадзинистам выразить свои идеи, он рекомендует делегатам съезда сделать два „маленьких заявления“, которые должны сразу разрешить эти вопросы в исключительно мадзинистском смысле. Это верх политической и теологической ловкости! Слушайте:

Только два заявления, мне кажется, требуются, как введение и общая инструкция власти, которую вы изберете (и которая давно уже готова в голове тайного мадзинистского комитета. Какой незуитизм! Общая инструкция, которую мадзинистская власть сама составила посредством мадзинистского съезда! Можно ли смеяться с большим бестыдством над народным простодушием? Политический деспотизм вместе с религиозным лицемерием — настоящая тактика Тартюфа! необычайными обстоятельствами, в каких находится большая часть Европы. (Речь идет, стало быть, о том, чтобы противопоставить Италию, как реакционную преграду революционному движению Европы. Но тогда все европейские монархи поспешат заказать портрет Мадзини, и после его смерти святая католическая церковь будет поклоняться ему, как святому).

Не надо создавать себе иллюзий! Страна (буржуазия, Consorteria), которая начинала благосклонно относиться к успехам вашего движения (где и когда буржуазия показала эту благосклонность? Может быть, когда Consorteria и правительство ввели своих верных людей или свои клеатуры, — префектов, полицейских, титулованную сволочь, официальную или официальную, — в качестве почетных членов во все рабочие организации Италии? Помимо этого систематического развра-

щения рабочих организаций, какую другую благосклонность оказывали им? Никакой, и Мадзини прекрасно это знает. Почему же он лжет?) и подвергать внимательному анализу все, что писалось нами и другими в пользу справедливого и неизбежного поднятия вашего социального положения (еще бесстыдная, гнусная ложь. Разве не знают все в Италии, что официальные лица и итальянская буржуазия, и сам Мадзини вместе с ними, начали заниматься социальным вопросом только со времени восстания Парижской Коммуны и только благодаря спасительному ужасу, какой возрастающее развитие Интернационала внушает всем привилегированным? Если бы весь социализм ограничивался жалкими писаниями Мадзини, в высшей степени анти-социалистическими, полными обманчивых обещаний для народа и действительного утешения для богатых буржуа, никто не обратил бы внимания на движение пролетариата, как никто не обращал на него внимания раньше. И Мадзини осмеливается требовать для себя и для своих честь за то, что, обязано единственно действию Коммуны и Интернационала, против которых он борется! Подлинная натура теолога!), со времени последних французских событий (которые — одни только пробудили, не нравственный интерес, но пораженное ужасом внимание „страны“ к пролетарскому вопросу) с ужасом отвачивается от вас и расположена в данный момент поддержать глупую и безнравственную теорию сопротивления, более или менее принятую, в ущерб вам, всеми правительствами.

Теперь ясно видно, что Мадзини называет „страной“ привилегированный класс, так как он сознается, что эта „страна“ начинает подло склоняться на сторону правительственной реакции. И это об этой то официальной „стране“ Мадзини осмеливается сказать: „Страна тревожно и внимательно смотрит на вас“? И для того, чтобы отвратить от себя суровый жандармский гнев этой низкой сволочи, которая для Мадзини составляет страну и чьим представителем он сам теперь является, итальянский пролетариат должен отречься от своих братьев Парижской Коммуны и Интернационала, героизм и сила которых вывели, наконец, буржуа из их презрительного равнодушия? И ради чего это? Для того, чтобы, принять мадзинистский социализм, вернуть буржуазии, потерянную ею самоуверенность, ко-

торая ей необходима для того, чтобы спокойно пользоваться своими привилегиями. Поистине, не разберешь, где гнусное, где смешное в этих словах Мадзини!

Дикое вторжение, я не скажу учений, а произвольных и нерациональных отрицаний русских, немецких, французских демагогов явилось возвестить миру, что, для того чтобы быть счастливым. Человечество должно жить без Бога, без Отечества, без личной собственности и, для более последовательных и более смелых, без коллективной святости семьи под сению муниципалитета каждой коммуны; и эти отрицания, благодаря ли безумному желанию новизны или обаянию силы, проявленной парижскими сектантами, встретили отголосок в меньшинстве нашей молодежи.

Вот форменный донос пролетариату на избранную часть итальянской молодежи. Намёренное ясно. Раз эта молодежь не хочет больше служить органом для пропаганды мадзиннистских идей, Мадзинни старается дискредитировать ее, рисуя ее, как атеистов, анти-патриотов, врагов частной собственности, семьи и т. д. не замечая, даже не подозревая, что эти идеи уже назревают с некоторых пор в пролетарских массах а что они будут развиваться все больше и больше. И все это для того, чтобы помешать единственному, что может спасти Италию, союзу этой молодежи с народом.

Человечество смотрит и проходит мимо (какая красивая фраза! Кто же это Человечество, скажите на милость? Мадзинни, Петрони, Саффи, Бруско и т. д.; только, они не „проходят мимо“, но останавливаются, чтобы оскорбить и оклеветать нас), но нерешительная колеблящаяся, трясущаяся, легковверная буржуазия нашего времени („Страна“) страшится малейшего призрака. Владеющая часть (А! А!) Страны, от крупного собственника до бедняка маленькой лавченки, начинают подозревать во всяком рабочем движении угрозу капиталу (и она права подозревать его в этом, потому что освобождение пролетариата невозможно без радикальной перемены в отношениях между капиталом и трудом), являющемуся иногда результатом наследства, чаще всего заработанному своим трудом! если только этот труд не состоял в эксплуатации труда пролетариата; ново таком случае, банкиры, жулики и разбойники также раб-

тают, и работают усердно, и депутаты в парламенте также ревностные работники), и она имеет право быть спокойной.

Мадзини, очевидно, взял на себя эту задачу, и он выполняет ее очень хорошо! настолько хорошо, что до тех пор, пока рабочие массы будут находиться под его руководством, буржуазия может спокойно спать. Но за то, и в силу этого именно, рабочий будет оставаться жалким рабом, единственным утешением которого будут векселя на небесное блаженство, которые даст ему Мадзини.

Но я знаю—продолжает он,—что эти безрасудные теории не ваши (он все знает, этот святой!) и поэтому я говорю вам: Важно для успеха вашего восходящего (к мадзиннистской нелепости) движения и для Страны (нерешительной, колеблющейся и трясущейся буржуазии!), чтобы вы заявили об этом, важно, чтобы все знали, что вы не идете вместе с людьми, которые проповедуют эти теории (т. е. с Парижской Коммуной, с Интернационалом и с этой сознательной и благородной частью итальянской молодежи, которая одна только, без всякой задней мысли, посвятила себя народному делу; и чтобы народ слепо, глупо, реакционно, как бы решившись на чудовищное самоубийство, бросился в святые реакционные объятия Мадзини, осудив себя и своих сыновей вместе с собой на вечные нищету и рабство), что вы верите в священное слово „Долг“ (т. е. во всю мадзиннистскую теологию с его лживым социализмом), что вы стремитесь подготовить будущее, а не разрушить путем насилия настоящее (насилие позволяется только для свержения существующего правительства, для того чтобы заменить его мадзиннистским правительством).

И во втором заявлении, заключающемся уже в вашем братском договоре, вы должны по моему, еще раз подтвердить что вы не разделяете экономическую проблему от нравственной (Интернационал так мало разделяет обе эти проблемы, что он провозглашает вторую, как нераздельное и непосредственное следствие первой) что вы чувствуете себя прежде всего итальянцами (следовало бы сказать, что будучи итальянцами, чего никто не может отрицать, вы чувствуете себя и хотите быть прежде всего людьми); что, хотя вынужденные обстоятельствами заниматься главным

образом улучшением условий своего класса (вот весь социализм Мадзини) вы не можете и не хотите оставаться чуждыми и индифферентными всем великим вопросам, обнимающим всех ваших братьев (буржуа) и общий прогресс Италии.

Поэтому, вероятно, Мадзини запрещает рабочему съезду обсуждать великие религиозные и политические вопросы. На первый взгляд это второе заявление, предлагаемое Мадзини, не представляет ничего неразумного; но присмотревшись к нему ближе, вы открываете в нем новую западню. Какие это великие вопросы, которые он ставит вне экономического вопроса, как будто бы они были совершенно чужды последнему и как будто бы они должны интересовать другие классы больше, чем рабочие массы?

Это религиозный вопрос и вопрос политический; но, отдельно от экономического вопроса, эти два вопроса могут быть разрешены только против пролетариата, как это всегда бывало в действительности до сих пор.

Интернационал обсуждает эти вопросы, и Мадзини не может простить ему такую дерзость; но Интернационал обсуждает их, как вопросы нераздельные от экономического вопроса, и отсюда происходит то, что он разрешает их в пользу пролетариата.

Интернационал не отвергает вообще политики; он необходимо должен будет вмешиваться в политику, пока он принужден будет бороться против буржуазного класса. Он отвергает только буржуазную политику и буржуазную религию, потому что первая устанавливает грабительское господство буржуазии, а вторая ее санкционирует и освящает. Буржуазия священна. Мадзини хочет запретить пролетариату в колесницу буржуазной политики, а этого то мы и не хотим совершенно.

Но, продолжает Мадзини, когда снова будет подтвержден братский договор и сделаны будут эти два заявления, из которых одно вас отгораживает от зла (от Коммуны, от Интернационала, от мировой революции), а другое связывает вашу судьбу с судьбами Италии (с авторитарной, теологической и буржуазной политикой), вы заботливо займетесь, надеюсь, внутренней организацией.

Составьте в Риме Центральную Пра-

в ящую Комиссию (правительство, Государство—Церковь пролетариата) из пяти рабочих, взятых среди лучших из вас.

Изберите Совет, составленный из тридцати или больше членов, выбранных среди делегатов различных местностей, представленных на съезде и присоединившихся к договору, которым будет поручено следить, каждому из того города, где он живет, за действиями Центральной Комиссии.

Не находите ли вы, что это будет очень серьезный надзор? Центральная Комиссия, снабженная полномочиями для разрешения всех вопросов, даже принципиальных, чуть ли не диктатура, обретающаяся в Риме; и для наблюдения за ней Совет, состоящий из несколько десятков рабочих, рассеянных по всем городам Италии, и лишенных, стало быть, всякой возможности сговориться между собою. Правда, для решения наиболее важных вопросов Центральная Комиссия обязана созывать их, но так как созыв будет обходиться дорого и так как рабочие вообще и итальянские рабочие в частности не богаты, то ясно, что Совет никогда не будет созываться. Мадзини предоставляет Совету право в текущих делах вносить предложения, если, однако, инициатива их будет исходить от определенного числа членов Совета, что предполагает постоянную переписку между ними, невозможную для рабочих. Ясно, что все, что Мадзини предлагает для того, чтобы ограничить диктаторскую власть Центральной Комиссии и следить за ней, смешно, и диктатура остается во всей ее полноте.

Мадзини предлагает, кроме того, создание еженедельной газеты, руководимой Комиссией, и официального органа, содержащего труды и пожелания рабочего класса (т. е. основание газеты, посредством которой, от имени итальянских рабочих, Мадзини будет навязывать итальянской демократии свою теологическую политику, как национальную мысль).

Такова, по моему мнению, заключает Мадзини, должна быть в настоящий момент ваша задача. Моя задача, если вы выберете комиссию, будет вручить ей отчет (а почему не Съезду?) о подписке, открытой мной в пользу вас,

и представить ей соображения, какне продиктуют мне мое сердце и ум.

Вот последнее слово: Мадзини диктатор, и в его руках весь рабочий класс Италии, скованный, парализованный, уничтоженный в пользу Центральной Комиссии, которая сама будет управляться Мадзини и станет орудием теократической республиканской реакции.

Наконец, идут священные фразы с существительными Любовь и глаголом Любить, склоняемых и спрягаемых на различные манеры, и фокус проделан.

Но, не надо забывать, дорогие друзья, что я обвинял и обвиняю еще Мадзини в обмане, но не как личность, а как политика и теолога. Как личность, Мадзини остается по прежнему самым чистым назапятнанным человеком, неспособным сделать малейшую вещь не только несправедливую и низкую, но даже общедозволенную ради удовлетворения своих личных интересов, тщеславия или личного честолюбия. Но как политический деятель, как теолог, это самый отъявленный плут, быть может, потому что политика и теология не могут существовать без плутовства. Он считает, стало быть, нужным принести эту жертву ради торжества своего Бога.

Резюмируем в нескольких словах его предложения рабочим Италии:

1. Он предлагает им опозорить себя и отделиться от всего мира, отмежеваться от революции, предав торжественно анафеме Парижскую Коммуну и Интернационал. В вознаграждение за это он не позволяет им даже, заметьте, высказаться за Республику и навязывает им эту двусмысленную фразу--„они должны держаться в стороне от всех великих политических и нравственных вопросов, волнующих страну“;

2. Он предлагает рабочим Италии самим уничтожить себя, отказавшись от своих мыслей, от своей жизни в пользу Центральной Комиссии, которая будет управляться исключительно Мадзини.

Последствия:

а) Римский съезд опозорит Италию и бросит ее в сторону реакции против революции;

б) Он выроет пропасть между передовой и революционной молодежью и пролетариатом Италии во вред обоим;

в) Он парализует всякое идейное движение и всякую деятельность, всякое проявление самостоятельной жизни

внутри рабочих масс, так как движение и жизнь возможны только там, где существует полная независимость местных рабочих товариществ; а внутренняя организация, предлагаемая Мадзини, не имеет, очевидно, иной цели, как разрушить эту независимость и создать чудовищную диктаторскую власть, сосредоточенную в Риме в его руках. Местная рабочая организация не сможет, стало быть, отныне ни предпринять что либо, ни обсуждать, ни хотеть, ни думать без позволения этой пагубной центральной власти. Она не будет даже иметь право что либо предлагать центру, так как это право принадлежит исключительно тридцати членам Совета Надзора. Еще меньше она будет иметь право, я не говорю войти в прямые и непосредственные сношения с рабочими организациями других стран, но даже выразить им свою симпатию; так как это право принадлежит только Исполнительной Комиссии, и Интернационал будет предан анафеме Римским Съездом. Что же останется на долю местных рабочих организаций? Ничтожество, извращенность, смерть. Они смогут, конечно, как в прошлом, забавляться небольшой взаимопомощью и попытками производительной и потребительной кооперации, которые в конце концов вызовут в них отвращение ко всяким товариществам;

г) Но, взамен, съезд этот даст Мадзини большую силу, по крайней мере временную, потому что главная цель его превратить всю рабочую массу Италии в пассивное и слепое орудие в руках мадзиннистской партии, чтобы изгнать из итальянской молодежи свободную мысль и революционную деятельность. Это последнее слово этого съезда.

А теперь я спрашиваю себя: Допустит ли это итальянская молодежь?

Нет, она не может допустить это, не будучи изменницей, глупой и трусливой, не осудив себя на самое постыдное и смешное бессилие, не сделавшись соучастницей, по меньшей мере, преступления в оскорблении отечества и в оскорблении человечества.

До настоящего момента итальянская молодежь давала парализовать себя из уважения, конечно вполне законного, какое ей внушает великая личность Мадзини. Давно уже она отвергла религиозные теории Пророка; но она считала возможным отделить религию Мадзини от его политики. Она сказала себе: „Я отвергну его мистические фантазмагории, но, тем не менее, я буду повиноваться его политическому руководству“, не понимая, что вся политика Пат-

риота всегда была и будет не чем иным, как практическим воплощением религиозной мысли Пророка.

В сущности, нет ничего общего между программой молодежи и пролетариата и мадзинистской программой. Первая имеет естественно свободу и развитие благоденствия в федерации, вторая ищет величие и могущество Государства в централизации, первая — социалистическая программа, вторая теологическая и буржуазная. Каким образом при столь различных целях могут быть одинаковыми методы и способы действия?

Мадзини прежде всего человек власти.

Он, конечно, хочет, чтобы „массы были счастливы“, и он требует от власти, чтобы она сердечно занялась не только их воспитанием с точки зрения вечного идеала, но еще насколько возможно их материальным процветанием; но он хочет также, чтобы это материальное процветание шло сверху вниз, исходило от инициативы власти и распространялось на массы. Он признает за этими последними лишь способность и право выбирать, прямо или косвенно, власть, которая должна управлять ими, право выбирать себе господина потому что он не понимает и никогда не поймет, чтобы массы могли жить без господина, без начальства.

Это противно всем его религиозным и политическим инстинктам, которые буржуазны. Я прекрасно знаю, что в его системе начальство это не личное, а коллективное, и члены этого правящего коллектива могут быть переменены и заменены другими, новыми членами. Все это может представлять очень большой интерес для лиц и классов, которые могут разумно стремиться рано или поздно быть призванными в ряды правительства; но для народа, для народных масс эти перемены никогда не будут иметь реального значения. Можно прекрасно переменить лиц, которые будут составлять или представлять коллективную власть республики; но власть, начальство, останутся всегда. Народ ненавидит инстинктивно начальство и он имеет право его ненавидеть, потому что „Начальство“ означает господство, а господство означает эксплуатацию. Природа человека такова, что если ему дадут возможность делать зло, т. е. вскармливать свое тщеславие, свое честолюбие, свою жадность, насчет другого, он это сделает. Мы, разумеется, искренние социалисты и революционеры; но если нам дадут власть и мы сохраним ее только в продолжении нескольких месяцев, мы не будем тем, чем мы являемся теперь. Как со-

циалисты, мы убеждены, вы и я, что социальная среда, положение, условия существования сильнее ума и воли наиболее сильной и наиболее энергичной личности и поэтому мы требуем равенства, не естественного, а социального, личностей, как условия справедливости и как основы нравственности; и поэтому также мы ненавидим власть, всякую власть, как ее ненавидит народ.

Мадзини преклоняется пред властью, перед идеей власти, потому что он буржуа и теолог. Как теолог, он не понимает порядка, который бы не был установлен свыше; как политик или буржуа, он не допускает, чтобы в обществе мог быть поддержан порядок без активного вмешательства, без управления господствующего класса, буржуазии. Он хочет государство, значит, он хочет буржуазию. Он должен хотеть ее, и если бы современная буржуазия перестала существовать, он должен был бы создать новую. Его непоследовательность состоит в том, что он хочет сохранить буржуазию и в то же время хочет, чтобы эта буржуазия не угнетала и не эксплуатировала народ; и он упорно не хочет понять, что буржуазия является господствующим классом и умственно развитой только потому, что она эксплуатирует и морит голодом народ; и что если народ будет богат и образован, как она, она не сможет больше господствовать, и не будет больше возможности для существования политического правления, потому что это правление превратится тогда в простую хозяйственную администрацию.

Мадзини не понимает ничего этого, потому что он идеалист, а идеализм состоит именно в том, что он никогда не понимает природы и реальных условий классов, а всегда извращает их, внося в них какуюнибудь излюбленную идею. Идеализм—деспот мысли, как политика—деспот воли. Одни только социализм и позитивная наука умеют уважать природу и свободу людей и вещей.

Мадзини, стало быть, анти-революционер по своей натуре, по своим стремлениям чувствам и идеям; и он вправе упрекать молодежь в том, что она несправедливо обвиняет его, утверждая, что он изменился, что он противоречит теперь своим революционным доктринам. Нет, он не изменился, ибо он никогда не был революционером. Тем хуже для молодежи, если, ушедшая в мелочи постоянно проваливающегося мадзиннистского заговора и довольствуясь словом „Республика“, которая может означать также рабство, как и свободу народа и которая в мадзиннистской системе есть

совершенно обратной свободе,—она никогда не давала себе труда до настоящего момента изучить более серьезно писания Мадзини. Если бы она это сделала, она убедилась бы, что с самого начала своей пропаганды Мадзини был горячим теологом, т. е. безусловным противником действительного освобождения народных масс безусловным анти-революционером.

Поэтому во всех движениях, которые он, я не скажу вызвал,—так как он в действительности не вызвал ни одного движения, и понятно почему,—но только предпринимал, Мадзини всегда тщательно избегал обращаться непосредственно с призывом к народным массам. Он согласился бы скорее подпасть под иго австрийцев и Бурбонов и даже папы, чем обратиться с призывом против них к пролетариату. И в этом, по моему твердому убеждению, заключается главная причина всех его печальных поражений. Давно пора отметить, что за исключением восстания Италии в 1848 г., столь славное начало которого и столь печальный конец обязаны были гораздо больше во-первых национальному чувству и во-вторых, поражению революции во Франции, чем мадзиннистскому заговору, и за исключением еще победоносной войны Гарибальди в Сицилии и в Неаполе в 1860 г.,—войны, успеху которой не был чужд, как вам известно, Кавур,—ни одно из движений, ни один поход и ни одно вооруженное восстание, инициатива которых принадлежала собственно Мадзини, никогда не удавалось.

Его величайшей заслугой является то, что он поддерживал в продолжение сорока лет священный огонь в итальянской молодежи, сформировал ее, не для революции, а для геройской и всегда неравной борьбы против политических угнетателей Италии, местных и чужеземных,—против врагов ее единства еще больше, чем ее свободы. В этом отношении, дорогие друзья, вы все его сыновья, или, скорее, его внуки, так как поколение его сыновей почти исчезло,—одни умерли, другие живут, но развратились, и очень небольшое число остались нетронутыми,—и никто лучше меня не понимает глубокого чувства признательности и уважения, которые вы все испытываете по отношению к Мадзини.

Только я прошу вас заметить, что он всех вас воспитал и сформировал по своему образу и подобию: это уже много, в самом деле, что вы начинаете ныне, не без труда, становиться революционерами против него, и большинство

из вас еще колеблется. Он учил вас бороться за Италию и презирать итальянский народ; не теологический и фиктивный народ, о котором он всегда говорит, но живые и реальные массы, нищенские и невежественные, и, „столь умные, однако, в своей нищете и своем невежестве“.

Как вы ни молоды и пылки, политическая и так называемая революционная система, которую он привил вам, еще живет, как наследственная болезнь, в мозгу ваших костей, и чтобы изгнать ее, вам нужно глубоко окунуться в народную жизнь. Эту систему можно резюмировать в двух словах: „Все для народа, ничего посредством народа“. В этой системе восстание против установленного порядка вещей и заговор в виду организации этого восстания должны быть совершены—и так это и делается—буржуазной молодежью при очень слабом участии нескольких сот городских рабочих. Пролетарские массы, и в особенности крестьяне, должны быть исключены; потому что они внесли бы в эту идеальную систему дикие порывы грубых и реальных страстей, которые расстроили бы неглубокие замыслы великодушной, но буржуазной с головы до ног молодежи. Когда строят план невинной революции, имеющей вполне определенную цель заменить существующую власть новой, необходимо сохранить во что бы то ни стало пассивность масс, которые не должны потерять драгоценную привычку повиноваться, и хорошее настроение и спокойствие буржуа, которые не должны переставать командовать и господствовать. Следовательно, нужно избегать во что бы то ни стало экономического и социального вопроса.

И, действительно, что мы видели? Стихийные движения народных масс—и очень серьезные движения, как движение в Палермо в 1866 г., и еще более сильное крестьянское движение во многих провинциях против несправедливого закона о взимании пошлины за помол—не встретили никакого сочувствия, или очень мало, со стороны революционной молодежи Италии. Если бы это последнее движение было хорошо организовано и управлялось умными людьми, оно могло бы вызвать громадную революцию. За отсутствием организации и вождей оно ни к чему не привело.

Но, год спустя, итальянская молодежь, инспирированная Мадзини и руководимая им, вознаградила себя. Это был, быть может, одним из наиболее крупных заговоров, подготовленных Мадзини, по числу принимавших в нем участие людей и по истраченным на него суммам. И что же?

Он провалился самым жалким образом. В различных местах страны поднялись банды в несколько сот смелых молодых людей, и эти банды рассеялись не перед королевскими войсками, а перед глубоким равнодушием крестьянских и рабочих масс. Этот роковой, но естественный исход должен бы был раскрыть глаза, не Мадзини, который никогда не раскроет их, а итальянской молодежи, которая, будучи юная, может еще их раскрыть.

Однако, она начала отделяться от Мадзини не на этой практической почве, а на почве теории, благодаря развитию свободной мысли. Я не буду рассказывать вам то, что вы сами хорошо знаете, а именно, каким образом по всей Италии самостоятельно образовались группы свободомыслящих буржуа. Но странная вещь, хотя они в умственном отношении освободились от ига Учителя и Пророка, большинство из них продолжало и продолжает еще находиться под политическим игмом Мадзини.

„Пусть он не трогает нашего свободомыслия, говорят они еще и ныне, и мы охотно отдадим себя руководству его Патриотического и революционного гения, его опыта заговорах и в борьбе за республику“.

И они не понимают, что невозможно быть в действительности „свободомыслящим“, не будучи в то же время социалистом в широком смысле слова; что смешно говорить о „свободной мысли“ и желать в то же время единой, авторитарной и буржуазной республики Мадзини.

В этом случае также Мадзини показывает себя „логичным, гораздо более логичным, чем молодежь, которая называет себя материалистической и атеистической. Он сразу понял, что эта молодежь не могла и не должна была хотеть его республики. В статье „Терпимость и Индифферентность“, помещенной им в 34 номере *La Roma del Popolo*, он ясно говорит нам, что он согласен не касаться социального вопроса. Это доказывает, что он достаточно проницателен, чтобы понять, что нельзя быть материалистом и атеистом, не будучи в то же время социалистом в широком смысле слова.

Не логика ее собственного развития начала раскрывать глаза итальянской молодежи, а во-первых восстание и революция Парижской Коммуны и затем проклятие и единодушное и бешеное преследование Интернационала всеми правительствами и всеми реакциями Европы, не исключая Мадзини и мадзинистской партии.

В этом отношении Мадзини оказал нам большую услугу. Он доказал, что как скоро молодежь отошла от него в области мысли, она должна была отойти от него также и в области практической деятельности; он отверг ее и был тысячу раз прав. В этот раз он был гораздо откровеннее и честнее по отношению к ней, чем она смела и смеет еще быть по отношению к себе, и он вызывает ее быть серьезнее и мужественнее.

Да, эта молодежь должна иметь теперь мужество признать и провозгласить свое полное и окончательное расхождение с политикой, заговорщеской деятельностью и республиканскими предприятиями Мадзини, под страхом оказаться осужденной на бездействии и постыдное бессилие. Она должна начать свою собственную политику!

Какая может быть эта политика? Помимо мадзиннистской системы, которая является системой Республики—Государства, есть только одна, система Республики—Коммуны, Республика—Федерации, социалистической и действительно народной Республики, система *Анархии*. Это политика социальной революции, которая стремится к уничтожению *Государства* и к экономической, вполне свободной организации народа, организации снизу вверх федеративным путем.

Вот цель, единственно возможная для нее, если у нее есть цель, если она хочет иметь цель. Если у нее нет цели, если она не хочет иметь никакой цели, тем хуже для нее, потому что тогда она будет тысячу раз более непоследовательной, чем мадзиннистская партия: тогда она будет в некотором роде бессильным протестом против неразумия на самой почве неразумия и бессилия. Неразумие мадзиннистов имеет, по крайней мере, за себя энергию страсти и безумия, они ведут кампанию, провозглашают свои нелепости с силой убеждения, которая всегда увлекает слабых; тогда как рациональный протест атеистической молодежи, слишком умной, чтобы верить в нелепости, но слишком неэнергичной, слишком мало убежденной и страстной, чтобы иметь мужество суметь покончить с ними совершенно, был бы чем то совершенно отрицательным, т. е. абсолютным бессилием. Но есть ли чтонибудь в мире более низкое, более отвратительное и более постыдное, чем бессильная молодежь, молодежь, которая не смеет дерзать, которая не умеет противиться?

Итак, стало быть, ради своей чести, ради своего собственного спасения и ради спасения итальянского народа, который нуждается в ее услугах, материалистическая и атеистическая молодежь, согласуя свою волю и свои действия с своим свободомыслием, „должна хотеть“ и начать теперь политику социальной революции.

Я уже сказал, чем является эта политика, рассматриваемая с точки зрения новой организации общества после победы. Но прежде чем создать, или лучше сказать, прежде чем помочь народу создать эту новую организацию, нужно получить победу. Нужно свергнуть то, что есть, чтобы иметь возможность установить то, что должно быть. Чтобы ни говорили, господствующая ныне система сильна не по своей идее и внутренней нравственной силе, которые отсутствуют в ней, но благодаря всей механической, бюрократической, военной и полицейской организации государства, благодаря науке и богатству классов, в интересах которых ее поддерживать. И одной из вечных иллюзий Мадзини, и наиболее смешной, является именно воображение, что можно сокрушить эту силу при помощи нескольких кучек плохо вооруженных молодых людей. Он хранит, однако, эту иллюзию и должен хранить ее, потому что, так как его система запрещает ему прибегать к революции масс, ему остаются, как средство практической деятельности, только эти кучки молодых людей.

Теперь, заметив, наверное, что эта сила слишком недостаточна, он старается создать себе новую силу в рабочих массах. Он решает, наконец, подойти к социальному вопросу и надеется воспользоваться им, как средством для практической деятельности. Впрочем, он решил сделать этот шаг не умышленно, а потому что был вынужден к этому событиями. Революция Парижской Коммуны пробудила не только молодежь, она пробудила также итальянский пролетариат. Затем появилась пропаганда Интернационала: Мадзини почувствовал замешательство, он был опечален и начал тогда свои бешеные нападки против Коммуны и против Интернационала.

Тогда именно у него и зародилась мысль о Римском съезде,—на котором должен будет в ближайшем будущем трактоваться, или скорее „мальтрегироваться“ социальный

вопрос,—и он обратился к итальянским рабочим с следующими словами*):

„Так как вы заслужили этого своей жертвой (!), так как вы не старались поставить свой класс на место других классов, а старались возвыситься вместе с другими (т. е. подняться до буржуазии), т. к. вы стремитесь к изменению экономических условий не из эгоистического желания материальных благ (возмутительная и клеветническая фраза, брошенная против несчастных мучеников Парижской Коммуны и Интернационала), а для того, чтобы иметь возможность улучшить свое положение в нравственном и умственном отношении (первое требование Интернационала заключается во всестороннем и равном образовании для всех; первая мысль Парижской Коммуны среди ужасной борьбы, о которой вы знаете, была учредить прекрасные школы грамотности для мальчиков и девочек, но рациональные, управляемые, сообразно человеческим принципам и без священников), вы имеете право ныне на Отечество свободных и равных граждан (Мадзини говорит здесь, как говорят детям? „Милые детки, так как вы были умниками, мы, ваши папаша, мы, буржуа, дадим вам конфетку“; и он забывает сказать итальянским рабочим, что в качестве конфет, варенья и засахаренного миндаля, буржуазия всегда давала народу лишь пули и картечь,—и что они всегда будут иметь лишь то, что будут требовать, как право, а не получать, как подарок), в котором вы будете иметь общее со всеми вашими братьями (буржуа) Воспитание, (Мадзини не говорит Образование, которое он отличает от Воспитания,—см. его книгу *Doveri dell' Uomo*,—и несколько ненамерен дать пользоваться им всему народу в одинаковой степени. Что касается этого общего воспитания, о котором он столько говорит, это также ложь. Если он подразумевает под этим официальное преподавание общественной нравственности, то это делалось давно уже в католической церкви. Общественное воспитание, не фиктивное, а реальное, может существовать только в обществе, построенном на началах истинного равенства. Мадзини, конечно,

*) G. Mazzini. *Agli operai italiani (Unita Italiana)*, от 23 июля 1871 г.)

не думает уничтожить воспитания в семье; а так как воспитание дается гораздо больше жизнью и влиянием общественной среды, чем преподаванием всеми потентованными профессорами „долга“, жертвы и всех добродетелей, то каким образом воспитание может стать когданибудь общим в обществе, в котором социальное положение как личностей, так и семей столь разнообразно и столь неравно?) общее избирательное право, чтобы способствовать прогрессивному развитию страны (чтобы дать себе хозяина), общее оружие для защиты ее величия и чести (которые дают вас своей тяжестью, для которых вы вечно будете служить молчаливым или пассивным пьедесталом и которые, прибавим, дают предлог для объявления братским народам, войны несущей разгром и нищету в их ряды, и для укрепления ига и буржуазного господства над массами), свободные от всякого прямого или косвенного налога необходимые жизненные предметы (Мадзинни этим обещанием,—вечно повторяемым и никогда не исполняемым всеми людьми, оспаривающими друг у друга власть,—хочет обеспечить себе помощь рабочих. Но он обещает больше, чем может дать, если получит власть, ибо величие и могущество государства стоят дорого), свобода труда (она уже существует, и вся буржуазная система основана на этой свободе) и помощь в случае безработицы или если возраст и болезни не позволяют работать (также невыполнимое желание при существующей экономической системе), потом оказанные благосклонность (ах, вот, в чем дело: благосклонность! милости! — сострадание! милосердие! — оказанные буржуазией, которая никогда их не окажет, потому что это было бы против нее самой) и поддержку оказанные кредитом, вашим попыткам заменить мало по малу, (при мадзиннистской системе, как я докажу это в своих статьях, по крайней мере, через тысячу лет) современную систему наемного труда системой добровольного товарищества, основанного на сращивании труда и капитала в одних и тех же руках.

Ясно, что не буржуа, конечно, окажут рабочим такую благосклонность, которая еслибы она была действительно оказана, привела бы к полному крушению, к уничтожению буржуазного класса, существование которого основано всецело и исключительно на эксплуатации труда пролетариата

в пользу капитала, сосредоточенного в его руках. Как только кредит предоставит возможность широко пользоваться капиталом всем производительным товариществам, которые потребуют его, у рабочих не будет больше нужды обогащать, в качестве эксплуатируемых наемников, буржуазный капитал! Этот капитал не будет тогда больше приносить ни прибыли ни процентов. Самые богатые буржуа скоро проели бы свои капиталы и быстро спустились бы, в меньший промежуток времени, чем это думают, на уровень пролетариата.

Разве не ясно, что „владеющий класс“, буржуазия, должна всеми силами противиться всякой серьезной уступке, оказанной кредитом производительным товариществам, образованным пролетариатом? Кто же им даст этот кредит? Республиканское государство Мадзини? Тогда одно из двух: или кредит будет настолько смешон и мизерен, что, оставив все по старому, он лишь послужит для того, чтобы обмануть нетерпение рабочих, питать их иллюзиями до того момента, когда им надоеет быть обманутыми и они восстанут, и тогда или свергнут это государство или же будут подавлены „патриотической картечью“ мадзинистской буржуазии; или, же, наоборот, это будет серьезный кредит, способный действительно освободить рабочую массу, и тогда, угрожаемая неминуемым разорением, буржуазия восстанет и свергнет это искренно народное мадзинистское государство, если только она сама не будет раздавлена и уничтожена им.

Но что получится в последнем случае? Капиталистическое государство, ведающее всем национальным трудом, т. е. как раз коммунистическое, централизованное, всемогущее государство, разрушитель всякой свободы и всякой автономии, как личностей, так и коммун, такие, о каком мечтают ныне немецкие социалисты школы Маркса и против которого мы, анархисты, боремся больше, чем Мадзини, хотя и сходя совершенно из другой точки зрения.

Не отступайте от этой программы, продолжает Мадзини, не отдаляйтесь от тех из ваших братьев, которые признают эти права (только эти права? это весьма немного, и все сводится ко лжи. Но кто же эти такие великодушные „братья“? Многих вы знаете в буржуазном классе? Нет. Несколько десятков филантропов, непоследовательных, смешных и бессильных, сентиментальных риторов буржуазных съездов. Мадзинистская церковь, которая, бессильная сама по себе, будет иметь лишь

силу, какую согласится дать ей ослепление пролетариата, что означает, что Мадзини умоляет пролетариат уничтожить себя, чтобы он мог, от имени пролетариата, утешить и успокоить буржуа), и которые будут стараться (при помощи всех нас, чью силу они предполагают парализовать, направить в другое русло и поглотить) устранить препятствия с пути к учреждениям, могущим признать их или охранять. Тот, кто звал вас к другому, не хочет вашего блага... И берегитесь,—вопрос, сведенный к чистой силе, сомнителен.“

Но если пролетариат не может добиться справедливости путем силы, кто же даст ему ее? Чудо? Мы не верим в чудеса, и тот, кто говорит о них пролетариату, лжец, стравитель. Правственная пропаганда? Правственное превращение буржуазии под влиянием пропаганды Мадзини? Но говорить об этом, успокаивать пролетариат смешной иллюзией, со стороны Мадзини, который должен хорошо знать историю, плохой поступок. Был ли когда нибудь, в какую нибудь эпоху, в какой нибудь стране хоть один пример когда привилегированный и господствующий класс, сделал бы уступки свободно, добровольно, не будучи вынужден к тому силой или страхом? Сознание справедливости своего собственного дела без сомнения необходимо пролетариату для того, чтобы организовать в силу, могущую победить. У него есть теперь это сознание; и там, где у него еще нет его, наш долг вызвать его эта справедливость стала очевидной даже в глазах наших противников. Но одно сознание справедливости недостаточно: необходимо, чтобы пролетариат присовокупил к этому организацию своей силы, ибо,—не во гнев будь сказано Мадзини,—прошли те времена, когда стены перихонские падали от трубных звуков, ныне силу может победить только сила. Мадзини впрочем, прекрасно это знает, потому что когда дело идет о том, чтобы монархическое государство заменить его государством, он сам взывает к силе.

Вот его собственные слова в *Doveri dell Uomo*: „Надо свергнуть силой грубую силу (т. е. монархическое государство), которая ныне мешает всякой попытке улучшения“.

Стало быть, он тоже призывает силу против того, что он хочет серьезно свергнуть. Но так как он не имеет ни малейшего желания уничтожить господство буржуазии и ее экономические привилегии, которые являются единствен-

ной основой существования этого класса, он старается убедить рабочих, что нет необходимости и непозволительно употреблять против нее иных средств, кроме иерихонских труб, т. е. моральных, невинных средств мадзинистской пропаганды. Можно ли предположить, что он сам ошибается до такой степени? Уже сорок лет, как он проповедует свой „закон жизни“, новое откровение. Убедил он и научил благонаравную итальянскую буржуазию? Наоборот, мы видели и видим, что масса его прежних учеников и апостолов перешли в буржуазную веру. Официальная и оффициозная Италия полна ими. Кто среди правительственной сволочи и *Consorteria*, которые распоряжаются теперь несчастной Италией, не был в молодости более или менее мадзинистом? Сколько осталось теперь чистых мадзинистов, как Соффи, Петрони, Грусско, которые думают, что понимают догматы мадзинистской теологии и следуют им? Две, три, максимум пять дюжин. Не является ли это доказательством бесплодности и плачевного бессилия учения и пропаганды Мадзини? И имея это доказательство—и, разумеется, горько оплакивая его,—неосновательности своего учения, Мадзини осмеливается говорить рабочим, миллионам угнетенных рабов: „Не рассчитывайте на свое человеческое право ни на свою силу, которая, конечно, велика, но которая мне очень не нравится, потому что она заключает в себе отрицание моего Бога и потому что она слишком пугает моих добрых буржуа, ваших старших братьев, как говорит Гамбетта. Доверяйтесь единственно целительному действию моей пропаганды“. Вот жизненный эликсир, верное средство от всех зол, с двусмысленным содержанием!

Мы, наоборот, говорим рабочим: Справедливость вашего дела несомненна; одни только негодяи могут отрицать ее; вам недостает только организации вашей силы: организуйте ее и затем свергните все, что мешает осуществлению вашей справедливости. Сбросьте всех, кто вас угнетает. Потом, обеспечив хорошенько себе победу и разрушив то, что составляло силу ваших врагов, проявите гуманность по отношению к этим несчастным, побежденным и отныне безвредным и безоружным, признайте в них своих братьев и пригласите их жить и работать вместе с вами и как вы на незыблемой почве равенства.

Защитники существующего порядка, говорит дальше Мадзини, имеют освященную веками организацию, могучую, благодаря дисциплине

лине и ресурсам, какими никогда не сможет располагать никакое Международное Товарищество, против которого ведется неустанная борьба и которое вынуждено действовать тайно.

Бедный Интернационал! Мадзини прибегает ко всевозможным хитросплетениям и аргументам, чтобы погубить его в мнении итальянских рабочих.

Не верится прямо. Он, старый заговорщик, который в продолжение сорока лет только и делал, что основывал одно за другим тайные общества, обвиняет теперь Интернационал как раз в том, что он является тайным обществом! Он доносит на него итальянскому правительству и, потирая руки, как человек, сознающий, что он сделал доброе дело и довольный собой, он говорит затем себе и слушающим его итальянским рабочим: „Не будем больше говорить об Интернационале: преследуемый всеми правительствами и мною, он принужден скрываться; он не больше, как тайное общество, следовательно, он больше ни на что неспособен, он погиб“.

Говорите ли вы, господин Мадзини, то же самое вашим заговорщикам? И предположив даже, что вы говорите им тоже самое, было ли бы это истиной? Ведь, вы не можете не знать, что то, что вы говорите, ложь или, вернее, выражение надежды, желания, а не действительности. Был момент, когда правительства думали, как вы, что Интернационал может быть уничтожен; но теперь они не думают больше этого; и если вы один среди ваших новых друзей реакции думаете это, тем хуже для вашей прозорливости.

Не только Интернационал не уничтожен, но со времени поражения Коммуны он развился в Европе и Америке, стал более крепким, более обширным, более могучим, чем когда либо. Он существует, действует и открыто распространяется в Америке, Англии, Бельгии, Швейцарии, Испании, Германии, Австрии, Италии, Дании и Голландии. Только во Франции он вынужден теперь действовать тайно, благодаря республиканцам, вашим друзьям, и врагам Коммуны. Но не воображайте, что из за этого он стал менее могучим. Помните что вы сами, когда вы были гонимы и еще не сделались сами гонителем, твердили тысячу раз своим друзьям и ученикам: „Гонения увеличивают в сто крат страсть и, стало быть, силу гонимых“. Будьте уверены, что то же самое произойдет в Италии, когда правительство, уступив

своему страху и вашим внушениям, последует, как оно делает это уже теперь, примеру французского правительства.

Теперь, хотите вы знать, какая главная причина постоянно возрастающей силы Интернационала? Я вам объясню этот секрет, так как ваш ум, без сомнения великий, но ослепленный построенной на нелепостях системой, называемой вами, „вашей верой“, стал неспособен разгадать его.

Интернационал могуч, потому что он не навязывает народу никакого абсолютного догмата, никакой непреложной доктрины; потому что программа его формулирует лишь собственные инстинкты, реальные стремления народа. Он могуч, потому что не старается, как вы всегда это делали, образовать непреложную силу вне народа, и потому что лишь организует народную силу. И он может это делать, ибо, так как он не претендует навязать народу программу, полученную сверху и тем самым чуждую и противоречащую народным инстинктам, ему нечего бояться организации этого стихийного могущества численной силы масс. По обратной причине, вы не можете и не должны этого делать, так как первое проявление этой силы повлечет за собой разрушение всей вашей системы.

И ныне, продолжает Мадзини, ваше движение свято, потому что оно опирается именно на нравственный закон, который отрицается, на исторический прогресс, открытый традицией человечества, на понятие о воспитании, единении, единстве человеческой семьи, предопределенное Богом на вечные времена.

Читая все это, вынужден спросить себя: Что это, шарлатанство, поэзия или же умопомешательство? О каком движении итальянских рабочих говорит Мадзини, объявляя его святым? Может быть, об обществах взаимопомощи, которые до сего времени ничего не дали? И неужели он, в самом деле, воображает, что хоть один среди итальянских рабочих поймет что нибудь в напыщенных, лжемудрых, двусмысленных фразах и в наборе пустых слов, приведенных сейчас? Для того чтобы понять это, надо обладать глубоким умом г.г. Саффи и Бруско; бедный итальянский рабочий очень удивится, если ему скажут, что в этих громких фразах идет речь о нем. Дело в том, что движение итальянских рабочих, благодаря наркотикам, которыми пичкал их Мадзини, было ничтожно до сего времени. Они спали, и в

продолжение их тяжелого и болезненного сна, один только Мадзини и мадзинисты действовали; и как всегда бывает с лицами, у которых мало критического ума, эти последние приняли свое собственное движение за движение окружающих их. Но вот народ перестал спать, он пробуждается и, повидимому, начинает двигаться; и Мадзини, испугавшись этого пробуждения и этого движения, о котором он не давал распоряжения и которого не предвидел, ныскивает все средства, старается всевозможными способами усыпить опять народ, чтобы снова иметь возможность действовать одному от его имени.

Он кричит итальянским рабочим:

Ваш закон крестовый поход! (Конечно, лучше спать, чем слышать подобные глупости, которые способны заставить потерять голову самыхмышленных, самых живых). Если вы превратите его в восстание (о! но вы не хотите этого!), в угрозу интересов против других интересов (да, справедливых интересов, которые представляют право всех, против интересов несправедливых, представляющих несправедливое отрицание его; угрозу свободы против деспотизма, равенства против привилегии, труда против обворовывающих труд, истины против лжи, Человечества против Бога), вы не сможете больше рассчитывать, кроме как на свои силы.

А если рабочие послушают Мадзини, принесет он им, в вознаграждение, новые силы? И какие? Не будут ли это, например, силы мадзинистской партии, которая дала о себе такое жалкое представление во всех предприятиях Мадзини? Или же он обещает им серьезно помощь буржуазных сил? Эти силы, которые некогда были действительно огромны, стали зыбки и ничтожны, настолько ничтожны, что угрожаемые ныне пролетариатом, который их страшно пугает, они во всех странах укрываются под покровительством военной диктатуры.

Это сильное прогрессивное умственное и нравственное падение буржуазного класса можно изучать даже в молодежи. На сто молодых людей этого класса много-много вы найдете пять, которые не были бы молодыми „стариками“. Другие, чуждые всему великому, происходящему вокруг них, ушедшие в банальность своих мелких удовольствий, мелких интересов или мелкого тщеславия и мелочного честолюбия, ничего не чувствуют, ничего не понимают и ничего не хотят. Когда молодежь какогонибудь класса дошла

до этого, это очевидное доказательство, что этот класс уже умер, и ничего не остается больше, как похоронить его. Наиболее живые в этом классе чувствуют себя растерянными и погибшими, у них нет почвы под ногами; однако же, они не решаются покинуть то общество, которое рушится со всех сторон, но чувствуют, что оно увлекает их вместе с собой в пропасть. Теперь, друзья мои, для вашего ума, вашей совести, вашего достоинства, вашего зрелого возраста и пользы вашего существования, нет другого спасения, как решительно отвернуться от этого буржуазного класса, к которому вы принадлежите по рождению, но который ваш ум и совесть ваша осуждают на смерть, и броситься с головой в народ, в народную и социальную революцию, в которой вы найдете жизнь, силу, почву и цель, которых вам ныне недостает. Тогда вы будете людьми; иначе, с вашими буржуазными радикалами, с Мадзини и мадзинистами, вы очень скоро превратитесь в мумии, как и они. Отныне, сила, жизнь, ум, человечество, все будущее в пролетариате. Отдайте ему всю свою мысль и он отдаст вам свою жизнь и силу, и, соединившись вместе, вы совершите революцию, которая спасет Италию и весь мир.

Но вот, опираясь на свои теологические костыли и в сопровождении бедных больных духом и сердцем,—разных Саффи, Петрони, Бруско, Кампанелла, Мосто и т. д.—старик Мадзини подходит к этому молодому великану, единственно сильному и живому в нашем веке, пролетариату, и говорит ему: „Я несу тебе силу и жизнь. Жизнь я имею от Бога, силу? Буржуазия согласится одолжить мне ее. Я несу тебе ее помощь с условием, что ты будешь благодарен и, довольствуясь моими маленькими паллиативами, чтобы смягчить твои страдания, ты согласишься, как в прошлом, служить этой бедной, дряклой буржуазии, которая только и желает любить тебя, охранять и—в то же время—немножко обирать тебя“.

Смешное не уступает здесь гнусному.

Итак, „если вы обратите нравственный закон в бунт, в угрозу интересов против интересов, вы должны будете рассчитывать только на одни свои силы!“

Это неправда. Мадзини забывает Интернационал. Он думает, что похоронил его, но последний совсем не умер. Интернационал, т. е. организованная сила пролетариата Европы и Америки, нечто более утешительное и более успокоительное и, разумеется, более нравственное также, чем

союз итальянского пролетариата с итальянской буржуазией и, через посредство этой последней, с буржуазией Европы и Америки, с реакцией против революции и против пролетариата всего мира.

„Уверены ли вы, что ваши силы достаточны?“ спрашивает Мадзини. Разумеется, достаточны! У пролетариата больше силы, чем надо, чтобы разрушить буржуазный мир со всеми его Церквами и Государствами. Но пророк восклицает: „И если бы даже ваши силы были достаточны, вы запятнаете свою победу кровью ваших братьев, пролитой в долгой и ужасной гражданской войне.“ Вот, значит, в чем дело! Мадзини, забывая, что все великие победы человечества,—все абсолютно все,—добыты крупными битвами, предлагает рабочим попробовать еще раз действие своей волшебной флейты или своей иерихонской трубы. Но он по меньшей мере смешон, а если не смешон, то я докажу, что он гнусен: ибо столько кажущейся человечности скрывает в себе подоплеку реакции и измены по отношению к пролетариату. Государственный муж становится сиреной, чтобы усыпить бдительность народа и восторжествовать над его законной недоверчивостью.

Действительно ли Мадзини такой большой враг борьбы? В своем обращении к молодежи он называет—очень смешно, правда,—Спартака, взбунтовавшегося раба, „первым святым республиканской религии“. А что сделал Спартак? Он поднял своих братьев по рабству и без церемонии истребил сколько мог римских патрициев. Он вынуждал их драться между собою, как гладиаторов. Таковы были дела и жесты одного из святых Мадзини.

Мадзини, как Данте, преклоняется перед древним величием республиканского Рима. Но если было величие, основанное на кровавых и непрерывных боях, так это конечно величие древней римской республики.

Посмотрим теперь, какому второму величию он требует от нас поклонения, не в настоящем, разумеется,—ибо у него есть другое, чтобы предложить нам для данного момента,—но в прошлом: величию иапского Рима! Не залит ли и он был также кровью, не в крови ли, как и римская республика, он основал свое могущество?

Я не буду говорить вам о битвах Реформации ни о битвах Революции, потому что Мадзини одинаково ненавидит ту и другую. Но трех вышеприведенных примеров достаточно, я полагаю, чтобы показать вам, что он не нена-

видит битвы, но преклоняется пред ними, когда они имеют целью образование могущественного государства. Он ненавидит бунт, и, конечно, по недоразумению Спартак занял место среди святых в его раю.

Мадзини боится гражданской войны, которая разрушит национальное единство:

Отрицание Отечества, нации! восклицает он с отчаянием. Отечество вам было дано Богом для того, чтобы в группе двадцати пяти миллионов Братьев, более тесно связанных с вами именем, языком, верою (?), общими стремлениями (ложь за ложью!) и длинным и славным рядом традиций, культом могил дорогих мертвецов (отзвук классического языческого мистицизма), торжественными воспоминаниями о мучениках, павших за Nation, вы нашли могучую поддержку для более легкого выполнения *миссии*, в доле работы, которую определяют вам ваше географическое положение и ваши специальные способности. Кто уничтожит его, уничтожит все огромное количество сил, созданных общностью средств и деятельностью этих миллионов, и закроет вам путь к росту и прогрессу. Интернационал Nation заменяет Коммуной, независимой коммуной, призванной управляться сама собой.

В этой длинной тираде что ни слово, то ложь. Необходимо, следовательно, чтобы я подверг ее критике.

Так, Мадзини говорит: „Отрицание Отечества, Nation.“ Нет, но отрицание национального и патриотического государства, и это потому, что патриотическое государство означает эксплуатацию народа какой нибудь страны в исключительную пользу привилегированного класса этой страны; богатство, свободу, культуру этого класса, основанные на вынужденных нищете, рабстве и варварстве этого народа.

Мадзини утверждает, что двадцать пять миллионов, образующих итальянскую нацию, „братья“, имеющие одинаковую веру и общие стремления.

Является ли необходимым доказывать, что это наглая или глупая ложь? В Италии имеется, по крайней мере, пять наций:

1. Все духовенство, от папы до последней монахини;
2. Consorteria, или крупная буржуазия, включая сюда дворянство;
3. Средняя и мелкая буржуазия;
4. Фабричные и городские рабочие;
5. Крестьяне.

Как же, спрошу вас, можно утверждать, что эти пять наций—и, если нужно, я перечислю еще больше, напр.: а) двор; б) военная каста; в) бюрократия—имеют одну и ту же веру и общие стремления?

Рассмотрим их одну за другой.

1. Духовенство не составляет, собственно говоря, наследственного класса, но, тем не менее, оно является постоянным классом. Состоящее наверху из кардиналов архиепископов и епископов, набираемых большей частью среди высшей аристократии, внизу из массы низшего духовенства которое поставляет деревня, искусственно обновленное семинариями и повинующееся ныне, как хорошо дисциплинированная армия, Иезуитскому Ордену, это каста, имеющая свои чисто итальянские историю и традиции, а также некоторого рода итальянский патриотизм. И это одна из причин почему Мадзини, несмотря на все свое теоретическое и политическое расхождение, с ней питает тайную и как бы невольную нежность к этой касте. Другая причина та, что это каста священников; и хотя Пророк весьма расположен заменить священников старой католической Церкви священниками новой мадзинистской Церкви, тем не менее он инстинктом, а также и сознательно, уважает их священнический сан и он гремит против тех, кто на них нападает: против Парижской Коммуны, против Интернационала, против свободомыслящих и Гарибальди. Особый патриотизм итальянского духовенства заключается в стремлении подчинить духовенство других стран духовенству Италии и сделать господствующей итальянскую религиозную мысль, ультрамонтанизм, на вселенских соборах, начиная с собора в Триенте и до более недавнего собора в Ватикане.

Нужно ли вам доказывать, вам итальянцам, что эта каста, хотя вполне итальянская по своим обычаям, языку, по самой культуре своего ума, всегда была и остается теперь совершенно чуждой всем сверемленным великой итальянской нации? Впрочем, несмотря на свой специальный патриотизм, по своему положению и своим догматам эта каста международна.

2. Посмотрим, что представляет из себя *Consorteria*. Это новый класс, созданный объединением Италии; он содержит в себе всю богатую буржуазию и всю часть более или менее богатого дворянства, которая не входит в клерикальную касту. Сила этого класса заключается в крупной собственности и в крупных промышленных, торговых, финансовых делах и в особенности в Банке. Его сынсыям принадлежат все высшие и наиболее прибыльные государственные должности. Это по преимуществу государственная каста; стоит открыть ваши газеты, чтобы увидеть, что она представляет из себя и что делает. Это, стало быть, не что иное, как огромное товарищество „честных людей,“ чтобы систематически грабить бедную Италию. Это она представляет главным образом единство и могучую централизацию государства, потому что централизация означает крупные дела, крупные спекуляции, колоссальные хищения. Это класс, у которого нет никакой веры, но который готов примириться и войти в союз с клерикальной кастой, потому что он все больше и больше убеждается, что народ не может обойтись без религии.

Вспомните хорошенько дело Риказоли, в 1866 или 1867 г., и знаменитый финансово-клерикальный проект Камбре-Диньи для выкупа церковного имущества. Это был союз Банка с Ризницей.

Consorteria, впрочем, не горделива и не стоит на исключительной точке зрения; подобно английской аристократии и гораздо легче еще, чем эта последняя, она охотно принимает в свою среду все умы, которые, если бы они остались вне ее, могли бы стать для нее опасными, тогда как принятые в ее среду, приносят ей новые силы против страны, которую надо эксплуатировать, так как она достаточно богата, чтобы прокормить несколько сотен лишних привилегированных мошенников.

Мне нет надобности говорить вам, что у этого класса нет никакого патриотизма; он менее патриотичен, чем клерикальная каста и более космополитичен, чем эта последняя. Созданный новейшей цивилизацией, он не признает другого отечества, кроме мировой спекуляции, и каждый из его членов также охотно будет эксплуатировать и грабить всякую другую страну, как и свою дорогую Италию. У этого класса нет другого стремления, как набивать себе карманы в ущерб национальному благоденствию.

3. Перейдем к третьей касте, к касте средней и мелкой буржуазии. Это она посредством культуры, свободы и прогресса создала всю прошлую историю Италии: искусства, науку, литературу, языки, промышленность, торговлю, муниципальные учреждения, все она создала. Это она, наконец, последним усилием завоевала политическое единство Италии. Она была, стало быть, патриотическим классом по преимуществу, и в ее среде Мадзини и Гарибальди и за-долго до них Пепе, Бальбо, Санта Роза набирали солдат, мучеников, героев итальянской революции. Вы видите, стало быть, дорогие друзья, что я отдаю полную справедливость этому классу и с уважением и искренно преклоняюсь перед его прошлым. Но тот же самый дух справедливости заставляет меня признать, что ныне он совершенно выдохся стал бесплодным и высохшим, как лимон, из которого столь долгая и достопамятная история выжала весь сок; что ныне он мертв и что никакое чудо, даже диктаторский героизм генерала Гарибальди, ни теологические фокусы Мадзини не смогут его воскресить. Он умер и становится с каждым днем все более бессильным, более низким, более безнравственным, более грубо животным. Это громадное тело, разлагающееся путем гниения. Вы можете судить об этом по громадному большинству его молодежи и по итальянскому Парламенту, который состоит почти исключительно из членов, вышедших из его среды.

Средняя буржуазия,—к которой я причисляю также класс сельских собственников, дворян и не дворян, которые не будучи богатыми, живут в довольстве,—находится ныне под экономическим и, следовательно, политическим игом *Consorteria*, которая господствует над ней также, из тщеславия, быть может, наиболее сильной из всех страстей в этой части буржуазии, во всяком случае, такой же сильной, как жажда наживы. Этот класс находится вдвойне в зависимости от существующего порядка вещей, который, держа его скованным, в то же время незаметно разоряет его. Для всех своих промышленных и торговых предприятий, он нуждается в кредите, а кредит в руках Банка, т. е. наиболее богатой части *Consorteria*. Ни одно дело, как бы незначительно оно ни было, не может быть заключено ныне без согласия *Consorteria*,—пример, недавнее дело неаполитанских вод,—а *Consorteria* оказывает кредит и покровительствует только тем, кто голосует за нее. Другая связь, тесно сковывающая ее с государством, следующая: сыновья

этого класса занимают все бюрократические, юридические, полицейские, военные должности в государстве; их повышение по должности зависит от хорошего поведения их родителей, т. е. от их политического подчинения. А какой отец будет настолько извращен, чтобы голосовать против „карьеры“ своего собственного сына?

Итальянское государство разорительно и разоренное. Оно с большим трудом поддерживает себя, только облагая тяжелыми налогами страну, и все, что остается еще от ее богатства, идет на прокормление *Consorteria*, так что для средней буржуазии остаются только крошки: а жизнь с каждым днем все дорожает, роскошь становится утонченнее, и вместе с роскошью становится утонченнее и тщеславие буржуазии. Это тщеславие вместе с ограниченностью ее ресурсов заставляет ее жить постоянно в стесненном положении, которое удручает ее, деморализует, волнует ее сердце и отнимает у нее то небольшое количество достоинства и ума, которые остаются у нее.

И повторяю: этот класс, который был некогда столь могучим, умным и благоденствующим и который теперь медленно, но роковым образом идет к своей гибели, уже умственно и нравственно умер. У него нет больше ни веры, ни мысли, ни каких бы то ни было стремлений. Он не хочет и не может вернуться назад, но он не решается также смотреть вперед; так что он живет изо дня в день в тревоге, причиняемой ему финансовыми затруднениями и социальным тщеславием, которые отныне постоянно волнуют его сердце.

Из этого класса выходят еще, но все в более и более ограниченном числе, последние партизаны Мадзини и Гарибальди, бедные юноши, полные благородных и идеальных стремлений, но чрезвычайно невежественные, не находящие себе верного пути, затерянные среди черствой, рабской и развращенной действительности, которая составляет ныне жизнь буржуазного общества Италии.

Отдадим им справедливость. Из всей молодежи западной Европы итальянская молодежь, быть может, дает наибольшее число героев. Ее последний поход во Францию, под предводительством великодушного, благородного Гарибальди еще раз доказал это и наиболее ярким образом. Но отдавая ей должное, мы должны признать в то же время, что большая часть этой героической молодежи страдает опасной болезнью, которая, если она не вылечится от нее, убьет

ее и делает весь ее героизм смешным и бесплодным. Эта болезнь может быть определена следующим образом: отсутствие всякой живой и серьезной мысли; абсолютное отсутствие всякого чувства действительности, среди которой она хочет действовать, и живет.

Я сказал, что она чрезвычайно невежественна; но это не ее вина. Университеты и школы Италии, когда то бывшие первыми в Европе, отстали на целое столетие, даже, если сравнивать их со школами Франции. Лет десять лишь тому назад и благодаря некоторым профессорам, прибывшим из Швейцарии и Германии, как Малешотт, Шифф и другие, которых так ругал Мадзини, некоторый свет современной позитивной науки осветил немного аудитории, до того времени погруженные в почетную полутьму ретроспективных, мистических, классических, метафизических, юридических, дантовских и римских наук, и принесли с собой дыхание свежего воздуха этим юношам, которые задыхались в узко и глупо исторической атмосфере. Другой причиной невежества были постоянные заговоры и непрерывные восстания этой молодежи, еще больше за политическое единство, чем за свободу отечества, всегда за государство и никогда за народ.

Привыкнув не отделять своих мыслей от мыслей Мадзини и своей воли от геройской инициативы Гарибальди, она стала молодежью, полной отваги и героизма, но совершенно лишенной своей собственной воли и почти безмозглой.

Хуже всего то, что она привыкла смотреть на народные массы с презрением и совершенно не заниматься ими. Абстрактный патриотизм, которым она питалась в продолжение стольких лет в школе своих двух великих вождей, Мадзини и Гарибальди, и который стремится единственно и почти исключительно к установлению независимости, величия, могущества, славы, чести и, если хотите, политической свободы единого государства, побуждая ее к самому благородному, самому героическому жертвованию собой и своими собственными интересами, в то же время заставлял ее смотреть на народ, как на некоторого рода материал для лепки в распоряжении государства, как на пассивную массу, более или менее неразумную и грубую, которая должна считать себя весьма польщенной и очень счастливой тем, что она служит более или менее слепым орудием и жертвует собою — чему? велению, и тому, что на гарибаль-

лпскп-мэдзпппстском жаргоне называется „свободой“, Италия.

Молодежь, идущая за Мадзини и Гарibaldi, никогда не задавала себе следующего вопроса: что представляет в действительности это итальянское государство для народа? Почему он должен его любить и жертвовать для него всем? Когда задавали этот вопрос Мадзини, — и задавали ему его лишь очень редко, таким казался он простым и легким, — он отвечал громкими фразами: „Отечество, данное Богом! Святая историческая миссия! Культ гробниц! Память о мучениках! Давние и славные традиции! Древний Рим! Папский Рим! Григорий VII! Данте! Савонарола! Народный Рим!“. И это было столь туманно, столь прекрасно и в то же время так нелепо, что этого достаточно было, чтобы ослепить и оглушить юные умы, более способные на энтузиазм и веру, чем на разумение и критику. И итальянская молодежь, отдавая свою жизнь за это нелепое отечество, проклинала грубость и материализм масс, в особенности крестьян, которые никогда не обнаруживали склонности жертвовать собою за величие, а также и за независимость этого политического отечества, государства.

Если бы молодежь взяла на себя труд подумать хорошенько, она, быть может, давно уже поняла бы, что это решительное равнодушие народных масс к судьбам итальянского государства, не только не является позором для них, но, наоборот, доказывает их инстинктивную разумность, заставляющую их угадывать, что это единое и централизованное государство, по самой своей природе, не только чуждо им, но и враждебно и что оно выгодно только для привилегированных классов, которым оно гарантирует, в ущерб им, господство и богатство. Процветание государства, это нищета действительной нации, народа; величие и могущество государства являются рабством народа. Народ естественный и законный враг государства; и хотя он подчиняется власти, — увь, слишком часто! — всякая власть ему ненавистна. Государство не отечество; это абстракция, метафизическая, мистическая, политическая, юридическая фикция отечества. Народные массы всех стран любят глубоко свою родину; но это естественная, реальная любовь; народный патриотизм не идея, а факт; а политический патриотизм, любовь к государству не является верным выражением этого факта, а выражением извращенным, посредством лживой абстракции и всегда в пользу эксплуатирую-

щего меньшинства. Отечество, национальность, также как и индивидуальность, естественный и социальный и в тоже время физиологический и исторический факт; это не принцип. Человеческим принципом можно называть лишь то, что универсально, обще всем людям; но национальность их разделяет; она, стало быть, не принцип. Но принципом является уважение, какое каждый должен иметь к естественным, реальным или социальным фактам. Национальность же, как и индивидуальность, один из этих фактов. Мы должны, стало быть, ее уважать. Нарушать ее, это совершить проступок, и, говоря языком Мадзини, она является священным принципом всякий раз, когда ей угрожают и когда она насилуется. И поэтому я чувствую себя искренно и всегда патриотом всех угнетенных отечеств.

Отечество представляет бесспорное и священное право всякого человека, всякой группы людей, товариществ, коммун, областей, наций жить, чувствовать, думать, хотеть и действовать по своему, и эта манера жить и чувствовать является всегда неоспоримым результатом долгого исторического развития.

Мы преклоняемся, следовательно, перед традицией, перед историей; или, вернее, мы признаем их, не потому, что они представляются нам абстрактным барьером, метафизически, юридически и политически построенным учеными толкователями и профессорами прошлого, но только потому, что они действительно вошли в кровь и плоть, в реальную мысль и волю существующих народов. Нам говорят: такая то страна—Тессинский кантон, например,—явно принадлежит итальянской семье: язык, нравы, все у него общее с ломбардским населением, следовательно, он должен войти в состав великого об'единенного итальянского государства. Мы ответим, что это совершенно ложное заключение. Если действительно существует серьезное сходство между Тессинном и Ломбардией, то нет никакого сомнения, что Тессин самостоятельно присоединится к Ломбардии. Если он этого не делает, если он не испытывает ни малейшего желанья это сделать, то это доказывает только, что действительная история, которая создавалась из поколения в поколение в действительной жизни тессинского народа и которая сделала его тем, чем он есть, отлична от истории, написанной в книгах.

С другой стороны, нужно заметить, что действительная история, как личностей, так и народов, не создается

только путем положительного развития, но очень часто посредством отрицания прошлого и бунта против него; и это есть право жизни, неотъемлемое право существующих поколений, гарантия их свободы. Провинции, которые долгое время были объединены между собою, всегда имеют право отделиться одна от другой, их могут побуждать к этому различные религиозные, политические, экономические причины. Государство, наоборот, претендует держать их силою объединенными, и в этом оно глубоко неправо. Государство, это брак по принуждению, и мы выставляем против него знамя свободного союза. Точно также, как мы убеждены, что, уничтожая религиозный, гражданский и юридический брак, мы возвращаем жизнь, реальность и нравственность естественному браку, основанному единственно на взаимном человеческом уважении и свободе двух человек, мужчины и женщины, которые любят друг друга; что признавая за каждым из них свободу расстаться с другим, когда он этого захочет, не прося для этого чьего бы то ни было позволения; что отрицая также необходимость позволения для того, чтобы соединиться, и отвергая, вообще, всякое вмешательство какой бы то ни было власти в их союз, мы сделаем более тесным их союз, более верными и честными их в отношениях друг к другу; мы также убеждены, что когда не будет больше проклятой государственной силы, чтобы принуждать личностей, сообщества, коммуны, провинции, области жить вместе, они будут более тесно связаны между собою, и будут составлять гораздо более живое, более действительное, более могучее единство, чем то, которое они образуют вынужденно теперь, под для всех одинаково тягостным давлением государства.

Мадзини и все сторонники единства становятся в противоречие с самими собою, когда они, с одной стороны, говорят вам о глубоком, близком братстве, существующем в этой группе двадцати пяти миллионов итальянцев, объединенных языком, традициями, нравами, верою и общностью стремлений, а, с другой стороны, хотят сохранить, что я говорю? усилить могущество государства, необходимого, говорят они, для поддержания единства. Но если они действительно так неразрывно связаны между собою, принуждать их к объединению излишняя роскошь, бессмыслица; если, наоборот, вы считаете необходимым их принуждать, это доказывает, что вы убеждены, что они не очень то связаны между собою, и что вы ждете, что вы хотите ввести

их в заблуждение на их собственный счет, когда вы говорите им об их единстве. Социальное единство, реальный результат совокупности традиций, привычек, обычаев, идей, существующих интересов и общих стремлений, есть живое, плодотворное, действительное единство. Политическое единство, государство, есть фикция, абстракция единства; и оно не только скрывает в себе раздор, оно еще его искусственно производит там, где без этого вмешательства государства живое единство непременно существовало бы.

Вот почему социализм федералистичен и почему весь Интернационал приветствовал с энтузиазмом программу Парижской Коммуны. С другой стороны, Коммуна ясно провозгласила в своих воззваниях, что она хотела вовсе не уничтожения национального единства Франции, но его воскрешения, укрепления, оживления, и полную и действительную народную свободу. Она хотела единства нации, народа, французского общества, а не государства.

Мадзини дошел в своей ненависти к Коммуне до глупости. Он утверждает, что система, провозглашенная последней парижской революцией, возвратит нас к средневековью, т. е. к разделению всего цивилизованного мира на массу мелких центров, чуждых друг другу и не признающих друг друга. Он не понимает, бедняга, что между средневековой коммуной и современной коммуной существует громадная разница. За пять веков изменилась не только книжная история, изменились нравы, стремления, идеи, интересы и потребности народов. Итальянские коммуны вначале были действительно обособлены, являлись совершенно независимыми политическими и социальными центрами, между ними отсутствовала солидарность и они поневоле должны были довольствоваться сами собой.

Какая разница с тем, что существует теперь! Материальные, умственные и нравственные интересы создали между всеми членами одной и той же нации, что я говорю? между самыми различными нациями социальное единство, настолько могучее и действительное, что все, что делают ныне государства, чтобы парализовать его и уничтожить, остается бессильным. Единство ничто не может побороть, и оно переживет государства.

Когда исчезнут государства, живое, плодотворное и благодетельное единство областей и наций, международное единение сначала всего цивилизованного мира, потом всех народов земли, путем свободной федерации и органи-

зации снизу вверх, будет развиваться во всем своем величии, не божественном, а человеческом.

Патриотическое движение итальянской молодежи под руководством Гарибальди и Мадзини было законно, полезно и славно; не потому, что оно создало политическое единство, единое итальянское государство,—наоборот, это было его ошибкой, потому что оно не могло создать это единство, не принеся ему в жертву свободу и благосостояние народа,—но потому, что оно разрушило различные политические господства, различные государства, которые искусственно и насильственно мешали народному социальному объединению Италии.

Совершив это славное дело, итальянская молодежь должна теперь совершить другое дело, еще более славное. Она должна помочь итальянскому народу разрушить единое итальянское государство, которое она основала своими собственными руками. Она должна противопоставить знамени политического единства Мадзини федеральное знамя итальянской нации, итальянского народа.

Но нужно различать федерализм и федерализм.

В Италии существует традиция областного федерализма, который ныне стал политической и исторической ложью. Скажем раз навсегда: прошлое никогда не возвращается, и было бы большим несчастьем, если бы оно могло возвращаться. Областной федерализм мог бы быть лишь аристократически-консортерийским учреждением, ибо по отношению к коммунам и промышленным и земледельческим рабочим товариществам это было бы опять политической организацией сверху вниз. Истинно народная организация, наоборот, начинается снизу, с товариществ и коммун. Организуя, таким образом, снизу вверх, федерализм становится политическим институтом социализма, свободной и самопроизвольной организацией народной жизни.

Выше я сказал, что наиболее сознательная часть республиканской молодежи начала сначала отходить от Мадзини на почве свободной мысли. Но свободная мысль, вырвав ее из власти прежних предрассудков и предубеждений, пробудила в ней два новых инстинкта: инстинкт действительной, практической свободы и инстинкт живой действительности. Эти два инстинкта заставили ее уже сделать шаг вперед: задолго до 1870 и 1871 г.г., с 1866 и 1867 г.г. она начала чувствовать склонность к федерализму, не высказывая, однако, этого громко, из боязни не

понравиться Гарибальди и, в особенности, Мадзини. С другой стороны, ее федерализм еще не нашел своей основы, социализма, а без этой основы его нельзя было ясно формулировать, не впад в неразрешимые противоречия.

Восстание Парижской Коммуны, ее программа одновременно, социалистическая и федералистическая, ее борьба и геройский конец произвели спасительную революцию в сознании и чувствах этой избранной части итальянской молодежи. Ставши социалистической, она нашла основу, которой не доставало ее федерализму.

Да, она стала социалистической и становится ею с каждым днем все больше и больше, и воздадим ей за это благодарность. Она стала социалистической, что означает, что она открыла свое благородное сердце,—до того времени сбитое с пути теологическими, метафизическими и политическими заблуждениями Мадзини и очерствелое чудовищно честолюбивым культом Государства,—жизни, страданиям и действительным стремлениям народа. Теперь она больше не презирает его: она любит его и стала способна служить его великому и святому делу. И теперь, когда она перестала висеть головой вниз между небом и землей, как еще висят верные мадзинисты, теперь, когда она нашла и чувствует под своими ногами твердую почву,—умная, горячая, геройская и преданная до самопожертвования.—можно быть уверенным, что она совершит великие дела. Что же касается молодежи, которая остается мадзинистской, после тщетных усилий и бесплодных восстаний, она погибнет вместе с буржуазией, которой Мадзини принуждает ее ныне оказывать жандармские услуги.

Возвращаясь к разбору классов и различных наций, составляющих современную Италию. О мелкой буржуазии мне нечего много говорить. Она мало отличается от пролетариата, будучи почти такой же несчастной, как и он. Она не начнет социальной революции, но она бросится в нее с головой.

Городской пролетариат и крестьяне составляют настоящий народ. Первый, разумеется, более передовой, чем крестьяне.

4. Городской пролетариат имеет патриотическое прошлое, которое в некоторых городах Италии восходит до средних веков. Таково прошлое Флоренции, например, которая отличается ныне среди всех городов некоторой апатией и очень заметным отсутствием энергичных и сильных стре-

млений. Ее великая историческая задача как бы истощила ее, по крайней мере частично, как она истощила совершенно флорентийскую буржуазию, скептическое равнодушие которой так живописно выражается в ее *Che! Che!* Пролетариат итальянских городов, существенным образом, исключительно городской, глубоко обособленный, на всем протяжении истории Италии, от крестьянских масс, образует, конечно, весьма несчастный класс, очень угнетенный, но, тем не менее, наследственный класс и очень характерный. Как класс, он подчиняется историческому и неизбежному закону, который определяет карьеру и продолжительность каждого класса по тому, что он сделал и как жил в прошлом. Коллективные индивидуальности, все классы в конце концов истощаются, как и личности. То же самое можно сказать о народах, взятых в целом, с тою разницей, что каждый народ, обнимающий все классы и самые массы, которые еще не составляют класс, бесконечно более обширный, обладает значительно большим материалом и, следовательно, кончает свое поприще гораздо позднее, чем все классы, образовавшиеся в его среде. Это наиболее сильная и наиболее богатая коллективная индивидуальность; но и она также в конце концов истощается, изживает.

И именно это физиологическое, историческое и неизбежное истощение объясняет историческую необходимость двойного движения, которое в настоящий момент, с одной стороны, толкает классы слиться с широкими народными массами, а с другой, ведет народы и нации к созданию новой жизни, более плодотворной и широкой в Интернационале. Будущее, долгое будущее принадлежит на первом месте созданию международного европейско-американского объединения. Позже, но гораздо позже, эта европейско-американская Нация органически сольется с азиатским и африканским агломератом народов *). Но это будет в слишком отдаленном будущем, чтобы мы могли говорить теперь об этом с некоторой положительностью и точностью. Возвращаясь, стало быть, к итальянскому пролетариату.

Чем больше ваш пролетариат принимал политическое участие в вашем историческом прошлом, тем меньше он имеет будущее, как класс обособленный от ваших крестьян-

*) В 1871 г. австралийские государства не занимали еще, как мы видим, европейских социалистов.

ских масс. Я показал, что участие флорентинского пролетариата в развитии и муниципальной борьбе средних веков надолго усыпило его. С начала девятнадцатого века, после вынужденной спячки, длившейся по меньшей мере три столетия, ломбардский, венецианский, генуэзский пролетариат и в особенности пролетариат всей средней Италии принимал более или менее активное участие в восстаниях, в заговорах и патриотических походах которыми полны анналы буржуазной молодежи последних семидесяти лет; и в результате в его среде образовалась партия, очень значительное мадзинистско-гарibaldiйское меньшинство, которое окончательно присоединилось к политике единой буржуазной Республики. Если бы весь итальянский пролетариат последовал этому примеру, с ним было бы покончено, и надо было бы не в нем искать будущее Италии, а в одной только крестьянской массе, бесформенной и некультурной, но нетронутой и богатой элементами, которые не эксплуатировались историей.

К счастью городской пролетариат, не исключая рабочих, которые клянутся именами Мадзини и Гарibaldi, никогда не мог мадзинироваться и гарibaldiдизироваться вполне и серьезным образом; и он не мог этого по той простой причине, что он пролетариат, т. е. угнетенная, обреченная, нищая, голодная масса, которая, вынужденная голодом трудиться, необходимо обладает логикой труда.

Рабочие мадзинисты и гарibaldiйцы могут принять программы Мадзини и Гарibaldi; но в них, в их исхудалых и бескровных детях и женах, спутницах их в нищете и страданиях, в их повседневном действительном рабстве всегда будет что то, что призывает социальную революцию! Они все социалисты вопреки себе, за исключением только некоторых,—быть может одного на тысячу,—которые благодаря личной ловкости, удаче и мошенничеству, вступили или надеются вступить в ряды буржуазии. Все другие, я говорю о рабочих мадзинистах и гарibaldiйцах, являются ими только в воображении, или еще по привычке, но в действительности они могут быть только революционными социалистами.

И ваш долг ныне, дорогие друзья, организовать умную, честную, и в особенности упорную пропаганду, чтобы дать им понять это. Для этого вам нужно будет только объяснить им программу Интернационала, растолковав им то, что в ней говорится. И если вы организуетесь для

этого во всей Италии организуетесь стройно, братски, не признавая других вождей, кроме самого вашего юного коллектива, клянусь вам, что через год не будет больше рабочих мадзинистов ни гарибальдийцев, что все станут революционными социалистами, разумеется, патриотами, но в самом человеческом смысле этого слова, т. е. патриотами и интернационалистами в одно и то же время. Вы создадите таким образом незыблемую основу будущей социальной революции, которая спасет Италию и вернет ей жизнь, ум и всю инициативу, принадлежащую ей среди наиболее прогрессистских наций Европы.

И когда вы совершите этот великий акт, рабочие, которые раньше были мадзинистами и гарибальдийцами, станут сами весьма драгоценными апостолами „нашей религии“ без Бога, так как и по своей природе, и по своему уму, ныне сбитого с правильного пути, и по опыту, приобретенному ими в прошлой борьбе под знаменами Мадзини и Гарибальди, они, конечно, самые энергичные, самые преданные и самые способные из всего пролетариата Италии. Они привыкли к заговорам и организации, и эта привычка окажет вам драгоценные услуги.

Организованные, не индивидуально, а коллективно, в тесные группы, они станут тогда вождями широких масс пролетариата, как городского, так и сельского. Эти широкие массы, в которых политические программы Мадзини и Гарибальди никогда не могли вызвать энтузиазма, не смогут устоять против пропаганды нашей программы, которая является наиболее простым выражением их самых глубоких внутренних инстинктов и которую можно резюмировать в нескольких словах:

Мир, освобождение и счастье всем угнетенным!

Война всем угнетателям и грабителям!

Полное возвращение рабочим: капиталы, фабрики, все орудия труда и сырье товариществам; земля тем, кто ее обрабатывает своими руками.

Свобода, справедливость, братство всем человеческим существам, которые родятся на земле.

Равенство для всех.

Для всех безразлично все средства развития, воспитания и образования и одинаковая возможность жить, работая.

Организация общества путем свободной федерации снизу вверх рабочих союзов как индустриальных, так

и земледельческих, как научных, так и союзов работников искусства и литературы, сначала в коммуну, потом федерация коммун в области, областей в нации и нации в международный братский союз.

Что касается способа организации общественной жизни, труда и общественной собственности, программа Интернационала не навязывает ничего абсолютного. Интернационал не имеет ни догматов ни единообразных теорий. В этом отношении, как во всяком живом и свободном обществе, много различных теорий дебатировались в его среде. Но он принимает за основу своей организации вполне независимое развитие и самопроизвольную организацию всех союзов и всех коммун, при условии, однако, чтобы эти союзы и коммуны в основу своей организации клали вышеназложенные общие начала, обязательные для всех, желающих войти в Интернационал. В остальном Интернационал полагается на спасительное действие свободной пропаганды идей и на тождественность и естественное равновесие интересов.

5. Крестьяне, это огромное большинство итальянского населения, почти совершенно не тронутое культурой, потому что у него не было еще никакой истории, так как вся история вашей страны, как я уже заметил и как вы сами знаете это лучше меня, до настоящего момента сосредоточивалась гораздо в большей степени еще, чем во всякой другой европейской стране, единственно и исключительно в городах. Ваши крестьяне не принимали участия в истории и знают ее только по тем ударам, которые она наносила им в каждом новом фазисе своего развития, по нищете, рабству и бесчисленным страданиям, каким они подвергала. Так как все эти несчастья всегда приходили к ним из городов, то естественно, что крестьяне не любят города ни их абитателей, включая сюда и самих рабочих, относившихся к ним с некоторым пренебрежением, за что они, в свою очередь, платили им недоверием и подозрительностью. Это-то исторически отрицательное отношение к политике городов, а не религия итальянских крестьян, и составляет силу священников в деревнях. Ваши крестьяне суеверны, но они совсем не религиозны; они любят церковь, потому что она чрезвычайно сценична и своим театральными и музыкальными церемониями скрашивает монотонность их деревенской жизни. Церковь для них, как солнечный лучь

в их жизни, полной убийственного труда, страданий и нищеты.

Крестьяне не питают ненависти к священникам, большинство которых, впрочем,—и именно те, которые живут в деревнях,—вышли из их среды. Почти нет ни одного крестьянина, у которого не было бы среди служителей Церкви какого нибудь более или менее близкого или, по крайней мере, дальнего родственника. Священники, по немножку эксплуатируя их и награждая потомством их жен и дочерей, делают с ними их жизнь и отчасти также их бедность. У них нет этого пренебрежения к крестьянам, какое оказывают им буржуа, они живут за понибрата с ними, как добрые малые, и часто играя роль забавников. Крестьянин часто смеется над ними, но не ненавидит их, ибо он свыкся с ними, как с насекомыми, которые копошатся в бесчисленном количестве у него в голове.

С другой стороны, нет сомнения, что как только вспыхнет социальная революция, многие из этих священников бросятся в нее с головой. Они уже сделали это в Сицилии и Неаполитании во время политической революции. А что произойдет во время социальной революции? Политическая революция, абстрактна, метафизична, призрачна и обманчива для народных масс, и так как деревенский священник стоит близко к народу по своей природе, по большинству условий своего существования, она не может иметь для него притягательной силы и удовлетворять его надлежащим образом. Но социальная революция, являющаяся революцией жизни, бесспорно увлечет его, как она увлечет весь деревенский люд.

Не пропаганда свободной мысли, а одна только социальная революция может убить религию в народе. Пропаганда свободной мысли, конечно, очень полезна; она необходима, как прекрасное средство, чтобы обратить лиц, уже передовых по своим воззрениям; но она не пробьет брешь в народе, потому что религия не только заблуждение, извращенные мысли, но еще, и в особенности, протест живой могучей природы масс против узости и мизерности действительной жизни. Народ ходит в церковь, как он ходит в кабак, для того чтобы одурманить себя, забыть свою нищету, чтобы увидеть себя в воображении, на несколько мгновений по крайней мере, свободным и счастливым наравне со всеми другими. Дайте ему человеческое существование и он не будет больше ходить ни в кабак ни в

церковь. Это человеческое существование одна только социальная революция должна и может ему дать.

Крестьянин в большей части Италии беден, еще беднее, чем городской рабочий. Он не является собственником, как во Франции, и это большое счастье, конечно, с точки зрения революции; и он имеет сносное существование, как арендатор, только в небольшом числе областей. Следовательно, итальянская крестьянская масса составляет уже огромную и всемогущую армию для вашей социальной революции. Руководимая городским пролетариатом и организованная революционной социалистической молодежью, эта армия будет непобедима.

Следовательно, дорогие друзья, одновременно с организации городских рабочих вы должны употребить все средства, чтобы уничтожить барьер, разделяющий городской пролетариат от деревенского люда, объединить и организовать эти два класса общества в один. От этого зависит спасение Италии. Все другие классы должны исчезнуть с поверхности ее земли, не как личности, но как классы. Социализм не жесток, он в тысячу раз человечнее якобинства, я хочу сказать политической революции. Он нисколько не помышляет против личностей, даже самых зверских, прекрасно зная, что все люди, дурные или хорошие, лишь неизбежный продукт того социального положения, какое создали им общество и история. Социалисты, правда, не могут, конечно, помешать, чтобы в первые дни революции, в порыве гнева, народ не истребил несколько сотен лиц средч наиболее гнусных, наиболее яростных и наиболее опасных; но когда этот ураган пройдет, они со всей своей энергией будут противиться хладнокровно организованной политической и юридической лицемерной резне.

Социализм будет вести беспощадную войну против „социальных положений“, не против людей; и когда эти положения будут уничтожены, люди, занимавшие их, обезоруженные и лишены всех средств практически действовать, станут безвредными и гораздо менее сильными, уверяю вас, чем самый невежественный рабочий; ибо их теперешняя сила заключается не в них самих, не в их внутренних присущих им качествах, а в их богатстве и поддержке государства.

Социальная революция, стало быть, не только пощадит их, но, поборов их и лишив оружия, поднимет их и скажет им: „Теперь, дорогие товарищи, когда вы стали

нашими равными, принимайтесь за работу вместе с нами. В труде, как и во всем другом, первый шаг труден, и мы по братски поможем вам переступить его". Тогда те, кто, будучи крепок и здоров, не захочет зарабатывать себе жизнь трудом, будут иметь право умереть с голоду, если только они не захотят вести скромное и жалкое существование насчет общественной благотворительности, которая, конечно, не откажет им в строго необходимом.

Что касается их детей, то без всякого сомнения они сделаются мужественными работниками и людьми равными и свободными. В обществе будет, конечно, меньше роскоши, но бесспорно гораздо больше богатства, и, кроме того, будет одна роскошь, которая в настоящий момент никому не знакома, роскошь человечности, счастье полного развития и полной свободы каждого в равенстве всех.

Таков наш идеал.

Таким образом, все классы, перечисленные мною, должны исчезнуть в социальной революции, за исключением двух масс, городского и сельского пролетариата, которые станут собственниками, вероятно коллективными,—в разных формах и в разных условиях, определенных каждой местностью, в каждой области и каждой коммунальной цивилизации и волею населения,—один собственником капиталов и орудий производства, другой земли, которую он обрабатывает своими руками; оба организуются, побуждаемые своими потребностями и взаимными интересами, одинаковым способом и в то же время совершенно свободно, необходимо и естественным образом взаимно уравновешивая друг друга.

Наука, у которой не будет другого авторитета, кроме авторитета разума и рационального доказательства, ни другого способа воздействия кроме свободной пропаганды, наука, которая в настоящий момент создает педантов, станет свободной и поможет им в этой работе.

Вот, стало быть, что представляет, как в Италии, так и везде, живая нация, народ будущего, городской и сельский пролетариат. Все остальное умирает или умерно, иссякло или развращено.

Хотите вы быть живыми? Надоело вам бесполезно вертеться в заколдованном кругу? Думать, ничего не изобретая? Кричать на все четыре стороны, постоянно повторяя одно и то же публике, которая вас больше не слушает? Постоянно суетиться, ничего не делая? Хотите вы избегнуть приговора, который висит над миром, в котором вы родились?

Хотите вы, наконец, жить, думать, изобретать, действовать, создавать, быть людьми? Откажитесь окончательно от буржуазного мира, от его предрассудков, его чувствований, его тщеславия, и становитесь во главе пролетариата. Защищайте его дело, посвятите себя этому делу, отдайте ему свою мысль, и он даст вам силу и жизнь.

Организируйте городской пролетариат во имя революционного социализма и, делая это, объедините его в одной общей подготовительной организации с крестьянами. Восстание городского пролетариата недостаточно; с ним у нас будет только политическая революция, которая неизбежно вызовет против себя естественную, законную реакцию деревенского люда, и эта реакция или только равнодушные крестьян задушит городскую революцию, как это недавно произошло во Франции. Одна только всеобъемлющая революция достаточно сильна, чтобы ниспровергнуть организованную силу государства, поддерживаемую всеми ресурсами богатых классов. Но всеобъемлющая революция, это социальная революция, т. е. революция одновременно в городах и деревнях. Это-то и нужно организовать, — потому что без подготовительной организации наиболее мощные элементы беспильны и ничтожны.

Мы поговорим в другой раз об этой организации.

Интернационал дает вам ее основы, распространите его на всю Италию, и остальное придет само собою.

Интернационал не уничтожает национальности, нации, он обнимает их все, не выкидывая ни одной. Он не может поступать иначе, потому что его основной принцип это самая широкая свобода, Интернационал не ведет войны против естественных отечеств; он воюет только против политических отечеств, против государств, и он должен вести эту войну; потому что, желая серьезно полного и окончательного освобождения пролетариата, он необходимо должен стремиться к уничтожению всех классов, т. е. всех экономических привилегий, государства же являются лишь организацией и гарантией экономических привилегий и политического господства классов. Объявляя войну классам, он должен вести войну против государств. Мадзини хочет не только сохранения, но еще и усиления итальянского государства; следовательно, он должен хотеть и хочет сохранения буржуазного класса; следовательно, он должен бояться Интернационала и ненавидеть его, и он боится его и ненавидит. Он клевещет на него и старается погубить его; он хотел бы

утопить его в мнении итальянского пролетариата. Его проклятия, его плачь напуганного и возмущенного Иеремии достаточно доказывают это. В конце концов, он показывает себя тем, чем он есть, буржуазным, религиозно экзальтированным республиканцем, политическим фанатиком.

Вот, как он кончает свое воссание к рабочим против Интернационала:

Воспитывайтесь и учитесь: как только можете (но черпайте свои знания, главным образом из хороших источников и остерегайтесь прислушиваться к голосу иностранных сирен); не отделяйте никогда свою судьбу от судеб отечества (на это рабочие должны ответить: „Мы не можем отделять себя от своего отечества, потому что отныне отечество, это мы, итальянские рабочие, вне которых в нашей стране мы видим только врагов отечества. Мы итальянцы, это факт, но это обстоятельство несколько не отделяет нас от рабочих других стран: они наши братья, тогда как буржуа нашей страны — наши враги. Вот, в каком смысле мы хотим войти в Интернационал, который составляет мировое отечество работников против мирового отечества хищников и угнетателей труда“), но оказывайте братскую поддержку всякому предприятию, стремящемуся сделать его свободным и великим. (Есть свобода и свобода. Есть свобода народная, которая может быть завоевана только путем социальной революции и уничтожением государства; но есть также буржуазная свобода, основанная на рабстве пролетариата, и которая неизбежно стремится к тому величию государства, о котором говорит Мадзини. Он приглашает, стало быть, пролетариат принять, как свою, буржуазную политику, главная и постоянная цель которой обратить его в рабство.) Умножьте свои союзы и объедините в них, там, где это возможно, промышленного рабочего с земледельческим, город и деревню. (В первый раз Мадзини дает подобные советы городским рабочим и, вообще, удаивает заняться крестьянами. По крайней мере, я помню, что в Лондоне каждый раз, когда я замечал ему, что я считал необходимым революционизировать итальянских крестьян, он мне всегда отвечал: „Пока нечего делать в деревнях, революция должна сначала совершиться исключительно в городах; потом, когда мы совершим революцию в городах, мы займемся деревней“. Тогда я не понимал то, что я называл ослеплением Мад-

зии; но теперь я прекрасно понимаю его мысль. Он вовсе не был слеп, наоборот, он превосходно видел все: Желая только политическую революцию, не разрушения государства, а замену его другим каким нибудь господством или другим государством, он тысячу раз прав не хотеть крестьянской революции, потому что эта революция может быть только социальной,—как это доказали недавние восстания против закона *macinato**). Мадзини это знает, и поэтому он обращался исключительно к городскому пролетариату, который он надеется „обуржуазить“, тогда как „обуржуазить“ крестьян ему казалось невозможным. Теперь он надеется, повидимому, воздействовать также и на крестьян, не прямо, а посредством городских союзов, которые будут преданы ему. Странная иллюзия!) Старайтесь создавать в большом количестве кооперативные общества и потребительские общества. (Было доказано экономической наукой и многочисленными опытами, произведенными с 1848 г. во Франции, Англии, Бельгии, Германии, Швейцарии, и в последнее время в Италии и Испании, что потребительские общества, организованные в небольших размерах, могут внести небольшое улучшение в тяжелое положение рабочих, но как только они начинают развиваться и им удастся чувствительным образом и устойчиво понизить цены на предметы первой необходимости, это влечет неизбежно понижение заработной платы. Впрочем, этот отмеченный факт объясняется легко. Рабочая масса, вынужденная продавать свой труд, чтобы опеспечить себе пропитание, возрастает всегда в большей пропорции, чем капиталы, служащие на оплату их труда. Рабочие, стало быть, составляют конкуренцию друг другу в предложении труда, которое почти всегда превышает требование на труд, что вынуждает их продавать свой труд по наивозможно низкой цене. Но они не могут требовать меньше того, что им абсолютно необходимо для существования. Отсюда происходит, что когда цены на продукты растут, они должны требовать большую заработную плату; и, наоборот, когда цены на продукты падают, они могут согласиться на меньшую заработную плату, и они всегда вынуждены согласиться на это, благодаря конкуренции их между собою. Понятно, следовательно, что когда потребительские общества достаточно развиваются, чтобы вызвать

*) Налог на помол.

устойчивое, общее и чувствительное понижение цен на предметы первой необходимости, заработная плата должна понизиться. Этот факт установлен опытом и доказан теоретически наиболее известными экономистами Англии, Германии, Бельгии и Франции. Лассаль, знаменитый немецкий социалист-революционер, основатель *Allgemeiner deutscher Arbeiterverein*, коммунистического союза, на этом факте главным образом базировал свою блестящую, кончившуюся победой полемику против Шульце-Делича, буржуазного социалиста, первого и главного основателя кооперативных обществ в Германии. Вот, стало быть, к чему сводится весь социализм Мадзини: к великой иллюзии для рабочих и к великому спокойствию для буржуа. После чего он говорит итальянскому пролетариату: Положитесь на будущее (т. е. на меня, который будет генералом, а вы мои солдатами); объединитесь и составьте тесную, сплоченную массу на подобие армии.

Ныне вы не существуете. (Браво! Тем, которые одни только существуют, он заявляет, что они не существуют! Призрак говорит действительности: „Ты ничто!“ Нужно быть несправимым буржуа, чтобы решиться сказать подобную вещь пролетариату и сказать это с убеждением, как это, конечно, делает Мадзини.) Ваши общества морально связаны между собою общими стремлениями (и эти действительные, инстинктивные стремления, имеющие в основе не теорию Мадзини, а социальное положение итальянских рабочих, обратны тому, чего желает и на что надеется Мадзини), но никто не имеет права говорить кроме, как от своего личного имени, никто не в состоянии дать услышать стране голос всего класса ремесленников для изъявления егб нужд и желаний, никто не может сказать с должным авторитетом: Вот, чего хотят, вот, что отвергают рабочие Италии. (Это право Мадзини и надеется завоевать на съезде в Риме. И когда оно ему будет дано, горе невтрующей, социалистической и революционной молодежи Италии! Вооруженный этим фиктивным правом, которое не преминет оказать сильное влияние на суеверное воображение самих рабочих, он раздавит ее, именем фикции пролетариата. Он скажет ей: „Сыны буржуазии, подчинитесь итальянскому народу!“) Без братского (рабского) договора, без руко-

водящего центра вы не можете приобрести, ни дать другим приобрести сознание силы, имеющейся в вас (Это все то же отрицание действительной коллективной силы в пользу власти. Мадзини говорит этим рабочим: „Прошу вас, дети мои, дайте мне вашу силу. Мне нужна она, чтобы надеть на вас цепи, иначе вы можете стать опасными для существования моих добрых буржуа“. Это и называется: Национальный Договор.)

Рим, колыбель цивилизации, теперь наш; но он наш только наполовину, он наш только материально, и нам всем выпало надолго влить в него душу Отечества (буржуазного) и получить от него (через посредство Пророка и Папы новой религии) освящение пути, по которому мы должны следовать (все по новой мадзинистской религии), чтобы исполнились наши судьбы и чтобы могучее проявление итальянской жизни сделало святым и плодотворным Союз (Аллилуния!) Почему не поспешить вам в Рим на съезд, чтобы получить там новое крещение вашего Братства? Может быть, кроме огромной выгоды, которая отсюда последует для вас, вы напечтаете Италии своим примером и в некотором роде, как инициаторы (вот как!), что из Рима должен выйти другой, более широкий Договор, Национальный Договор, определение вашей будущей жизни (Прокустово ложе, приготовленное догматизмом Мадзини, чтобы упрятать в него все будущее несчастной Италии), без которого Рим и Италия только пустые названия.

Вот, что ясно: если не примут мадзинистскую программу, Рим и Италия не достойны больше жить, они ничто.

Я покончил с цитатами из Мадзини. Цитированное мною достаточно, чтобы раскрыть вам его цель. Он хочет стать действительно новым Папой и созывает в Риме итальянских рабочих, чтобы воздвигнуть папский престол, с высоты которого, дабы проявить свою силу, он будет провозглашать *ex cathedra*, от имени итальянского пролетариата, громовые проклятия против Парижской Коммуны, Интернационала, агенстической молодежи и против меня „бедного варвара“, который осмелился выступить с защитой Человечества, истины и справедливости против него, представителя Бога на земле.

Ваша задача, ваш долг, дорогие друзья, мне кажутся очень ясными. Мадзини сам постарался указать их вам и принудил вас, так сказать, открыто высказаться за Интернационал. Обратите внимание с другой стороны на странное согласие, какое замечается ныне между иезуитами, Consorteria и Мадзини. Иезуиты говорят и пишут во всех своих сочинениях: „Или иезуитизм или Интернационал, середины нет.“ Consorteria повторяет иначе ту же фразу, тот же аргумент: „Если вы не будете поддерживать и не усилите правительство в наших руках, вы погибли. Между властью и торжеством Интернационала нет середины“. Наконец, Мадзини говорит итальянским рабочим: „Интернационал есть, Зло; я—Добро; выбирайте“.

Все, стало быть, иезуиты, Consorteria и Мадзини, каждый с своей стороны, говорят, что Интернационал им абсолютно противоположен. А так как вы не хотите быть ни иезуитами, ни членами Consorteria и так как ваши противорелигиозные верования не позволяют вам больше быть апостолами политической теологии Мадзини, то вы должны, если хотите быть чемнибудь, стать работниками Интернационала.

Мадзини толкает вастуд а всеми силами, со всем жаром своего красноречия. Многие из вас, из любви к спокойствию и из боязни скандала, а, главным образом, благодаря законной и вполне заслуженной привязанности к Мадзини, предпочли бы оставаться по отношению к нему в двусмысленном положении, в каком вы находились эти последние годы, т. е. быть мадзинистами не в теории, а на практике. Но логичнее и энергичнее вас, он с очевидностью доказал вам теперь, что отныне это стало невозможным; и он вынуждает вас сделать выбор между полным самоубийством, умственным, нравственным, политическим и социальным уничтожением и открытым восстанием против него.

Если вы выберете первое, вы станете ответственными соучастниками гибели, унижения, позора и рабства своего отечества; если вы выберете второе, вы сделаетесь правозвестниками и главными деятелями его освобождения.

Можете ли вы колебаться?

Одна из причин, и я полагаю главная, вашего колебания, это боязнь огромной ответственности, какую вы, конечно, возьмете на себя, открыто и окончательно порвав, не только с теориями, но и с политической деятельностью Мадзини, встав таким образом в оппозицию ко всей демок-

ратии или, скорее, ко всей республиканской партии вашей страны, привыкшей больше не думать, не чувствовать, не хотеть самостоятельно, а слепо следовать за своими двумя великими вождями Мадзини и Гарибальди. Эта партия, взятая в целом, будет, разумеется, поражена и испытает суевверный ужас при виде „неизвестных“ молодых людей,—это крупный аргумент всех глупцов, вы это знаете,—осмелившихся открыто восстать против своих уважаемых вождей и взять на себя смелый почин новой политики, независимой от того и другого. В первый момент они будут, может быть, сторониться от вас, как от кучки злодеев, изменников, зачумленных. С вами будут бороться со всем вероломным и глупым остервенением, на какое способны мадзинисты, как они не раз доказали в течение своей борьбы, и которое обнаруживает в них натуру теологов и жрецов. Будут стараться образовать пустоту вокруг вас и, конечно, сделают все возможное, чтобы отдалить от вас рабочие массы. Словом, вам придется пережить тяжелые минуты, и чтобы выйти с честью из трудного положения, вы должны будете пустить в ход весь свой ум, сердце, веру, взяться за дело самым настойчивым, самым решительным и энергичным образом.

Это—предприятие и опыт, которые требуют героизма совершенно другого закала, чем тот, который необходим для того, чтобы бороться под знаменем Гарибальди. Там достаточно немного темперамента, немного физической храбрости и способность переносить лишения и усталость в продолжение нескольких недель или самое большее нескольких месяцев; здесь, наоборот, берут на себя обязательство работать всю жизнь, и, как только что сделал наш друг Фортунно в своей газете *Gazzettino Rosa*, клянутся посвятить ее всецело великой борьбе за освобождение пролетариата. Подобное обязательство самое серьезное, ибо оно влечет за собой, как неизбежное следствие, окончательный и полный разрыв с прошлым, со всем буржуазным миром, со всеми друзьями прошлого и союз на жизнь и на смерть с пролетариатом.

Будете вы иметь мужество совершить, со всей логикой, какой требует такая великая работа, и со всей энергией, необходимой, чтобы довести ее до конца, этот разрыв и этот союз?

Принимая во внимание положение, в какое вы сами поставили себя, заявив себя материалистами, атеистами, сторонниками Коммуны и Интернационала, социалистами и

революционерами, одним словом, мне кажется вы не можете больше колебаться, под страхом самоунижения; вы должны идти вперед и, приняв не только в теории, но и на практике все последствия этого нового символа веры, соединиться с нами против Мадзани.

Когда я думаю о глубокой искренности ваших убеждений, вашей мысли и ваших чувств, тогда мне кажется еще более очевидным, что вы должны принять это решение, которое одно только и остается вам, под страхом осудить самих себя на презрение.

Что может вас еще заставлять колебаться? Скромность? Но скромность становится большой глупостью, безумием, преступлением, когда дело идет об исполнении великого долга. Только одна вещь могла бы еще вас остановить: это недоверие к самим себе.

Вот, в самом деле, как вы попытаетесь, быть может, рассуждать:

„Порвать разом с прошлым и со всеми прежними друзьями вещь легкая, и не менее легко об'явить, что мы хотим начать новую политику. Но где мы возьмем средства и силы, чтобы исполнить подобное обещание? Мы бедны, малочисленны и почти неизвестны. Публика, наши прежние друзья, сами рабочие, ради которых мы принесем эту жертву, переступим этот трудный шаг, попробуем совершить этот опасный скачек, будут высмеивать нас. Мы, одни, бессильны и неспособны исполнить свои обещания; мы смешны, и смешное уьет нас.“

Так вы будете рассуждать, если ваша любовь к справедливости и человечеству недостаточно сильна, если это только воображаемая платоническая любовь, а не одна из тех великих страстей, которые об'емлют всю жизнь. Действительная и серьезная страсть никогда не рассуждает таким образом; она идет всегда вперед, она действует, всегда, не высчитывая своих средств, не считая препятствий, создавая одни и разрушая другие, толкаемая непобедимой силой, которая справедливо делает из нее страсть.

Я нахожу, что рассуждения этих двух различных страстей верны каждое в своем роде. Первая права не доверять себе, потому прежде всего что она никогда не бывает постоянной, ни длительной; она бесплодна и не может ничего создать, ни средств ни друзей, и чаще всего опускает крылья при первом же препятствии: она бессильна и не может разумно иметь веру в себя. Но вторая, наоборот, очень

часто права верить в свою собственную силу, так как она создает все средства, нужные ей для достижения своей цели, и увлекает и неуклонно создает себе друзей, при условии, чтобы она была социальной, а не эгоистической страстью.

Я предполагаю, я должен думать, что такова ваша страсть, и, исходя из этого предположения, я буду рассуждать вместе с вами. Вы говорите, что вы бедны, неизвестны, малочисленны и спрашиваете, какими средствами вы можете располагать, чтобы направить общественное мнение вашей страны по одному руслу, какое вам кажется хорошим и справедливым? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего определить, о каком общественном мнении идет речь. Если вы говорите о буржуазном общественном мнении, тогда я первый окажу вам: „Откажитесь от такой смешной иллюзии; оставьте ее Мадзини, и пусть он забавляется обращением буржуазии.“ Ибо то, что вы говорите, верно; ее можно постепенно обращать только путем прогрессивной и все более и более угрожающей организации мощи пролетариата и окончательно обратить только путем социальной революции, которая, чтобы ее совершенно вылечить, погрузит ее в экономическое и социальное равенство.

Но у вас есть другая публика, публика огромная, это пролетариат,—ваш народ. Этот последний инстинктом на стороне ваших идей и, следовательно, поймет вас и необходимо последует за вами. Но народ, скажете вы, не читает: для кого же мы будем писать? Я вам скажу в другой раз для кого; теперь же я вам скажу только, что если народ не читает, нужно ходить к нему, чтобы читать ему свои статьи. И потом, во всех городах в народе имеются люди, умеющие читать, которые поймут ваши статьи и сумеют объяснить их своим неграмотным товарищам. Но вы не будете писать свои статьи только для народа.

В среде самой буржуазии вы найдете симпатичных читателей, мужчин и женщин: ибо не все одинаково испорчено и обеспокоено, но все стеснено и парализовано условиями общества, в котором они живут. Посредством своих газет вы привлечете, стало быть, к себе все, что есть живого в этом классе, и вы сможете организовать эти элементы, параллельно организации народных масс, как полезных союзников в денежном отношении или в отношении пропаганды. Разумеется, вы не найдете тысячи таких; их

недостаточно, чтобы можно было составить из них организованную силу; но число их достаточно, чтобы оказать вам ценную помощь в великом деле организации народной силы.

Ваша единственная армия, это народ, весь народ, как городской так и деревенский. Но как подойти к этому народу? В городе вам будут мешать правительство, *Son sorteria*, мадзинисты. В деревне вы встретите на своем пути попов. Однако, дорогие друзья, существует сила, способная победить все это. Это коллектив. Если бы вы были обособлены, если бы каждый из вас хотел действовать только по своему, вы были бы, конечно, бессильны; но, объединившись и организовав свои силы,—как бы незначительны они ни были вначале,—для единого совместного действия, руководимые общей мыслью, общим положением, стремящимся к общей цели, вы будете непобедимы.

Даже три человека, объединенных таким образом, образуют уже по моему, серьезное начало силы. Что будет, когда вам удастся организовать в вашей стране в числе нескольких сотен? А, конечно, в Италии найдется несколько сот умных, энергичных, преданных юношей, способных воспринять ваши идеи и полюбить и хотеть страстно то, что вы любите и хотите. И разве вы не видите, что они начинают уже показываться почти всюду в вашей стране? И, не правда ли, для того, чтобы разбудить их в большем числе, чтобы создать их в некотором роде, просвещая их мозг, чтобы искать и находить их, вы пишете свои газеты? Так я клянусь вам, и вы сами это прекрасно знаете, что вы найдете их сотни в Италии, разумеется, с различной степенью умственных способностей, преданности, убеждения, энергии и активности. Несколько сот благорасположенных молодых людей не достаточно, конечно, чтобы составить революционную силу вне народа: это тоже иллюзия, которую надо оставить Мадзини; и Мадзини, повидимому, сам замечает это ныне, раз он обращается непосредственно к рабочим массам. Но эти несколько сотен достаточно, чтобы организовать революционную силу народа.

Время великих политических личностей прошло. Когда дело шло о совершении политических революций, они были на своем месте. Политика имеет целью образование и сохранение государств; но „государство“ означает господство с одной стороны и подчинение с другой. Крупные господствующие личности, стало быть, абсолютно необходимы в

часто права верить в свою собственную силу, так как она создает все средства, нужные ей для достижения своей цели, и увлекает и неуклонно создает себе друзей, при условии, чтобы она была социальной, а не эгоистической страстью.

Я предполагаю, я должен думать, что такова ваша страсть, и, исходя из этого предположения, я буду рассуждать вместе с вами. Вы говорите, что вы бедны, неизвестны, малочисленны и спрашиваете, какими средствами вы можете располагать, чтобы направить общественное мнение вашей страны по одному руслу, какое вам кажется хорошим и справедливым? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего определить, о каком общественном мнении идет речь. Если вы говорите о буржуазном общественном мнении, тогда я первый скажу вам: „Откажитесь от такой смешной иллюзии; оставьте ее Мадзини, и пусть он забавляется обращением буржуазии.“ Ибо то, что вы говорите, верно; ее можно постепенно обращать только путем прогрессивной и все более и более угрожающей организации мощи пролетариата и окончательно обратить только путем социальной революции, которая, чтобы ее совершенно вылечить, погрузит ее в экономическое и социальное равенство.

Но у вас есть другая публика, публика огромная, это пролетариат, — ваш народ. Этот последний инстинктом на стороне ваших идей и, следовательно, поймет вас и необходимо последует за вами. Но народ, скажете вы, не читает: для кого же мы будем писать? Я вам скажу в другой раз для кого; теперь же я вам скажу только, что если народ не читает, нужно ходить к нему, чтобы читать ему свои статьи. И потом, во всех городах в народе имеются люди, умеющие читать, которые поймут ваши статьи и сумеют объяснить их своим неграмотным товарищам. Но вы не будете писать свои статьи только для народа.

В среде самой буржуазии вы найдете симпатичных читателей, мужчин и женщин: ибо не все одинаково испорчено и обеспокоено, но все стеснено и парализовано условиями общества, в котором они живут. Посредством своих газет вы привлечете, стало быть, к себе все, что есть живого в этом классе, и вы сможете организовать эти элементы, параллельно организации народных масс, как полезных союзников в денежном отношении или в отношении пропаганды. Разумеется, вы не найдете тысячи таких; их

единогласного предварительно обсужденного и принятого решения. И, поверьте мне, вы тем легче одержите победу над всеми вашими противниками, что вы понесете в народ не слова, упавшие сверху именем божественного откровения или доктринерской политики, идеи, которые будут выражать не что иное, как его собственные инстинкты, его собственные стремления, собственные нужды.

И теперь же, на Римском съезде, если возможно и если есть еще время, вы должны устроить первое сражение. В ответ на предложения Мадзини вы должны смело выставить свои контр-предложения. Вы будете, вероятно, в меньшинстве; но пусть это не пугает вас, лишь бы это меньшинство было убежденно, сплочено и тем самым почтено. Вы не найдете, конечно, лучшего случая, чтобы объявить свою программу Италии и Европе.

Ну, теперь, дорогие друзья, я кончил. Извините меня, если я наскучил вам: я хотел быть краток, но не сумел это сделать. Сюжет меня увлек. Но за то, вы имеете всю мою мысль целиком. Разберите ее, возьмите из нее то, что найдете подходящим, оставьте то, что вам неподойдет, и вы скажите мне, с такой же откровенностью, с какой я говорил вам, что вы думаете о ней, свое одобрение или свои возражения.

Только таким образом мы можем сговориться и образовать между собою свободный Союз.

Михаил Бакунин.

Содержание.

	Стр.
Протест Альянса	3.
Ответ одного интернационалиста Мадзини	57.
Письмо Бакунина Секции Женевского Альянса	71.
Доклад об Альянсе	79.

Часть II.

Послание моим итальянским друзьям	147.
---	------

Книгоиздательство

СОЮЗА АНАРХО-СИНДИКАЛИСТОВ

„ГОЛОС ТРУДА“

Петербург. Пр. Володарского, 56. Москва. Тверская, 70.

Выпущены в свет следующие книги и брошюры

М. Бакунин.—Избран. соч. т. I. Государственность и Анархия, с биографич. очерком В. Черкезова

Его-же.—Т. II. Кнуто-Германская Империя и Социальная Революция, с предисловием и примечаниями Дж. Гильома

Его-же.—Т. III. Бернские Медведи и Петербургский Медведь; Речи и статьи по Славянскому Вопросу; Народное Дело; Речи на Конгрессах Лиги Мира и Свободы: Фёдерализм, Социализм и Антитеологизм.

Его-же.—Т. IV. Организация Интернационала; Политика Интернационала; Письма о Патриотизме; Письма к французу; Парижская Коммуна и понятие о Государственности.

Его-же.—Том V. „Альянс“ и Интернационал. Интернационал и Мадзини.

Его-же.—Бог и Государство (разошлось).

Дж. Баррет.—Анархическая Революция.

А. Боровой.—Личность и Общество в Анархистском Мировоззрении.

Дж. Гильом.—Интернационал (Воспоминания и материалы) Том I - II.

Его-же.Карл Маркс и Интернационал.

Эмма Гольдман.—Анархизм.

И. Гроссман - Рощин.—Характеристика Творчества П. А. Кропоткина.

Ж. Грав.—Будущее Общество.

Его-же.—Синдикализм в общественном развитии.

Виктор Дав и Жорж Ивто.—Фернан Пеллутье и Революционный Синдикализм во Франции.

С Заяц.—Как мужики остались без начальства.

Ж. Ивто.—Азбука Синдикализма (разошлось).

М. Корн.—Революционный Синдикализм и Анархизм; Борьба с Капиталом и Властью и др.

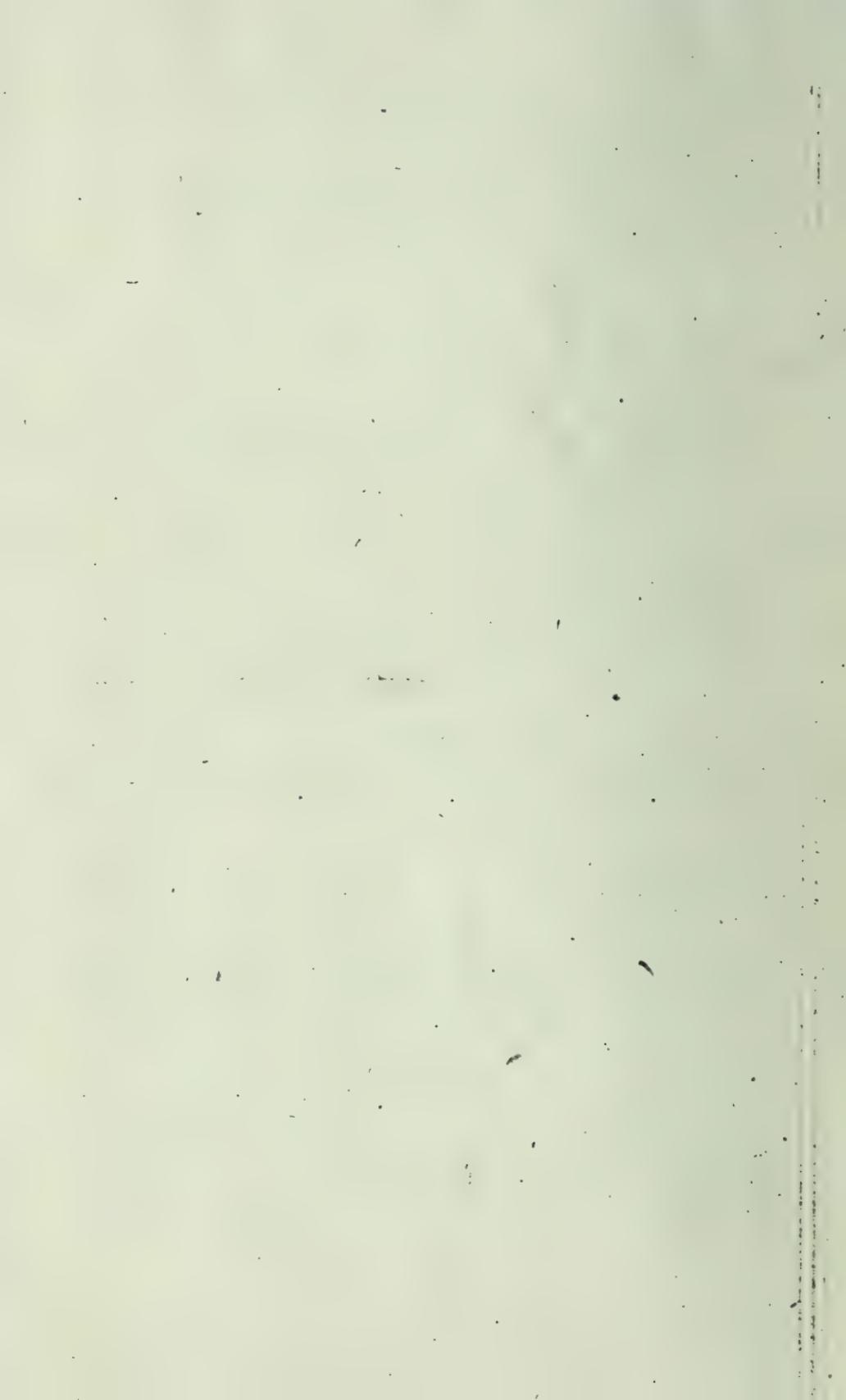
П Кропоткин.—Записки Революционера. Под редакцией автора и с предисловием Георга Брандеса.

Его-же.—Речи бунтовщика, с предисловием и послесловием автора к новому изданию.

- Его-же.**—Хлеб и Воля, с предисловием автора к новому изданию.
- Его-же.** Современная Наука и Анархия (перевод под редакцией автора).
- Его-же.**—Поля, Фабрики и Мастерския.
- Его-же.**—К чему и как прилагать труд ручной и умственный (сокращенное изложение книги „Поля фабрики и мастерския“).
- Его-же.**—Справедливость и Нравственность.
- Его-же.**—Анархия.
- Его-же.**—Анархическая работа во время Революции.
- Его-же.**—Коммунизм и Анархия.
- Его-же.**—К молодому поколению (разошлось).
- Его-же.**—Политические права.
- Его-же.**—Новый Интернационал.
- Н. К. Лебедев.**—Элизе Реклю, как человек, ученый и мыслитель.
- Его-же.** К истории Интернационала. Этапы международного объединения трудящихся.
- Э. Малатеста.**—Избранные сочинения.
- Его-же.**—Анархизм.
- Его-же.**—Краткая Система Анархизма.
- Его-же.**—Крестьянские речи.
- М. Неттлау.**—Жизнь и деятельность Михаила Бакунина.
- Его-же.**—Взаимная ответственность и солидарность в борьбе рабочего класса.
- Э. Пато и Э. Пуже.**—Как мы совершим революцию, с предисловием П. А. Кропоткина.
- Ф. Пеллутье.**—История Бирж Труда.
- М. Р-ский.**—Франциско Феррер и его Новая Школа.
- Элизе Реклю**—Избранные сочинения (с предисловием П. А. Кропоткина).
- Свободное Трудовое Воспитание.**—Сборник статей под редакцией Н. К. Лебедева.
- В. Траутман, Дж. Этгор и В. Сент Джон.**—Производственный Синдикализм (Сборник статей об индустриализме, с предисловием А. Шапиро).
- С. Фор.**—Преступления Бога (второе изд.).
- В. Черкезов.**—Предтечи Интернационала Доктрины Марксизма; Распад среди социалистов государственников; Наконец-то сознались (ответ Каутскому).

Печатаются и в скором будущем выйдут в свет:

- Дж. Гильом.**—Интернационал (Воспоминания и Материалы) в четырех томах.
- П. Кропоткин.**—Взаимная Помощь.
- Э. Пуже.**—И бранные сочинения по вопросам Синдикализма.

Книгоиздательство
САЮЗА АНАРХО-СИНДИКАЛИСТОВ

„ГОЛОС

ТРУДА“

Петербург Пр. Володарского, 56. Москва Тверская 70.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Серия биографических очерков

Н. Проферансов о Прудоне; А. Суши о Ландауэре.

К Н И Г И:

Жан Грав.—Свободная земля.

П. Кропоткин.—Этика.

Г. Ландауэр.—Призыв к Социализму.

П.-Ж. Прудон.—Об общей идее Революции.

Эли Реклю.—Парижская Коммуна изо дня в день (Дневник событий 1871 года).

Л. Фаббри.—Синдикализм и Анархизм.

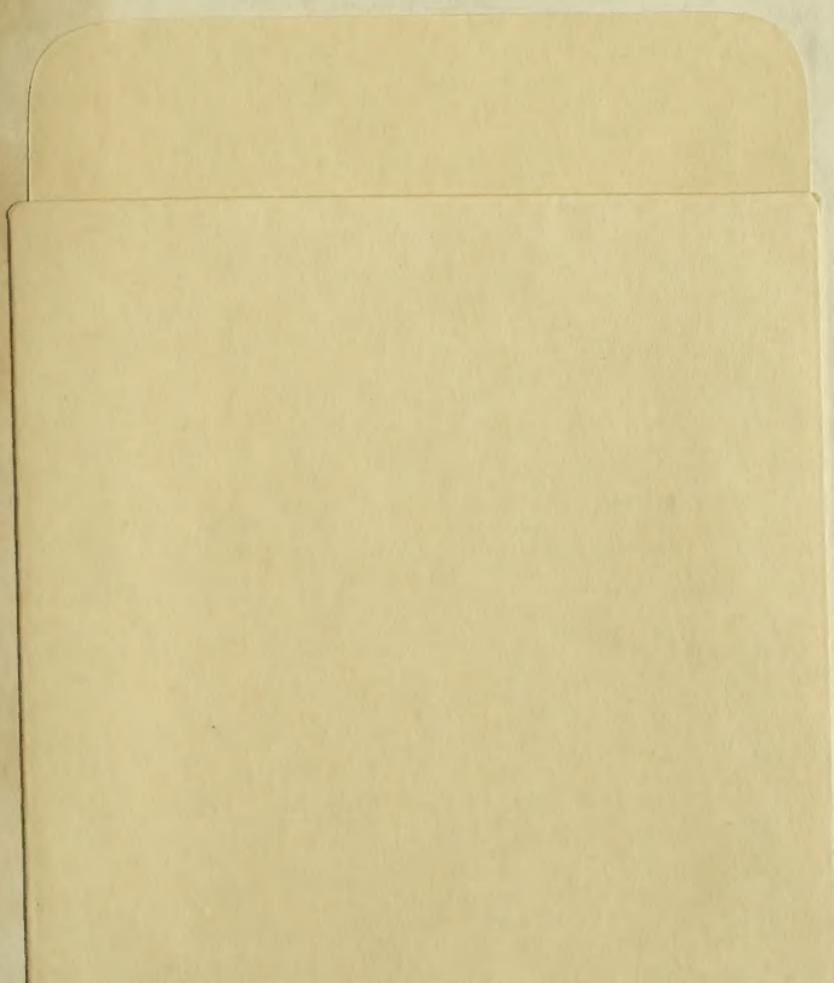
Б Р О Ш Ю Р Ы:

Ф. Барвик.—Коммунистическое построение синдикализма в противовес партийному коммунизму и Государственному Социализму.

П. Кропоткин.—Парижская Коммуна.

Его же.—Государство, его роль в истории.

Ф. Эртер.—Чего хотят синдикалисты.

Duke University Libraries
D017326430

